

Забелѣлки за Бискуп

2 В тоѣ то... ипакъ Бискупъ...

ед. Бискупъ...

тоѣ Бискупъ...

сѣдѣ...

кологий...

и мнѣ...

бискупъ...

сѣдѣ...

2 Бискупъ...

правѣ...

и тоѣ...

сѣдѣ...

и сѣдѣ...

мнѣ...

и...

и...

и...

и...

и...

и...

и...

и...

и...

и...

и...

и...

и...

и...

и...

и...

и...

и...

и...

АСТАФЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Мемориальный центр
истории политических репрессий
«Пермь-36»

АСТАФЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Выпуск второй (17—18 мая 2003)

Пермь 2004

УДК821.0
ББК 83.3 (2Рос-Рус)6-8
А 91

Астафьевские чтения: Выпуск второй. (17 – 18 мая 2003 года) – Пермь: Мемориальный центр истории политических репрессий «Пермь-36», 2004. – 224 с.: вкл.

Мемориальный центр истории политических репрессий «Пермь-36» искренне благодарит Администрацию Пермской области за помощь в издании этой книги

В книгу вошли материалы вторых Астафьевских чтений, которые состоялись в Перми и Чусовом в 2003 году. Доклады и сообщения, прозвучавшие в рамках чтений на пяти секциях, представлены в соответствии с их проблемной тематикой: «Астафьев и современная русская литература», «Библиотеки и интеллигенция в современном мире», «Ответственность интеллигенции в критические моменты российской истории», «Субъекты и участники политического процесса в современной России», «Музейные и архивные коллекции как источники изучения истории российской интеллигенции».

Сборник иллюстрирован фотографиями рабочих моментов чтений, а также содержит в качестве приложения аудиодиск с записями произведений, созданных писателем в Перми. Книга рассчитана на широкий круг читателей: политологов, историков, литературоведов, библиотекарей, учителей, преподавателей и студентов, а также предназначена для тех, кому дороги творчество и память о Викторе Петровиче Астафьеве.

ISBN 5-88187-246-0

© Мемориальный центр истории
политических репрессий «Пермь-36»,
составление, оформление, 2004

УВАЖАЕМЫЕ ДРУЗЬЯ!

Мы рады представить вашему вниманию второй выпуск «Астафьевских чтений», которые состоялись в Перми и Чусовом 17 – 18 мая 2003 года.

Организаторами чтений традиционно выступили Администрация Пермской области и Мемориальный центр истории политических репрессий «Пермь-36», в котором бережно хранят память о Викторе Петровиче Астафьеве, который одним из первых поддержал идею создания музея как центра гражданской памяти народа о своем прошлом.

Вторые Астафьевские чтения убедительно показали, как необходимы они Пермскому краю и России в целом. Всего за один год значительно расширился круг их участников: из Москвы, Красноярска, Екатеринбурга, Вологды, Пскова, многих городов Пермской области приехали писатели, ученые, книгоиздатели, учителя, библиотекари и просто поклонники творчества В. П. Астафьева.

Чтения проходили уже не только в Перми, но и в Чусовом, где начиналась литературная деятельность Виктора Петровича Астафьева. Участники чтений посетили Мемориальный центр истории политических репрессий «Пермь-36», где Виктор Петрович не только бывал, но и активно помогал его становлению, являясь членом общественного совета музея.

Очень насыщенной была программа чтений: пресс-конференция, пленарное заседание, а также в Перми состоялось открытие мемориальной доски на доме по улице Ленина, 84, где с 1962 по 1969 год жила семья Астафьевых.

Работа пяти секций: литературной, библиотечной, исторической, общественно-политической и музейно-архивной позволила довольно глубоко и разносторонне рассмотреть концептуально обозначенную для чтений 2003 года проблему исторической и современной роли интеллигенции в переломные периоды российской истории. Уже ставшая традиционной для Астафьевских чтений полифоничность обсуждаемых тем определила и жанровое разнообразие выступлений: от строго научных докладов и литературных эссе до трепетно искренних воспоминаний и по-доброму безыскусных рассказов о том, как сохраняется память о Викторе Петровиче, как ведется работа с его произведениями.

Такова была личность Виктора Петровича Астафьева, что глубину и широту ее нам еще долго предстоит познавать, а напряжение и притяжение этой личности будут лишь возрастать год от года. Именно поэтому Астафьевские чтения 2003 года еще раз показали, во-первых, что они изначально верно были определены как чтения гражданские, а, во-вторых, что все явственнее обозначается их естественное перерастание в целостную российскую «Астафьевскую программу». Так, в Литературной гостиной чтений не только прошла интересная дискуссия о роли литературы в современном мире и прозвучали дорогие для каждого участника чтений воспоминания о Викторе Петровиче, но также был представлен проект Всероссийской литературной премии имени В. П. Астафьева «Зрячий посох».

Отличительной особенностью Астафьевских чтений 2003 года стало их общественное звучание, направленное на будущее развитие Пермского края как территории гражданственно-ответственной литературы и культуры в целом. Так, в городе Чусовом состоялась не только экскурсия по астафьевским местам, но и была широко обсуждена концепция формирующегося Литературного музея В.П.Астафьева.

Чтения завершились презентацией книги «Крест бесконечный», включающей переписку Виктора Петровича Астафьева с известным российским литературным критиком Валентином Курбатовым в течение четверти века. Своеобразным завещанием считают для себя организаторы чтений строки одного из писем Виктора Петровича, помещенного в этой книге:

«Жить не думая, жить свободно от снedaющих дум о себе и о будущем (а мысль всегда была двигательной энергией в движении человечества), веря или уверяя себя, заставляя поверить, что будущее и без твоего ума обойдется, тебе только и надо, что работать не покладая рук, оказалось очень удобно, но это развратило наши умы: лень ума, и без того нам присущая, убаюкала нас, и понесло, понесло к сытости, самодовольству, утешению и равнодушию. Но мысль неостановима: криво ли, спиралью ли, заячьими ли скидками она идет, движется, и если заостенела, — пробуждение ее болезненно, ужасно. ... Сможем ли мы? Как далеко зашла наша болезнь неподвижности? Способны ли мы уже на те муки самопожертвования, отказа от себя и своих материальных благ? Вот вопросы, на которые, хочешь не хочешь, уже надо давать ответы».

Организаторы чтений надеются, что 17 – 18 мая 2003 года на пермской земле была сделана еще одна небесполезная попытка приближения к таким ответам, и благодарят всех участников чтений, а также тех, кто помог в подготовке и осуществлении этого яркого и устремленного в будущее проекта, за радость совместной работы и готовы принять все замечания и предложения по ее продолжению.

Оргкомитет

В. Астафьев

Пряник коном

1 - рассказ -

2 Бедущина Вовражались в лесу и ча-
закла мне, что мавнававшие под
мнею собираются на убою в лесу

3 - ^{говорящая} ~~молча~~ с ними: Каверин подала
в проем окна на базаре и кучею
кбе щими.

2 - Коном, Баба?

2 - Коном, Коном

2 Пряник коном! Это Баба милая в са-
древенский марш. Он Баба Баба
Баба мой ^{любимый} ~~любимый~~? А убою у ~~на~~
родной, в лесу, родной, родной
Баба и Коном, Коном, Коном

**Астафьев
и современная
русская
литература**

Л. А. Аннинский
Москва

На краю отечества

(послесловие к книге «Крест бесконечный. В. Астафьев — В. Курбатов: Письма из глубины России». — Иркутск, издатель Сапронов, 2003.)

*Хорошо бы верить, что все люди
рождаются одинаковыми, но увы...
Разными они рождаются, и сущую
правду говорил Метерлинк, что, выходя
из дому, Сократ встречает Сократа, а
Иуда — только Иуду, что разумного,
рационального Сократа не сделаешь
Моцартом.*

*Валентин Курбатов — Виктору
Астафьеву, 1982*

Не знаю, поможет ли нам Метерлинк понять, кто тут Сократ, а кто Моцарт, но я бы начал с Розанова.

Розанов, которого Валентин Курбатов читал «в Кул-туке на Байкале, в крайней избе», поглядывая в окошко на чистые светлые звезды и тем врачую душу после столичного ярмарочного остервенения, — гениальный лукавец Розанов в свое время заметил, что дороже всех литературных достижений, с его точки зрения, — чемодан старых писем.

В его время это казалось вызывающим парадоксом. В наше время это почти неопровержимый факт словесности.

Не странно ли? Разве в частном письме, не предназначенном для немедленного общественного оглашения, слово вытаскивается как следует? Оно же вылетает птицей, как хочет! Оно рождается интимно-безотчетно. Оно отражает мгновенное и часто «нечаянное» состояние души.

Так-то оно так, но почему-то эффект наблюдается обратный. В эпохи, когда общественно оглашенное слово становится залогом всеобщего тягла (и — в ответ — всеобщего блуда), именно частное письмо сохраняет тихую правду. «Безотчетность» порыва становится знаком истинности. «Нечаянность» — формой «чаяния».

Сказал же Розанов: старая Россия погибла, потому что господа писатели состязались в том, кто лучше напишет.

Новая Россия (советская), пришедшая на смену старой, в свою очередь состарилась и погибла оттого, что товарищи писатели состязались, кто напишет правильнее.

Души от гибели откатываются в тихую переписку.

Там их подстерегает другой, техногенный, соблазн: телефон.

Но когда сидишь под звонницами Пскова, а собеседник твой — в звянящей птицами сибирской деревне, не больно-то насытишься телефонными звонками.

Счастье нашей словесности, что пришлось псковичу и красноречивцу прибегнуть к старинному жанру эпистолы.

С первого же письма, посланного в августе 1974 года только что отметившему полувековой юбилей Виктору Астафьеву (этот привет от земляка — начало сюжета), Курбатов уверенно входит в ауру старинного жанра. Собирая листик к листику приходящие от Астафьева ответы, он чувствует, что на фоне современного «расчетливого» изготовления текстов переписка обладает качеством неподдельности: даже если ты заранее «будешь до слова знать, что близкий человек тебе напишет — все-таки письмо будет теплее твоего знания и утешительнее». Я бы добавил: и подлиннее. Готовя (в конце сюжета) астафьевские письма для музея, Курбатов переживает так, словно сдает в музей весь эпистолярный жанр и все века, его породившие, а сам, ежась перед «мертвыми буквами», вступает в царство электронной почты (все-таки вступает!), мысленно прощаясь с той правдой, которая остается в рукописном послании.

Его переписка с Астафьевым (251 письмо, да еще все ли отобраны?) в высшей степени подтверждает неподдельность жанра. Даже в описках, даже в умолчаниях, даже в уклонениях от прямизны формулировок — письмо как поступок высвечивает человека до донюшка. Любого человека, каков бы ни был уровень его изощренности и, как теперь говорят, продвинутости. Изощренных-то еще и лучше высвечивает.

А тут — писатели, каждый — во всеоружии мастерства, в осознанности общественного веса, но и в подлинности своего душевного состояния, в невозможности уклониться от очной ставки — глаза в глаза. Это только кажется, что собеседники тут в разном весе: один входит в переписку уже в ранге всенародно признанного писателя, а другой в ту пору — не признанный еще критик, ищущий своего шанса. Он, конечно, критик, то есть для большинства литераторов — работник вспомогательной службы, но надо же чувствовать, какой пробы тут талант, какой огранки знания и какого масштаба характер.

Поскольку об Астафьеве и так написаны горы, я для начала сосредоточусь на его собеседнике. В одном из писем Курбатов обижается «за нашего брата критика». Обижаться есть на что: Астафьев живописует вышеупомянутого брата как помесь енисейского кержака и тунгусского шамана, приписывая ему такие профессиональные достоинства, как верткость и эластичность, и замечая, что критиковать «трохи легче», чем писать. Курбатов опровергает это суждение, выставляя в качестве настоящих критиков такие фигуры, как «мужественный и точный Дедков» и «глубокий и проницательный Золотуский».

Отличный выбор! И красноречивый. К этим двоим (действи-

тельно составляющим славу современной русской литературной критики) я прибавил бы и самого Курбатова. Не столько даже по масштабу (по масштабу, конечно, тоже, но тут потребуется еще ряд имен), сколько по особенному складу дара и, соответственно, по нестандартному ощущению сверхзадачи.

В традиционный ряд критиков, со времен Чернышевского «разбирающих произведения и выносящих приговор», Курбатов не вписывается. Каноническая критика — это «проблемные сочинения», а он уверяет, что пишет «для удовольствия» и даже «не знает», как назвать эту «запись мимолетных мыслей и переживаний» («на Западе это называется «эссе» — у нас не называется никак и не принимается»). Каноническая критика переводит искусство на язык «прямых выводов», а он предпочитает «вольное скитанье», «собеседуя одновременно с героем сочинения и с читателем», и отнюдь не «сводясь к предмету, а заводясь от него». Каноническая критика — это доводы, аргументы, а он излагает истину «скоморошьим ряженьем», когда мысль не «высказывается, а возникает из круга ассоциаций, так что читателю кажется, что придумал это он сам».

Так что же, критик — не анализирует? Поет, как птица?

Отвечу словами поэта: поет, как птица, но слышит, как скрипит земная ось. И добавлю: как скрипят всякие родные телеги поближе. Так что попутно и задачи анализа здесь решаются. Но не в них цель. Попутно можно даже притвориться, что тебе безумно интересны «эстетические принципы», что ты озабочен «совершенством и многообразием словаря» (десяток лет спустя надо разглагольствовать «про топонимы, генотипы и системы ассоциативных связей»). А в душе-то по-прежнему кипят слезы, и их приходится прикрывать зубоскальством, если нет сил делать вид, что ты «исследуешь» литературу.

Курбатов не лукавит, когда говорит, что пуще смерти боится «литературоведческих ужасов»; он не кривит душой, когда признается (повторяя знаменитую самохарактеристику Пастернака на Первом съезде писателей): «Я не боец». В эпоху застоя следовало быть бойцом идеологического фронта — не хотел; в эпоху перестройки и демократического раздвоя надо быть бойцом в жанре «стенка на стенку» — опять не хочет. А хочет стоять посередине и готов получать с той и другой стороны обвинения, а то и тычки. Драма та же: не уместается душа ни в «критику», ни в «борьбу». Сверхзадача у души другая.

Сформулировать?

Распад души и распад страны: что из чего? И как остановить?

«Речь идет об утрате корней, об отсутствии исторической памяти у нас, мальчишками унесенных из родного гнезда и теперь хоть и живущих по деревням, но дороги назад уже не знающих — тоскуем по родине, как в эмиграции... Мученическая тоска по цельности... по длительности рода — от дедов к внукам, когда окружает... отчий

лес, отчая река и родные предания. Вы еще в себе это сберегли, а уж мы — нет...»

Тут схвачена общая беда, определена общая тема, которая и составляет нерв переписки Курбатова и Астафьева. Выводы они из этой ситуации делают разные, иногда противоположные, но картина мира у них одна. Горький астафьевский опыт входит в курбатовское мироощущение — не потому, что он об Астафьеве написал как критик, а потому, что Астафьев помог самоопределиться в этой драме миллионам читателей, и среди них — тому малолетку девятой чусовской средней школы, который в 1955 году «смотрел из темноты зала» на будущего «живого писателя». Он потому и написал о нем впоследствии как критик, что именно с его, Астафьева, помощью осознал свою судьбу — вечное российское скитанье, тоску по земле, которая вот тут, под ногами, но все время уходит из-под ног.

И не знаешь, чего в сердце больше: радости или тоски, когда возвращаешься в родной поселок, а там грязь непролазная, воздух черен, пьянство изнурительное, в автобусах все двери переломаны, народ остервенел. Ах, как хорошо это выглядело издали...

Астафьев — поколением раньше — пропахал то же поле, да не так возвышенно, а — каменея от боли. Он не просто на полтора десятка лет старше Курбатова — он на Отечественную войну старше. В одном из астафьевских писем — в жар бросающее место: «У меня была до войны редкостная память... все давалось «просто так»... за что и в ФЗО, и на войне меня любили и даже с плацдарма выгнали, но там, на плацдарме, осталась половина меня — моей памяти, один глаз, половина веры, половина бездумности, и весь полностью остался мальчик, который долго во мне удобно жил — веселый, глазастый и неунывающий...»

Дальше — послефронтовое скитанье. Пермь — Вологда — Красноярск...

В конце концов они сказали друг другу, что оба прожили жизнь на краю Отечества.

Это и сроднило.

Хотя по-разному выкроил им душу этот «край». Курбатов осознал себя — у Камня, но — с южной, теплой стороны, там, где омывает Камень река Чусовая. Астафьев осознал — в вечной мерзлоте, там, где Енисей каменеет перед Ледовитым океаном... Курбатов вырос при отце с матерью. Астафьев — из семьи спецпереселенцев — семью потерял, вырос в детдомовской отчаянности: не просто в безотцовщине, а еще и проклиная отца и деда, «непутевых гулевых мужиков, которые и сами горазды были путать свою жизнь, а лучшая в мире власть и самая любимая в мире партия и вовсе их запутали...»

Власть и партия — особая статья и особая ненависть у Астафьева — в письмах-то он своих прародителей за их революционные дела уже прощает. Но сейчас речь о характере, который вырабатывается в этом перебросе из вечного холода на огневой

плацдарм, из барака в казарму и в окоп, — речь о том, из какой обугленности надо было вычиститься — к любви, из какой, как любил говорить Астафьев, сажи.

Вот и утешает старший младшего: «Отчего ты вбил себе в голову, что «все испорчено»? Чего и портить-то? Давно уж все испорчено, еще до твоего рождения».

Можно спроецировать эту характеристику на Россию. Именно так: «все испорчено». То ли «при нас», то ли при дедах гулевых. То ли при пращурах, строивших Россию присно и во веки веков...

Тогда что же? «Аминь»?

Попробуй же такую вот «злость и темь» преодолеть, такую обожженную душу задушевной беседой утешить «в сумерках».

Драматургия переписки. Астафьевские письма — сплошной хрип усталости. Усталость от работы. «Свету не вижу, из-за стола не вылажу». Усталость от борьбы с редакторами. «Много нервов взяла эта «редактура», а еще и «цензура стоит за углом, занеся дубину». Усталость от быта. «Истопил печи и еду сварил». Усталость от напора поклонников. «Навалилось какое-то воронье из газет, из полудрузей». На этом фоне — снайперскими выстрелами — непредсказуемые убийные характеристики братьев литераторов. И горечь, горечь. «Закаменевшие слезы».

Курбатов на каждое астафьевское письмо отвечает двумя-тремя и словно камешки драгоценные вытаскивает, при всей разговорной «простоте» стиля. Разговорность на письме — это ведь не «запись, как сказало», это сугубо писательский дар, и он тут у обоих. Однако и контраст тональностей рельефен — при общей согласной теме «беседы».

Так вот что интересно: по ходу переписки Астафьев все чаще исповедуется на «вселенские» темы, как бы подхватывая курбатовские мотивы, Курбатов же, вытаскивая свои камешки, все чаще оборачивает их острыми углами. Души сближаются в переписке. И все зорче всматриваются друг в друга.

Я процитирую из курбатовского письма пронизательнейшее место:

«Ожесточение сердца... в «Затесях» и в «Зрячем посохе» доходит до степени неживой, словно Вы сами себя заводите. Раньше Вас лечила природа, родовая память, наследованная баушкина кровь с ее здоровой соразмерностью и покоем поля, дерева, неба, родная земля лечила, потому что была вдаль и далью очищена. А теперь, когда она рядом, в ней дурное на глаза первым лезет, и душа осердилась. Тут чистое зрение может быть возвращено только великой культурой, которая всегда милосердна, потому что видела человека в разных ситуациях и научила прощать его».

Это ключ! Одна такая формулировка могла бы поставить Курбатова в плеяду блистательных профессионалов критики, даже если бы все остальное у него свелось к душеспасительным беседам в сумерках!

Пока вдали — лечит, а когда рядом...

Запомним эту формулу — она поможет нам не только в волнах экологии, где царит Рыба, но и на перепутьях отечественной истории, где съедается печалью любой Детектив, а таковых много охвачено за 27 лет переписки.

Некоторые всемирно известные вехи этого отечественного Детектива отмечены вскользь, но тем более знаменательны. «Вот выпал матушке России еще один срам». Это — август 1991, победа демократии над партократией. Или: «Так русские литераторы еще не разговаривали». Это — октябрь 1993, письмо демократических писателей с призывом «разогнать, остановить, прекратить» — и обескуражившая Курбатова подпись Астафьева под этим призывом. Или: «Бенгальские огни несчетных митингов» — по всей эпохе Гласности. Добросовестный историк легко разместит этот пунктир по канве нашей новейшей истории. И есть события менее заметные, однако не менее (а даже более) оглушающие.

Об одном из них Курбатов с загадочной улыбкой сообщает своему старшему другу: в Вологде на празднике славянской письменности некий полковник докладывает о «жидомасонской системе общепита, вводящей в пищу таблетки, предрасполагающие к смешанным еврейско-русским бракам, и исподволь меняющей наш генетический код».

Я не рискнул бы комментировать подобный курьез, звучи он «одиночным выстрелом», но в переписке — полтора десятка упоминаний о еврействе, и они все равно будут откомментированы с «обеих сторон», так что лучше я объясню, как я этот предмет понимаю в данном контексте.

Некоторые суждения Астафьева можно объяснить биографически. Например, такое: «годов через пять — семь какому-нибудь Эйдельману-внуку дадут Нобелевскую премию за «открытие», уже сделанное нашим народом...» Это понятно в свете того публицистического нападения, которому Астафьев как раз в ту пору подвергся со стороны Эйдельмана-деда. Переписку-то с ним Астафьева все читали, особенно в пору, когда она ходила в списках (вот когда «эпистолярный жанр» отчетливо высунулся в гласность).

Кое-что в суждениях Астафьева (в переписке не с Эйдельманом, а уже с Курбатовым) требует литературоведческой экспертизы. Например, то, что «с «Тихим Доном» много лет уже борются товарищи евреи...» (хорошая формула — почти как у Метерлинка: Иуда ищет Иуду). Почему товарищи евреи борются против товарища Шолохова? Астафьев объясняет: «нет в ихней литературе произведения такого таланта», и вот «торопятся они объявить «Жизнь и судьбу» выше «Войны и мира», а уж «Тихого Дона» тем более...» Тут слышен отзвук звонкой розановской мысли о Толстом и его комментаторах: евреи-де могут лучше всех откомментировать «Войну и мир», но никогда не напишут... Притягательность розановской мысли объясняется блеском ее поворота, и Астафьев тут не одинок. Труднее

объяснить само неприятие Гроссмана, которое, видимо, связано с тем, что «Тихий Дон», с точки зрения Астафьева, — произведение в советской литературе «нечаянное» (и потому великое), а «Жизнь и судьба»... чаемое? И потому, надо думать, поддельное?

Иногда же на еврейскую тему что-то говорится из чистого озорства, например: «он, парень, хоть и еврей, но геолог». Тут вообще все просто.

Но непроста интонация, в которой отвечает на эти шуточки (и на эти серьезные суждения) Курбатов. После посещения детского дома, из которого по весне «семьями бегают» брошенные родителями дети, он признается: «Не первый уж раз я, грешный, со злобой подумал о родном народе — это где же еще такое есть? Ведь ни одного еврейского ребенка тут и представить себе нельзя...» Товарищи евреи могут не волноваться: цыганенка тоже нельзя — его тотчас заберут из детдома в табор. И вообще могут не волноваться: Курбатов озорства над детьми не допустит.

Или — в 1992 году — по поводу пресловутой нашей культуры обслуживания: «Раньше можно было обложить наш сервис словом «советский» и этим все объяснить и уберечь матушку Россию в чистоте, а теперь вот «русским»-то обругаешь, так в жидомасоны попадешь, между тем качество-то (чуется мое сердце) лучше не станет».

Ну, а вот и напрямую об этом самом: «Хуже всего, что Москва не на шутку увлеклась «старинной русской потехой — борьбой с евреями». А уж поскольку у русского человека нет опыта национализма, то размеры все хитростны, как драка колями. Это против евреев-то, у которых двухтысячелетний опыт защитной дипломатии!.. Противно — сил нет...»

Вот бы традиционным литературным критикам «исследовать» курбатовскую интонацию, интересный будет результат. Она поистине виртуозна: и грязь не липнет, и беседа вроде как поддержана.

Один раз напрямую сказано Астафьеву: «Я не знаю, как Вы глядите на еврейскую проблему».

Ну да, не знает он. Отлично все знает! И то знает, что никакого антисемитизма у Астафьева нет в заводе, и то, что все ссылки на евреев, тем не менее, у него не случайны, и то, наконец, почему Астафьеву так нужны евреи.

Потому что в том хаосе, которым представляется Астафьеву «испорченная» русская жизнь, нужны ему... нет, не виноватые (он знает, что виноваты мы сами, и это главная его боль), а нужны ему какие-то константы, прочные ориентиры, неизблемые точки опоры. Евреи (двухтысячелетний опыт, устойчивость черт, неизменность отношения к ним) — такая спасительная константа. Да хоть бы и ярлык — помогает же!

Точно такие же неизменные у Астафьева — социальные ориентиры зла. Кто губит Россию? «Власти», которые «шикуют и пируют». «Коммунисты» и «большевики», которых Астафьев считает «главными преступниками всечеловеческой, а не только нашей

истории». «Большевистские выкормыши», красной линией (можно сказать, буквально красной) проходящие через астафьевские письма. Во фронтовом варианте мишенью оказывается «военная и комиссарская камарилья», включая сюда высокое начальство вплоть до маршала Жукова, которого Астафьев начал гвоздить, кажется, еще до того, как им занялся зарубежный правдоискатель Резун.

А что же Курбатов? Он отдает должное астафьевскому бесстрашию в обличении всяческой власти, но сам эти темы не развивает, в существо большевистской истории не вдается, предоставляя своему собеседнику демонстрировать весь спектр чувств от обобщенного пренебрежения («комиссары и дураки») до победоносной насмешки (о собственном тесте: «старый большевик, а потому бесстыдник»). Тут мне вспоминается: «хоть и еврей, но геолог», но Курбатов не реагирует. И, наверное, он прав. Ибо новейшая история подбрасывает загадки, которые старыми способами не разгадать. Например, речь новейшего же военачальника, который под шквал аплодисментов призывает армию в случае чего «броситься на народ». Речь «фашистская», — интуитивно определяет старый детдомовец и интуитивно же прогнозирует: «Нам гореть в фашистском кострище». Как-то соотнести новоявленных штурмовиков с большевистскими комиссарами, которые, как известно, не только горели на таком кострище, но и сумели его погасить (с участием солдата Астафьева), — писатель Астафьев в эти тонкости не углубляется и сплывает тех и этих в общую колонну под титулом: «фашисты-коммунисты», каковая колонна и марширует в его сознании, а лучше сказать, подпирает шатающийся русский мир, вечно готовый съехать со всех опор. Опоры нужны! Константы! В данном случае в дело идут константы ненависти.

Но почему все-таки мир шатается? Что за опоры вышиблены из-под него?

Тут надо вспомнить ключевую формулу Курбатова, вскрывшего астафьевскую драму. «Природа, родовая память, баушкина кровь...» Пока это далеко — лечит. А когда рядом?

А когда рядом, то вот описание праздника по случаю юбилея города Енисейска — Астафьев дает великолепную по экономности зарисовку торжеств «с русским широким запоем, с крестным ходом по подметенному и подкрашенному городу под звон колоколов и хряск бутылочного стекла о камни на Енисее».

Через пять часовых поясов доносится в ответ:

«А теперь вот с псковских храмов алюминиевые и медные кровли ночами снимают — все на продажу, все в товар...»

А с берегов Енисея: «Цены разные, а дурь одина и неделима...»

Общая боль: «Народ становится все хуже и подлей, особенно наш, полусельский-полугородской, — междомок ему имя».

И даже так: «Народ нам не спасти уже...» Нет, это не диспут «исследователей», ведущих вековечный русский спор о народе, который «далеко». Это вопль души, словно попавшей в капкан.

Одно дело — усмехаться над ряжеными, которые «трясут шароварами и подолами в разных ансамблях и хорах». И другое дело — если мы сами виноваты в том, что стало с народом. Тут не отсечешь.

Можно сменить власть, переименовать Совет в Думу, партию в «движение», товарищей в господ. Можно всем пересесть, как в крыловском квартете. Но как «сменить» народ? Это ж геология в пересчете на историю. Это веками ставится! А начнешь народ переделывать (перековывать), так руками того же народа, а чьими еще? Лучше ли он станет, и с какой точки зрения «лучше»?

Чуя это, интеллигенция наша боялась слово сказать против народа, лстыла ему.

Надо почувствовать себя самим народом, чтобы решиться на ту правду, которую врезал ему Астафьев. И его собеседник понимает цену такой правды. «Вы были тем самым народом, в который надо идти», — говорит Курбатов. И Астафьев не уклоняется — ни от правды, ни от боли: «Совсем народишко наш шпаной и оглоедом становится. Горлохват и вор — главное действующее лицо у нас». И еще: «Ах, до чего же еще дитя незрелое в массе своей наш народ! Хоть плачь, хоть руками разводи». И еще: «Народа уже нет, а есть сообщество полудиких людей, щипачей, лжецов, богоотступников... продавших землю и волю свою...»

Заметим, «богоотступников». А пока — о драме писателя. Люди, читавшие «Печальный детектив», помнят, какой ценой дались Астафьеву такие признания. Люди, читавшие полемику вокруг «Печального детектива», помнят и другое: мало кто набрался мужества разделить эту боль.

У Курбатова мужества хватает. «Оскорбительно выслушивать разные двусмысленности в адрес «Печального детектива» от господ литераторов, умеющих улыбаться в обе стороны сразу. С этими просто: отошел в сторону».

Тут-то, на литературном поприще, в любую сторону отойти можно. А там, где хряск бутылок о камни? Выучка человека литературного помогает Курбатову спрятаться от такой мелкой напасти, как козни господ литераторов. «Шнырь в книжечки, и опять гармония и порядок». Но куда спрятаться от большой напасти? «Что мы за народ, что с нами со всеми сделалось? Что так перекошило и кладет с боку на бок?.. Не знаешь, завьют ли волчьим воем или кинутся крушить все без разбора...»

Нет, крушить Курбатов не кинется. Крушить все без разбора склонен его собеседник, пронесший сквозь годы писательства темперамент затравленного беспризорника. Тот — «за топор бы схватился, рубить бы начал направо и налево». Он и теперь не склонен миндальничать: «Носом, как котят слепых, тыкать в нагаженное место, в кровь, в гной, в слезы — иначе ничего от нашего брата не добьешься...»

Однако по ролевой разводке Курбатов должен думать не о

рефлексах слепых котят, а о правах человека, о демократических процедурах и о правилах цивилизованной полемики. И он призывает Астафьева «искать путей соединения разбежавшихся ветвей русской мысли», — надо же уметь «дослушать, что скажет противник, и попытаться понять его половину правды».

Но Астафьев не умеет соединять правду из половинок. Все или ничего! А что такое «все»? Кто это «все» охватит? Бог, что ли?

Ну вот, еще один пункт вечного преткновения, еще один проклятый камень на сердце русского человека. Если бог есть, то не от него ли все наши безобразия? Если его нет, то все безобразия — твои.

Бывший беспризорник, получивший в жизненных университетах высшее атеистическое воспитание, высшее заступничество отвергает: «Да нет его, Бога-то, нет, иначе Он давно покарал бы всю эту свору». Это — к вопросу о «богоотступниках».

У Курбатова, живущего под псковскими звонницами, такой сабельный вариант не проходит: «А вы Бога-то понимаете, простите, как Павка Корчагин, попу махорки насыпавший: как-то уж очень утилитарно, вроде районного начальства, которое вольно нас миловать, а вольно и казнить».

Точное попадание! Делающее этот пункт в переписке одним из самых глубоких и значимых!

Ведь если встать на позицию Астафьева, то и мы вольны казнить или миловать. С церковью у него просто: она народ сотни лет блудными словами обманывает. В качестве узды для нравственности того же народа — годится.

— А собственной душе — без потребности? — уточняет Курбатов. — Или Бог — только «крайняя инстанция»?

Блестящая курбатовская формулировка, примененная к астафьевскому «случаю», не излечивает, конечно, души страдальца, но позволяет не терзать эту душу метафизикой. Ибо ясно же, как отреагирует бывший беспризорник:

— А, ты подвигов требуешь? И тоже духовных? Может, плюнуть на тебя и поддаться бесу?

Что тут скажешь? «Обсуждать это — как воду в ступе толочь, — думает Курбатов. — Тут надобен какой-то другой язык, вроде языка травы и улыбки... А где мне ее взять, если я сам — дитя здравого смысла, воспитанник копеечного разума, и бессильно отступаю не то, что перед Евангелием, но перед Паскалем или священником Феодосием...»

Паскаля трогать не будем — он там же, где Толстой, Достоевский, а также Пришвин, Метерлинк и прочие вечные книжки, в которые мы «шныряем», спасаясь. Суть драматургии — в том, как тактично Курбатов отступает перед Астафьевым, боясь причинить тому боль. Понимая, что хоть тот «злость и темь военную в себе преодолел за полжизни, пусть не всю и не до конца, а все же...»

А все же и Курбатов тоже ищет свой выход из «фальшивого

времени», в котором погибает Россия. Еще не называя бога Богом, он изначально чувствует «направление поиска». Вертикаль нужна! А присяжные литературные критики заменяют вертикаль горизонталью — «кто шире разведет руки при разговоре об объеме знания». Как найти противовес «социальному знанию»? Как удержать «разбегающееся сознание»? Еще не отойдя от осторожных эвфемизмов атеистической эпохи, Курбатов жестко и словно бы от противного очерчивает задачу: остановить тот «сбесившийся поток лжи, безродной наглости и поругания родного дома», который «закручивает в омут наше бедное отечество».

Но как, как это сделать практически?

Походив вокруг родного дома и помечтав о грядках, Курбатов, наконец, находит радикальный путь: он поворачивается и уходит. В монастырь. «Прячется от мира». Читает «разные вечности». Долгими часами ночных служб «собирает душу». Письма, которые раньше заканчивались пожеланиями здоровья и сил, теперь венчаются фразой: «молюсь за вас». Вертикаль, наконец-то, уходит в зенит...

...И там, в зените... нет, не на уровне медных кровель, сдираемых ворами... и даже не на уровне местного иерея, которому, может быть, и впрямь стоило бы сыпануть махорки в тесто... нет, выше, выше, там, где благое молчание должно бы уж охватить души, — что делают высшие иерархи? Анафемствуют, деля приходы!

Куда податься Курбатову с эдакой вертикали? И как объяснить тот факт, что православное воинство ведет себя по-комиссарски? Попы терзают музейных «дурочек», жизнь положивших на спасение церковного добра. Рванулся было на Славянский Собор — высказать все то, что думает, — отсоветовали: «там тебя декоративные казаки отлупят вместе с патриаршими иподьяконами».

Кинуться к студентам? Начнут вякать про Пелевина-Сорокина. Но по ним хоть ахнуть можно в свободном споре, — на то и гласность. Но это опять-таки в литературе. А в церкви? Там не поспоришь. Чуть что — ты «еретик»: на костер! Шаг вправо, шаг влево — стреляют на поражение. «Словарь вроде тот же: благотворительность, милосердие, попечение», а прислушаешься — тот же трезвон, «афиши, интервью, славословие». Разбегающееся сознание думал собрать? Там тебе соберут...

Два «русских мальчика» ведут «русский спор», вечный, как сама Россия. Врачуют души, снимая друг с друга висащие в воздухе анафемы. Ищут опоры.

Желание-то все то же: найти что-то прочное, твердое, надежное в хлябющем пространстве. Астафьев упирается в отрицание: в твердокаменную ненависть к большевикам-коммунистам, они же коммуно-фашисты. Курбатов возводит очи к тверди небесной.

Архимандрит возвращает его на землю. Отговаривает от публичных выступлений: «Нечего, говорит, мученического конца раньше времени искать».

Раньше времени? А кто знает свой срок?

Да и не мученичества хотелось. Тишины! Среди этого базара — тишины. Среди хитроумия и лукавства — простых слов. Простоты. Как эту простоту-тишину назвать — не знал. «Что-то» чувствовал. «Что-то такое чего ждал давно». Что-то! — прямо по Толстому.

И вот интересно: если по ходу переписки Курбатов, исповедующий «утаенную» от базара истину, в чем-то прямо влияет на Астафьева, дерущегося в открытую, — так именно в этом пункте, в том, как интуитивно ощущается «что-то».

Старый солдат отзывается: «Замирает сердце от чего-то непонятного и тайного, чего боишься и ждешь...»

Считанные недели остаются Астафьеву, чтобы рассчитаться с этим миром. В смертный час он вспомнит былое, и давнее начало осознанной жизни — на вечной мерзлоте, в Игарке, в детдоме, с клеймом внука спецпереселенца — покажется ему раем.

«Я пришел в мир добрый, родной и любил его бесконечно. Я ухожу из мира чужого, злобного, порочного. Мне нечего сказать вам на прощанье. Виктор Астафьев».

Кажется, что эти предсмертные строки писаны не чернилами, а цикутой.

Курбатов читает их в красноярском кабинете Астафьева, они лежат на письменном столе, поверх других бумаг. И сразу после похорон в декабрьскую ночь 2001 года начинает писать реквием.

«Первые часы... Скоро рассветет, утром надо будет учиться жить без него...»

В. А. Зубков
Пермь

Последняя проза Виктора Астафьева

Последние произведения астафьевской прозы, опубликованные им при жизни, — это семнадцать новых «Затесей» в майском номере журнала «Смена» за 2001 год. Под каждой — дата написания: от 11 апреля до 2 сентября 2000 года, иногда — место: село Овсянка, Академгородок, Загорье, а под тремя апрельскими — больница. На первый взгляд, случайность, что Астафьев простился с нами именно «Затесями» и именно в «Смене», но только на первый взгляд.

Этот не самый крупный журнал сыграл в судьбе Астафьева роль особую, и не раз. «Смена» первой из столичных изданий напечатала в 1954 году его рассказ «Заноза», когда имя Астафьева было никому не известно за пределами Прикамья. «Смена» два года спустя открыла дорогу Астафьеву-очеркисту, напечатав очерк о безруком охотнике Николае Павлове из Александровска («Любовь к жизни»). С командировки «Смены» за очерком о молодом строителе на берега Енисея в 1957 году начался долгий путь писателя к его главной книге «Последний поклон».

И уж вовсе не случайно, что последней прозой Астафьева стали новые «Затеси». Дело в том, что он писал их, по собственному признанию, почти всю свою творческую жизнь с конца пятидесятых годов, и в итоге составилось с 1972 по 2001 год шесть книг с разными названиями и обновляемым составом произведений этого жанра. Кроме того, только с 1969 по 1993 год насчитывается сорок (!) отдельных публикаций под рубрикой «Затеси» в различных периодических изданиях: столичных и провинциальных. Таким образом, по количеству писательского времени, отданного «Затесям», и количеству публикаций следует признать их без преувеличения основным жанром астафьевской прозы.

Есть некая загадочность в том, что год за годом среди профессиональной писательской работы с традиционными жанрами Астафьев испытывал потребность вновь и вновь возвращаться к этому свободному способу высказывания. Пытаясь понять причину этого феномена, надо иметь в виду, что на протяжении многих лет, а в последнее десятилетие особенно интенсивно, в творчестве Астафьева нарастает преобладание прямого исповедально-проповеднического слова над традиционными литературными формами. Ощущение самодостаточности накопленных наблюдений и мыслей словно бы делало для Астафьева излишней необходимость сюжетной выстроенности текста и лепки характеров, побуждало отдавать первенство подлинному факту и прямому авторскому голосу. «Затеси» все более становились жанром, наиболее органичным творческой личности Астафьева.

Последний цикл «Затесей» открывается фразой: «Поезда через

станцию Чусовскую отчего-то в те времена ходили туда-сюда ночью, чаще под утро. Все самые памятные происшествия тоже происходили в эту пору». Устройство «Затесей» можно уподобить конусу, в острие которого — одно из таких памятных происшествий, а в основании — мысль о жизни, возникшая из астафьевского взгляда на это происшествие. Связь между изображением и мыслью, частным и общим рождается в последних «Затесях» разными путями. Иногда через прямое, «от себя», авторское резюмирование эпизода. Иногда через образную антитезу, в которой ясно просвечивают нравственные симпатии и антипатии автора. Но чаще всего — через эмоционально и мыслительно нагруженное слово, которое в самом описании несет «привязку» изображенного происшествия, каким бы малым и будничным оно ни было, к общему авторскому пониманию жизни, ее ценностей, ее смысла, ее тьмы и ее света.

Главный творческий принцип «Затесей» состоит, очевидно, в отсутствии каких-либо внутренних ограничений и единых жанровых установок, вольно или невольно принятых на себя автором. В последних «Затесях» это особенно очевидно. Здесь есть все: вроде бы беглые наблюдения и всего лишь пейзажные зарисовки, бытовые сценки, давние и свежие случаи из чужой и своей жизни. Есть вещи страшные. Лагерный охранник бахвалится тем, что привязал за ногу к хвосту лошади беглого арестанта и привез «для отчета» эту его ногу. Есть свое неожиданное осмысление привычных слов: супостат, срам, покаяние, показуха... Есть попытки найти нравственную истину, отталкиваясь от незначительного житейского повода (дочь маршала авиации прислала книгу о своем отце).

Это многоголосие или, проще говоря, всеядность «Затесей» объясняется, на мой взгляд, тем, что их автор исходит из первичного представления о конечной сути писательского дела, из того, что талант писателя в первую очередь — не искусство изящной словесности, а способность высказать истинно глубокое и мудрое слово об общей жизни. Слово собственное, личное, которое помимо него никому сказать не дано.

Как духовно выдающаяся личность, рядом с которой в конце XX века мало кого можно поставить, Астафьев получил неписаное нравственное право (очевидно, художнически его осознавал и осуществил прежде всего в «Затесях») говорить с людьми о жизни напрямую, без тематических, проблемных или стилевых ограничений. Каков бы ни был отобранный его, астафьевским, глазом и чутьем жизненный материал в том или ином отдельном рассказе, в совокупности, став «Затесями», несет то главное, ради чего, в сущности, они и написаны, чем интересны и ценны: отпечаток духовной личности самого Астафьева с его понятиями о справедливости, правде и лжи нашей жизни, ее красоте и ее грязи.

И. А. Подюков
Пермь

«Что-то древнее в нас...»

Одна из главных черт художественной речи В. Астафьева — проходящий из текста в текст мотив «древнего, вечного». «Древнее» выступает как лейтмотив творчества писателя; как своеобразный астафьевский концепт, т.е. как способ интерпретации писателем ряда категорий человеческого бытия. Концепт в современной лингвистике — это отложенное в особых знаках объяснение объектов и явлений мира. Эти знаки не столько называют и указывают на предмет и явление — они представляют их как познанные (познаваемые) языком. К ним прибегают, когда делается попытка назвать «неназываемое», т.е. там, где имеет место философское осмысление понятий и явлений, стоящих за гранью личного, непосредственного опыта. В языковом образовании, имеющем силу концепта, сближены язык и сознание, представлено неявное этико-философское знание о мире, прежде всего, о началах жизни, которые часто являются заведомо непознаваемыми в логическом плане (такие, как жизнь, любовь, смерть).

Итак, в языке, в художественной речи существуют когнитивные структуры, средства «разъяснения» мира. Концепт «древнего» у В. Астафьева можно попытаться определить как утверждение автора о причастности человека к глубинным токам природной жизни, об органической зависимости от нее: писатель сам указывает, **что** для него это древнее, вечное — «лес, лошади, кусты, травы, отцветающие рябины, отбелевшие черемухи». Он говорит и о том, что способность к ощущению вечного в калейдоскопе жизни чрезвычайно ценна: «Что-то древнее, неотступное стронется в нас... и все вокруг обретет иной смысл и цвет».

Знаки вечного — природные объекты, такие, как небо, солнце, звезды, река, травы. Все они представлены у писателя в метафорических аналогиях: *небо зажмурилось* (о наступлении темноты в преддверии зарниц), *умытый и довольный лик солнца, пушистый хвост молнии, падающий лист, похожий на слабое человеческое сердце...* Прием создания такого рода образов крайне типичен для В. Астафьева, однако антропоморфизацию природных объектов писателя нельзя считать лишь рабочим приемом создания метафор. Как мы видим по характеру аналогий, природа взята автором в моменты непосредственного, естественного, «интимного» самопроявления и показана в абсолютной неотделенности от человеческого. Писатель в одном случае подчеркивает «детскость» природы (*озеро распеленалось*, т.е. освободилось от тумана, *зеленые ладошки кувшинок*,

листок, который жил в зеленой березовой семье), в другом — ее «девичество» (набухали на ветвях черешни тугими девичьими сосками почки), и особенно активно — ее материнское, «родительское» начало (вечер... пеленал лес, колосок, воспрянувший на груди еще молодой матери-земли; река открывается добрым материнским ликом — о легком свечении воды перед наступлением зимы). Природа живет человеческой жизнью и проходит те же фазы развития от детской непосредственности до умудренной старости (беленький цветок, округлые лепестки которого подпалены холодом... живет и растерянно смотрит на осенний мир; мудро поселились хлебные поля). Особо значима для Астафьева исполненность природы добротой, радостью (дружески распахнутое озеро, веселые птицы), высшего духовного смысла, отсюда в «очеловечивании» природы уподобление моментов ее жизни священнодействию: *рожь, которая... лежала вниз лицом... и ровно бы молилась земле, просила отпустить, ветки ольхи... окропились свечечными язычками набухших почек*. Природа — идеальное для человека начало, несмотря на то, что нередко она проявляет стихийный, неуправляемый характер. Показательно в этом плане описание склонного раз в месяц к запоям Парасковьяна. Астафьев сравнивает с ним речку Валавуриху: «Речка Валавуриха... похожа на колхозного овошевода». Сравнение инверсировано, на наш взгляд, далеко не случайно — это позволяет снять акцент с характеристики конкретного персонажа и перенести его на стихийную силу реки. В результате неискоренимый русский порок предстает как стихийная беда, разливающаяся водная стихия выступает как знак неподконтрольного человеку явления. С этой астафьевской фразой хорошо соотносится уральское выражение **пьяная речка течет** — о месте, где много пьют («У нас нонче тут пьяная речка течет, дочиста спился народ-от»). «Дикость» природы автор не оценивает как недостаток. Хаотичное, неуправляемое человеком природное начало — это то, что стало первопричиной жизни и то, что напоминает о исполненности жизни высоким сакральным смыслом. Таковы молнии и зарницы как древнее дикое пламя перворождения («Хлебозары»), такова дикая, наделенная первобытной мощью природа, олицетворенная в образе неприкосновенной, «богоданной» рыбы («Царь-рыба»). Примечательна парадоксальная фраза писателя о «дикой мудрости», которая исходит от закаменелой фигурки сокола, добывшего в поединке своим детям косача и усевшегося на дереве.

Древние картины у В. Астафьева, рисующие «все вечное», разнообразны. Это древняя земля берегов Койвы со слоями, похожими на каменные письмена — «как напоминание о том, что кто-то жил, ходил по этим же берегам, охотился, брал ягоды,

грибы, мастерил лодку и «думал о своей судьбе», это древний звук дуды в неумелых детских руках, древний зов, по которому таймень идет вверх по Енисею, древняя тишина осеннего леса, древняя, трудно рожающая хлеб земля Вологодчины, вечная, блаженная тишина, в которой рождаются на вершинах гор реки, даже древний черный порошок, который автор предпочитает бездымному.

Идея вечного равным образом перенесена Астафьевым и на человека: женщина копает землю — «весь свой век... нет, все века земного существования...» Она, в полном слиянии с природой, с разгоревшимся алым лицом, высвеченным внутренним светом, «творит сенокосную страду», как Паруна из Быковки, как все русские женщины. Глагол **творить** — совершать обряд, как и образ внутреннего света, высвечивающего героиню, рисуют саму суть обретения человеком духовного: в труде, в тесном контакте с природой. Другой частый для писателя мотив приобщения человека к нравственно-этическому опыту мира, возвышения над земным и суетным — обращение взора на звездный свет, на звезды (звездный свет как знак вечности можно назвать вполне самостоятельным героем произведений Астафьева). Смотрит на звезды Миша-Михей из «Звездопада», видит звезды и отблески северных позарей над Быковкой, огромные зеленые звезды таинственного, сказочного папоротника на берегу Койвы и маленькую звездочку весенней лесной ветреницы герой «Затесей»; узник из «Летающей звезды», вор в законе, который увидел летящую звезду-спутник, не захотел пропустить жизнь и, вопреки законам преступного мира, пошел работать, чтобы выйти на свободу... Писательский мотив находится в полном соответствии с народным образом экзистенции, который реализован в выражении **в небо глядеть** — жить, быть живым. В нем глядение на вечное небо предстает не как праздное созерцание небесного свода, а как акт духовного восхождения, как символ постижения смысла жизни и обретения человеком духовности, нравственного закона (в духе знаменитого Кантовского определения этики — «звездное небо над головой и нравственный закон в груди»).

Одна из особенностей современной литературы — скудость художественной мысли (при несомненном богатстве, даже избыточности собственно форм — коллажных стилизаций, средств интертекстуальности, явлений так называемой звуковой рекомпозиции, мета-метафоричности и пр.). В. Астафьев находится в общем контексте с теми художниками XX века, которые, говоря о трагедийности жизни, человеческого существования, тем не менее утверждают идеи стоицизма. Помимо сугубо публицистических раздумий о темных и светлых сторонах русской души его тексты наполнены философско-лирическим «думанием о душе». Своеобразно синтезируя в

своем метафорическом языке космические и антропоморфные аналогии, писатель делает своей лирической философией «антропокосмизм», мысль о нерасторжимом психосоматическом единстве человека и космоса, природы. Так, вероятно, следует понимать образы древнего, вечного: Астафьев, ощущая «первобытную» подверженность русского человека природным влияниям, природный космос понимает как идеал, как важнейшую из основ народной нравственности.

В. И. Бурдин
Пермь

Художественная деталь в повести В. Астафьева «Последний поклон»

Человек часто застигнут Астафьевым в минуты горя, беды, раскаяния, когда душа у него накренилась, душа не на своем месте. Об одном из жизненных потрясений героя — глава «Ночь темная-темная». В жизнь Вити Потылицына навсегда вошел таинственный незнакомец, пришелец из другого мира. Он нашел в мальчике не только благодарного слушателя, но человека тонкой душевной организации: «И понял я: дяденьке этому долго пришлось жить без близких людей и молчать»¹.

Как тать, у костра возникает председатель сельсовета Митроха и устраивает форменный допрос незнакомца:

— *Кем был до изолирования?*

— *Капельмейстером.*

— *А-а, сразу видно придурка. У нас в партизанском отряде каптенармус был, тоже вертлявый, говорун, тоже под антеллигента работал.*

— *Капельмейстер и каптенармус, смею вам заметить, слова несколько не идентичные.*

— *Чего-о-о?*

— *Не идентичные слова, говорю.*

— *Я б тебя раньше за такие слова!*²

Театральность, игровое начало позволяет Астафьеву высветить всю прихотливость и сложность человеческих отношений, сделать картину плотной и насыщенной, бросив на нее несколько сатирических мазков. Митроха мыслит человеко-элементами, классово-партийными ярлычками.

А его «под антеллигента работал» заставляет вспомнить зощенковское: «Он не интеллигент, но в очках, а может, он на такой фабрике работает, где очки бесплатно выдают».

Митроха не только презирает и ненавидит тех, чьи профессии обозначены столь мудреными словами. Он и слова эти ненавидит, чуя в них непонятную угрозу.

«Митроха, дразнясь, прошамкал:

— *Умоля-аю! Прошу-у! У-у, оглодыши! Поначитались, понаучились всяким словам»!*³

Митроха не только смешон, он страшен, потому что он при власти и говорит он от имени государства.

Чужая беда, боль другого человека с нескладно сложившейся судьбой входит в душу мальчика, и он остро чувствует свою вину перед оскорбленным и униженным странником: «Я сидел у костра раздавленный, убитый. Мне еще никогда не было так стыдно и больно за себя, за село родное, за эту реку и землю, суровую, но приветную землю».

Странник «уплыл в темноту... И долго колебался на реке одинокий огонек»⁴.

Художественная деталь у Виктора Астафьева подобна космической ракете. Вот ее первая ступень — это яркая подробность, которая делает картину зримой и конкретной. Дальше — вторая ступень — устремленность к небесам и звездам, превращение в перл создания, в деталь-символ.

С памятью о незнакомце связан огонек: «Теплом и болью отражается его свет в моей душе. Что-то тревожное пришло в мою жизнь той ночью, и сам огонек с тех пор обрел в моем понятии какой-то особый смысл, он не был уже просто пламенем из дров, он сделался живою человеческой душою, трепещущей на мирском ветру...»⁵

Вот эту живую, трепетную человеческую душу юного героя, чуткую и отзывчивую на людские боли и страдания, и исследует писатель в повести «Последний поклон».

Незнакомец назван путником. Это уже слово взрослого рассказчика. И только прочитав эту главу, сознаешь прицельную точность эпиграфа:

«Пой, скворушка,

Гори, моя лучина!

Свети, звезда, над путником в степи»⁶.

О путниках, странниках рассказывали писатели девятнадцатого столетия. Герой Астафьева помечен тавром «века-волкодава», он пробирается в родные края после окончания срока «изоляции». От профессии героя протягиваются ниточки к скрипке Васи-поляка. И трагические судьбы героев тоже зарифмовываются.

Может быть, самые трагические страницы повести — глава «Без приюта». Мальчик, оказавшийся в Игарке, брошен на произвол судьбы в омуты жестокой жизни. И еще одно пересечение двух миров через художественную деталь — мира Витиной нищеты и отщепенства и большого официально-казенного мира.

Бдительный дед привел милиционера, чтобы выкурить Витю и Кандыбу с чердака театра.

«— Вот туто-ка они и зимогорят. Магазинышко шшиплют, на тятр панику наводят; в нашем лесокombинатском клубе скатерть президиумную свистнули на портянки!»

Заметим, что дед, говорящий, как лесковский герой: *карасин, бильбатка*, лихо, без запинки произносит, как заклинание — *президиумную скатерть*. Художественная деталь укрупняется и начинает работать на образ времени: «Милиционер шагал сзади нас с Кандыбой, понуро бредущих в неизвестность. В дырявые мои валенки набилось снегу, ноги стыли, портянки, сделанные из скатерти, вылезли в протертые задники катанок, красными языками лизали сзади меня улицу»⁷.

Красные языки-флажки, как при облове, будто стерилизуют улицу после шагов мальчика Вити — вне президиумов и докладов о

грядущем коммунистическом рае, хотя президиумная скатерть ему пригодилась.

Наверно редкий писатель XX столетия может так написать о человеческом унижении как Виктор Астафьев.

Витя приходит к бабушке из Сисима, которая предлагает ему поесть и «не купороситься». Писатель включает двойное зрение. Мальчик мучительно ощущает свое сиротство и неприютность: «И то правда: мне ли купороситься? Надо садиться; хлебать суп. Я должен помочь деду с бабушкой из Сисима проявить «доброту». Это их успокоит, очистит совесть перед богом — на поминках в деревнях напослед ставят кисель перед надоевшими людьми, называется тот кисель «выгоняльным». Киселя у бабушки с дедом нету, вот мне и поставили суп-вылупку»⁸.

Это уже взгляд взрослого человека с богатым жизненным опытом. Поразительна прицельная точность художественной детали-символа: выгоняльный кисель-оборотень, превратившийся в суп-вылупку. «Сидят, помалкивают благодетели мои, я хлебаю теплый прокисший суп»⁹.

Бабушка целое театральное действо ставит, и внуку здесь определенная роль уготована. А ему эта роль дается трудно, он человек тонкой душевной организации, чуткий ко всякому проявлению ханжества и лицемерия.

Страницы эти можно назвать литературной классикой.

Художественная деталь позволяет Астафьеву сделать образ прекрасного и яростного мира рельефным, зримым, точно передать трепетные душевные движения юного героя, который стойко переносит удары судьбы.

¹ Астафьев В. Последний поклон. В 2т. Т. 1. — М., 1989. — С. 289.

² Там же. — С. 289.

³ Там же. — С. 290.

⁴ Там же. — С. 290.

⁵ Там же. — С. 291.

⁶ Домнин А. Пой, скворушка! — Пермь, 1983. — С. 26.

⁷ Астафьев В. Последний поклон. В 2т. Т. 2. — М., 1989. — С. 122.

⁸ Там же. — С. 134.

⁹ Там же. — С. 134.

Ю. Г. Бобкова
Пермь

Символика воды в текстах ранних произведений В. П. Астафьева

В настоящее время уже традиционной стала попытка мифопоэтической интерпретации художественного текста. Она исходит из положения о том, что смысл текста не сводится к сумме значений составляющих его слов, что существование текста уже не зависит от воли автора, а включено в процесс коммуникации с исследователем. Мифопоэтическая интерпретация текстов возможна и потому, что «мифология коренится не в сознании человека, а в его отношении к миру, в системе ценностей, в механизмах социальной регуляции поведения, формах и способах мировидения»¹.

Поскольку мифопоэтическая интерпретация апеллирует к символической структуре текста, нам представляется важным обращение к символике воды в текстах ранних произведений В. П. Астафьева, учитывая как личную значимость этого символа в жизни писателя, так и фоновые социокультурные знания в качестве одной из возможных интерпретаций. В связи с этим наше внимание сосредоточено на символических признаках (свойствах) объекта с учетом, во-первых, способности сохранения этих признаков при циркуляции между объектами одного мифологического класса, во-вторых, передаче признака по закону мифологической симметрии и, наконец, «семантической поляризации»².

Принцип отбора текстов для анализа достаточно случаен, хотя имеет и объективные причины: все тексты вошли в первый том четырехтомного собрания сочинений писателя³ и объединяют период с 1959 по 1972 годы.

Итак, вода — одна из фундаментальных стихий мироздания. Проявления ее различны: это реки, моря, дожди, это и «эквивалент всех жизненных «соков» человека»⁴. В мифопоэтических представлениях вода ассоциируется с первобытным хаосом; вода символизирует как мужское, так и женское порождающие начала; вода содержит потенции и жизни, и смерти [там же], подобно синкретизму многих двойственных архаичных схем. Но, как справедливо утверждает Л. В. Карасев, «противоположности равны между собой лишь логически, в реальном же тексте, тем более тексте, написанном человеком, жившим в XX веке, всегда угадывается победа той или иной возможности, всегда есть выбор в пределах равновозможной мифологической антитезы»⁵. Поэтому нас будет интересовать актуальная для В. П. Астафьева символика воды, а именно: вода как память о матери, вода как женское начало, вода в хтоническом проявлении. Также мы уделим внимание синтагматическим и парадигматическим отношениям воды в системе символов и попытаемся выявить символическую структуру текста повести «Стародуб».

Вода как память о матери

Вода, в наиболее значимом для Астафьева виде — в виде реки, занимает особое место в текстах произведений писателя. Об этом же писал исследователь его творчества В.Я. Курбатов: «В 8 лет он потерял мать. Она утонула в Енисее. С той поры река как-то тайно и тесно окажется связана с памятью о матери и, может, поэтому он провел на реках лучшие, обостренно памятливые часы, сошедшиеся потом в рассказы, повести, целые книги»⁶. Здесь важно отметить, что реки присутствуют во многих текстах независимо от того, связано ли повествование с водой тематически, что в свою очередь позволяет говорить о когерентности текстов (или связности нескольких текстов в единый текст писателя, связности, приносимой в текст знаниями его автора и адресата).

Возвращаясь к личной трагедии писателя — потери матери, и — как следствие — сиротству, можно наблюдать включение этой затекстовой информации в текст повести «Перевал» (1959). (Это единственный из анализируемых в настоящей статье текстов, имеющий непосредственную тематическую связь с рекой.) Актуализация затекста проявляется в «сильной» текстовой позиции — в посвящении памяти матери. Воспоминания о травме, полученной в детстве, продуцируют избирательную разрушительную символику реки. Так, река испытывает мужчин — Ильку и сплавщиков — на умение овладеть с ней, преодолеть преграды и дарует им жизнь. У Ильки с рекой связана и надежда обрести семью, попасть к бабушке, где есть возможность продлить детство. Но река беспощадна к женщине. Река ревностно (как воплощение женского начала) отнимает жизнь у той, кто может соперничать в способности давать жизнь, и убив, не оставляет в своем лоне. В то же время река символизирует и возможность искупления: Илька спасает человека, отдавая тем самым сыновний долг, долг, который не мог отдать Виктор Петрович.

Вода как женское начало

С женским началом в тексты входит и эросная символика воды, проявление которой различно. Возникновение невинного чувства любви героя «Звездопада» (1961) дается через неоднократный повтор словосочетания **стакан воды**: герой нуждается в стакане воды, чтобы восстановить силы после перенесенной операции; он ревнует медсестру, зная, как много раненых получают из ее рук эту живительную влагу; он злится на себя, не понимая, почему «водички попил, на косыночку посмотрел, пошептался — и рассолодел, готово дело»⁷. Так телесное исцеление приводит героя к новому душевному состоянию — влюбленности.

Иначе проявляется эросная символика в тексте повести «Пастух и пастушка» (1971), где становление героя повести Бориса в качестве мужчины обязано его соединению с водой, приобретшей не только

символическое значение женского начала, но и женское воплощение: «В разрезе халата начинался исток груди. Живой ручеек стремительно катился вниз и делался истоком». [С. 376]

Вода как символ хтонического

Вода в своем разрушительном проявлении ассоциативно связана у В. П. Астафьева с двумя наиболее сильными потрясениями — потерей матери и военными событиями.

«В качестве «среды обитания» она (вода. — Ю.Г.) губельна для человека. Отсюда <...> несомненна ее связь с космическим катаклизмом и со стихией смерти». [Неклюдов] Поэтому в противоборстве женщины-матери и реки хтоническое водной стихии берет верх, о чем свидетельствует семантический сдвиг (развернутое метафорическое переосмысление) при создании образа водного чудища: «Возле поворота, в узкой гранитной дыре, судорожно бьется речка Ознобиха. Бьется устало и озлобленно. Даже попав в Мару, она все еще беспокойно пошевеливает вспененным хвостом. И долго голубоватую змеей ползет Ознобиха по Мару, прежде чем в ней раствориться». [«Перевал». С. 193]

Личностное отношение писателя к войне также проявляется в актуализации разрушительного свойства воды. В. П. Астафьев не единожды определяет войну, как водоворот: «Из оврагов тоже вываливали и вываливали волна за волною толпы людей и катились навстречу тем, что взлохмаченным прибоем наплывали от села. <...> С двух сторон на всех скоростях катили танки, стискивая все плотнее в кучу людей, закруживая их водоворотом...». [«Пастух и пастушка». С. 357] Значение слова водоворот — «место в реке, море, в котором течения образуют вращательное движение»⁸ свидетельствует об имманентном признаке объекта: вода не только сама центростремительно движется, но и вовлекает в это движение все, что находится непосредственно на ее пути. Отсюда и соответствующая «водная» метафора, представляющая войну как динамическую силу, несоизмеримую с желанием и волей людей, оказавшихся в нее втянутыми.

По этой же причине герою повести «Пастух и пастушка» (1971) предстоит внутренне пережить сначала вещий сон, в котором реальное событие — движение поезда с солдатами навстречу войне — дано как эсхатологическая картина поглощения земли с ее обитателями водой: «Вода сомкнется, покроет гладью то место, где шел состав. И тогда мир этот, залитый солнцем, вовсе успокоится. И будет вода, небо, солнце — и ничего больше! Зыбкий мир — без земли, без леса, без травы». [С. 375] Позже герой таким же образом переходит в инобытие: «И поезд оторвался от земли, от рельсов, тоже уходил, нет, плыл за край плоской земли, в тихий мрак. Борис понял вдруг — в небытие. <...> Оно (сердце. — Ю. Г.) сжалось, подпрыгнуло и выкатилось за окно, булькнуло в бездонном омуте земного пространства». [С. 436]

Вода в системе символов

Признаковое значение смертоносности сохраняется и при циркуляции между объектами одного мифологического класса — класса первооснов, к которому также относится и огонь: «... неожиданно для всех и для себя тоже закричал лейтенант, все еще не отрывая взгляда от <...> огня, который пробивало по всей ширине белыми брызгающими всполохами, будто бросал кто в огненный омут булыжины». [Там же. — С. 318]

Но делегирование свойства воды огню оказывается способно передать и максимальное проявление жизни — акт близости между мужчиной и женщиной: «... их тела <...>, как бы налитые раскаленным металлом, остывали». [С. 381] Для героя повести «Пастух и пастушка» это событие оказывается смертью в одном статусе и рождением в другом, отсюда и содержание частицы неуправляемой, хаотичной энергии в акте жизнеутверждения.

Синтагматические (или сочетаемостные) отношения наблюдаются также во взаимодействии воды с землей. Культурная коннотация значения слова возникает из эмпирически наблюдаемого свойства воды — способности исцелять: «Обнажалась земля, избитая войною, и лечила самое себя солнцем, талой водой» [С. 409]; или «Много ходившие больные ноги дрогнули, кожей ощутив не тундровую стынь, а живое тепло огородной борозды, коснувшись мягкой плоти трудовой земли, почуяли ее токи, вот уже чистая роса врачует раны». [«Ода русскому огороду» (1972). С. 443]

Вода связана с системой символов в целом, но в конкретном тексте эта связь значительно трансформируется, поэтому закончить аналитическое рассмотрение хотелось бы выявлением символики воды в тексте повести В. П. Астафьева «Стародуб» (1960).

Символическое пространство текста построено на противопоставлении двух миров — мира поселения Вырубы и мира Фаефана и Култыша. Не останавливаясь подробно на всех аспектах противопоставления, следует уделить внимание соответствующей «семантической поляризации» воды. Миры разнятся в своем отношении к воде. Для вырубчан вода в качестве дождя, как и для любого сельского жителя, безусловно, необходима: земля без орошения влагой (иначе — «осеменения» как мужской функции) отказывается рождать; безурожайный год влечет за собой голод; высохшие деревья сгорают в пожаре, лишая людей последней надежды на пропитание. Поэтому, «когда на Вырубы наконец-то полил дождь <...> во всем — в природе, в деревне, в людях — наступило благодатное облегчение». [С. 99] Однако отношение селян к реке иное. Река оказывается единственной связью староверов с миром иноверцев, поскольку «...мыс, на котором приютилась деревушка, был накрепко отгорожен от мира горными хребтами и урманом — тайгой». [С. 39] А потому река представляет угрозу укладу жизни поселения. Ревностное соблюдение религиозных устоев и боязнь «дурного глаза» не

позволяют жителям дать приют ребенку, попавшему в беду. Не решаясь принять грех убийства на себя, староверы решают довериться воле бога. Но бог, в их представлениях, кроме собственно канонического изображения, уподоблен воде: «Плыви с богом! <...> Бог тебя послал, пусть бог и к месту определит. Захочет — до другой деревни убережет, не захочет — на первом пороге утопит». [С. 41] Но спасение Култыша Фаефаном определяет их уход из Вырубов и возникновение другого мира — мира, наполненного гармонией с природой, где природа выступает в синкретичном виде и где нарушение баланса между ее составляющими ведет к непоправимым последствиям.

Так, за убийство маралухи и теленка Амосом отмщение выступает в отчасти персонифицированном, отчасти анималистическом образе реки-увертыша: «Подлая штука, этакая речка — лесная колдунья. Бежит она себе по тайге, заманивая, а потом раз — и нету! Зарницей мелькнула и угасла». [С. 95] А противостояние представителей разных миров — Култыша и Амоса, возникшее из любви к одной женщине, реализуется в том, что преодоление сопротивления воды, воплотившей женскую сущность, или овладение ею, приводит Култыша, органично включенного в природный мир, к невозможности соединиться с женщиной из мира людей (см. описание переправы перед несостоявшимся сватовством к Клавдии).

Итак, семантическая поляризация воды в тексте «Стародуба» обусловлена натурфилософскими взглядами В. П. Астафьева, реализовавшего в текстах своих ранних произведений идею о безграничной мудрости и вечности мироустройства и миропорядка, частью которого, а не властителем, является бренный человек.

И последнее. Виктор Петрович Астафьев не созидает новое символическое наполнение семантической группы с обобщенным значением воды. Он пишет, сообразуясь с традиционными мифологическими представлениями, поскольку последние дают «ощущение его единства со своим народом, его прошлым и будущим. В традиционности этого знания уже заложена его высокая оценка: оно прошло проверку временем, оно уже было опробовано нашими предками, которые не глупее нас были». [Топорков]

¹ Топорков А. Л. Мифы и мифология XX века: традиции и современное восприятие [Электронный ресурс]. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/toporkov1.htm>. — Загл. с экрана.

² Неклюдов С. Ю. Вещественные объекты и их свойства в фольклорной картине мира [Электронный ресурс]. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov12.htm>. — Загл. с экрана.

³ Четырехтомное собрание сочинений В. П. Астафьева доступно

для исследователя-пермяка, но менее представительно по сравнению с вышедшим в Красноярске пятнадцатитомным изданием.

⁴ Аверинцев С. С. Вода // Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2 т. Т. 1. — М., 1980. — С. 240.

⁵ Карасев Л. В. Онтологический взгляд на русскую литературу. — М., 1995.

⁶ Курбатов В. Я. Миг и вечность // Размышления о творчестве В. Астафьева. — Красноярск, 1983.

⁷ Здесь и далее цитаты приводятся с указанием страницы и названия повести, если это не следует из контекста, по изданию: Астафьев В. П. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. М.: Мол. гвардия, 1979.

⁸ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1996.

Е. Л. Рождественская
Пермь

В. П. Астафьев: начало творческого пути

Моя мать — писательница Клавдия Рождественская — в 1950-е годы руководила Пермской писательской организацией, возглавляя ее три срока подряд. Она известна как неутомимый собиратель литературных сил на Урале, она способствовала рождению книг талантливых авторов.

До приезда в Пермь К. В. Рождественская на посту главного редактора Свердловского книжного издательства в течение почти двух десятилетий вела интенсивную работу по привлечению способных авторов из регионов, входящих в Уральскую область. В альманахе «Уральский современник», который она организовала в 1938 году, широко печатались пермские литераторы.

Она была первым редактором гениальной «Малахитовой шкатулки» П. П. Бажова, с которым дружила и который уважительно прислушивался к ее советам.

Не случайно областная газета «Уральский рабочий» (г. Екатеринбург) в статье, посвященной 100-летию юбилею Клавдии Рождественской, назвала статью в номере от 22 марта 2001 года «От Бажова до Астафьева».

К. Рождественская стояла у истоков творческой деятельности писателя Виктора Петровича Астафьева.

Виктор Астафьев, говоря о своих первых шагах в литературе в книге «Посох памяти», так вспоминает 50-е годы: «Я считаю свою судьбу удачливой. Посудите сами: уже после первого рассказа руководительница Пермской писательской организации, по какому-то «высшему» совпадению носившая одинаковую с моим школьным учителем фамилию — Рождественская Клавдия Васильевна — так ко мне прониклась, что «под чернильницу», как принято говорить среди литераторов, добилась для меня издательского договора, и в 1953 году вышла моя первая книжка в Перми — сборник рассказов «До будущей весны».

Будучи опытным литератором, К. В. Рождественская разглядела в молодом авторе Викторе Петровиче Астафьеве «божью искорку».

«Однажды, — рассказывает Виктор Петрович, — мне пришла телеграмма в Чусовой, где я в то время работал литсотрудником в районной газете «Чусовской рабочий». Ответственный секретарь Пермского отделения Союза писателей К. В. Рождественская приглашала меня в Пермь со своими рассказами».

Телеграмма, посланная молодому автору из областного центра в маленький захолустный городок, а затем и встреча с писательницей, стали поворотным моментом в творческой судьбе писателя.

В. П. Астафьев вспоминает:

«Везучий я человек! Везучий! После первой же поездки в

областной центр, после первой же встречи с секретарем отделения (К. В. Рождественской — прим. автора) и издателями, я вез с собой первый издательский договор и даже немного деньжонок, полученных в качестве гонорара за рассказ, печатаемый в альманахе «Прикамье».

В. П. Астафьев придавал большое значение выходу своей книги под названием «До будущей весны». Он писал: «Выход первой книги для меня, загнанного жизнью и нуждой в самый что ни на есть темный угол, был не просто Праздником. Это было важнейшее творческое событие в моей жизни и жизни семьи тоже».

К. В. Рождественская высоко ценила литературные успехи Астафьева. Так, выступая с докладом в марте 1961 года на областном совещании по детской литературе «Детская книга в Перми (итоги десятилетия)», она сказала: «Прикамская детская и юношеская литература имеет сильный авторский коллектив, который способен решать большие творческие задачи. «Ядро» этого коллектива составляют «взрослые» писатели — люди с талантом и опытом. Из них прежде всего надо назвать Виктора Астафьева. Он дал детям уже пять книг — два сборника рассказов: «Огоньки», «Теплый дождь», веселую книжку «Дядя Кузя, куры, лиса и кот», единый по теме и настроению цикл маленьких рассказов «Зорькина песня» и повесть «Перевал».

Это настоящие книги, которые интересны всем. Астафьев с такой естественностью и искренностью выражает свое видение и мироощущение, такое глубокое и сердечное знание жизни чувствуется в его произведениях, что читать его книги одно наслаждение.

Недавно вышедшая «Зорькина песня» — это, действительно, песня во славу человека и природы.

«Перевал», изданный в Свердловске, написан не для детей, но они обязательно возьмут себе эту горькую, но прекрасную повесть о детстве мальчика».

Виктор Астафьев до конца жизни был благодарен своей литературной «наставнице» и «благодетельнице», как он называл К. В. Рождественскую, часто вспоминая ее в своих выступлениях — и на центральном телевидении, и на столичном радио, и в своих публикациях.

Редкостным даром — помнить добро — обладал Виктор Астафьев. Он вспоминал свою литературную наставницу на протяжении всей жизни.

Değerler parayla gelsin

[illegible]

Библиотеки и интеллигенция в современном мире

О. С. Баранова
Пермь

Интеллигенция и библиотека: пути взаимодействия

В последние годы в обществе разгорелись дискуссии вокруг интеллигенции. Одни обвиняют ее во всех российских бедах, другие отчаянно защищают. Чтобы оценить роль интеллигенции в истории России и ее место в современном российском обществе, необходимо сначала разобраться в том, кто же такая интеллигенция.

Слово «интеллигенция» было введено в оборот во 2-й половине XIX века писателем П. Д. Боборыкиным, употребившем его в значении «высший образованный слой общества». Само слово «интеллигенция» происходит от латинского *intelligentia*, означающего «понимание». В. И. Даль в своем словаре дает следующее определение: «Интеллигенция — разумная, образованная, умственно развитая часть жителей»¹. Первые «ростки» интеллигенции в России появились еще в начале XVIII века в связи с просветительскими реформами Петра I. Но только во 2-й половине XIX века русская интеллигенция смогла оформиться в заметный слой, обладающий своим духовным миром и своими традициями. В то время интеллигенцией называли людей «свободных профессий»: музыкантов, художников, артистов, адвокатов, врачей и др. В их рядах были представители разных сословий: дворяне, мещане, купцы и даже крепостные. Также разнообразен был и этнический состав русской интеллигенции. Прежде всего, она формировалась из русских, а также немцев, поляков, евреев, литовцев и др.

В современных дискуссиях не поднимаются вопросы о хронологических рамках существования интеллигенции. В своем развитии она прошла как минимум три периода, постоянно изменялась, и порой коренным образом, поэтому не всегда понятно, о какой именно интеллигенции идет речь в каждом конкретном случае. Эти периоды можно охарактеризовать так:

- дореволюционный период;
- период Советской власти;
- постсоветский период (1990-е годы).

Такое разграничение необходимо, так как со сменой государственного строя и идеологии менялись нравственные ценности и жизненные установки самой интеллигенции.

Исторически характеристика русской интеллигенции включала в себя высокую степень образованности, критическую мысль и связанную с ней тревогу за судьбу страны, свободу совести, гуманизм. Последние признаки приобрели особое значение именно сейчас, потому что с их исчезновением, как мы видим, исчезает и сама интеллигенция.

Русская интеллигенция дореволюционного периода считала своей главной задачей просветительство и придавала большое значение книге, как главному инструменту распространения просвещения. В связи с этим в XVIII веке в образованной дворянской среде начинают активно формироваться личные библиотеки. Пополняемые публикациями документов по истории, этнографии и другим наукам, они сыграли неоценимую роль в деле народного просвещения, т. к. многие из них впоследствии легли в основу губернских публичных библиотек, а также читален в деревнях и селах. Личные библиотеки некоторых дворян включали в себя книги, предназначенные для вкладов (вкладами назывались книги, передаваемые в дар монастырям и церквям на помин души владельца).

Книжные вклады церквей активно читались крепостными и даже переписывались. Их состав отразил палитру читательских вкусов зарождавшейся крепостной интеллигенции, чье появление в конце XVIII века было обусловлено крайней необходимостью в грамотных крестьянах, особенно на территориях с бурно развивавшейся промышленностью, таких как Урал и Сибирь. К началу XIX века во многих прикамских селах, например, в Очере, Усолье, Ильинском, образовалась особая группа местной интеллигенции из числа крепостных. Высокий уровень образования и широкий кругозор делали ее представителей носителями довольно высокого уровня культуры. Это проявлялось, прежде всего, в круге их чтения, который включал произведения В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя и других русских поэтов и писателей.

В первой трети XIX века сложилась система народного образования, и было положено начало массовому книгопечатанию. В городах открываются книжные лавки и магазины с кабинетами для чтения. В связи с этим начинают активно формироваться новые читательские круги не только в губернских, но и в уездных городах. Высокая цена книг делает их недоступными для средних слоев населения — разночинцев, духовенства, мещан. Именно это становится причиной появления первых платных «Библиотек для чтения», ставших к середине столетия непременным компонентом городского образа жизни: располагая богатым фондом научной литературы и хорошим подбором старых изданий, они пользовались успехом не только у рядовых читателей, но и у ведущих литераторов и ученых.

Открытие «Библиотек для чтения» лишь частично удовлетворяло тягу населения к чтению. Ограниченная продолжительность работы (2 – 3 раза в неделю) и высокая плата за выдачу книг на дом делали их недоступными для малообеспеченных провинциальных читателей. Эту проблему могло решить только открытие бесплатных публичных библиотек.

В 1830 году правительством был принят циркуляр «Об учреждении в губернских городах публичных библиотек для

чтения», которые стали появляться и в уездных городах при активном содействии местных просветительских обществ, кружков и прогрессивно настроенных слоев населения. В последующие годы было открыто более десятка библиотек в различных городах Российской империи, в том числе в Пермской губернии в 1840 году открылась Кунгурская общественная библиотека. Судьба всех уездных публичных библиотек была примерно одинаковой. Все они создавались по инициативе и на средства местной и столичной интеллигенции и неустанно опекались ею на протяжении всего существования.

В 50-е годы XIX века в связи с кризисом феодально-крепостнической системы активизируется деятельность разночинцев, также видевших решение всех проблем в просвещении народных масс. С этой целью они открывают народные дома, бесплатные народные библиотеки и читальни. Открытие подобных библиотек горячо поддерживала прогрессивная печать — «Колокол» и «Современник».

Много читален было открыто членами различных политических организаций, в частности, обществом «Земля и воля». В Вятке и Перми народными библиотеками руководили организаторы революционных кружков А. А. Красовский и А. И. Иконников.

Постепенно народные библиотеки становятся центрами революционной пропаганды и агитации, распространяющими прогрессивную и даже нелегальную литературу. Вокруг них начинают группироваться кружки революционно настроенной молодежи, использующей библиотеку в качестве клуба, где обсуждались наиболее острые политические проблемы.

Общественный подъем в период отмены крепостного права создал благоприятные условия для развития русской науки, давшей не только России, но и всему миру немало славных имен. Среди них математик П. Л. Чебышев, физик П. Н. Яблочков, создатель радиотелеграфа А. С. Попов и многие другие. Все они высоко ценили роль библиотек в развитии образования. Для них будущая научная деятельность начиналась с любви к книге, и некоторые связали свою судьбу не только с наукой, но и с библиотекой. Так, математик Н. И. Лобачевский много сил отдал библиотеке Казанского университета, пополняя ее фонды. В 1828 году он был утвержден на должность библиотекаря и исполнял свои обязанности более 10 лет, одновременно продолжая преподавательскую деятельность и возглавляя университет.

Видный общественный деятель этнограф Н. А. Бородин создал Уральскую бесплатную читальню. С группой единомышленников-студентов он собрал средства и добился разрешения на открытие библиотеки. Часть книг, основавших ее фонд, была приобретена на собранные деньги, а часть поступила в виде пожертвований. «...Наша затея была лишь отголоском общей

работы русской интеллигенции на местах», — писал Н. А. Бородин в своих воспоминаниях².

Активное участие в судьбе библиотек принимали не только ученые, но и писатели, литераторы, книгоиздатели. Например, А. П. Чехов подарил городу Таганрогу часть своей личной библиотеки (несколько сотен книг). Он постоянно следил за выходящей в свет литературой, знакомился с каталогами издательств, отбирал нужные издания и отправлял их в Таганрогскую библиотеку. Чехов помогал также народным и школьным библиотекам Серпуховского уезда. В архиве хранятся документы, свидетельствующие об избрании его заведующим Хатунской народной библиотекой.

Надо отметить, что совмещение научной или литературной деятельности с должностью библиотекаря в XIX веке было не редкостью. Например, среди сотрудников Санкт-Петербургской публичной библиотеки были писатели И. А. Крылов и В. Ф. Одоевский. Первыми представителями библиотечной профессии были дворяне-интеллигенты, но лишь до середины XIX века, т. е. до начала активизации влияния разночинской интеллигенции.

Новое поколение библиотекарей-разночинцев играло ведущую роль до начала XX века. Будучи выходцами из средних слоев общества, не все из них разделяли радикальные революционные взгляды, но именно они представляли библиотечных работников как класс просветителей в народных библиотеках.

Реформы Александра II, способствовавшие развитию промышленности и сельского хозяйства, повысили спрос на специалистов со средним и высшим образованием, следствием чего стало появление в провинции «третьего элемента» — земских врачей, учителей, агрономов, статистиков. Будучи выходцами из среды мещан и купечества, они стремились получить образование в столице, где в процессе обучения впитывали в себя все передовые веяния эпохи. Вернувшись в провинцию, они пытались преобразовать и ускорить темп ее жизни. С этой целью они объединялись в просветительские кружки и добивались от властей разрешения открыть библиотеки в деревнях и селах. По их мнению, библиотека должна была вывести крестьян из умственного застоя, не дать им забыть грамоту и стать очагом культуры, постепенно отвлекая сельчан от спиртного и винных лавок.

Финансирование сельских библиотек осуществлялось на деньги, полученные от проведения спектаклей и театрализованных представлений. Фонды пополнялись, в основном, за счет помощи местных меценатов и ссыльных политических заключенных, жертвовавших библиотекам свои личные книжные собрания.

Известный книгоиздатель И. Д. Сытин, как и его соратники, делал все возможное, чтобы сделать книги доступными для народа. Он поставлял книжную продукцию на организованные при

крупных заводах и фабриках книжные склады. Также он снабжал литературой народные библиотеки, читальни, сельские и городские школы. И. Д. Сытин постоянно расширял ассортимент книжной продукции, включавшей в себя произведения русских писателей, буквари, детские книги, стремясь сделать их максимально дешевыми. В связи с этим в народе их стали называть «книжки-копейки». «Он приблизил к народу настоящую книгу. Он превратил в плоть и кровь благородные стремления лучших умов нашей интеллигенции — дать народу здоровую книгу» — писал о Сытине его друг и соратник, известный педагог Н. В. Тулупов³.

Наряду с Сытиным просветительской деятельностью занимался и другой книгоиздатель — Ф. Ф. Павленков. Он поставил своей целью пополнить книжный рынок научно-популярной литературой для самообразования по всем отраслям знаний. Опираясь в своей деятельности на интеллигенцию, Павленков выпускал дешевые книги для народа. После его смерти в 1900 году, в соответствии с его завещанием, на оставленные им деньги было создано более 2000 бесплатных народных библиотек. Первые павленковские библиотеки начали открываться в 1904 году, причем исключительно в тех селах и при тех заводах, где их никогда ранее не было.

Несмотря на все усилия интеллигенции по открытию библиотек и пропаганде чтения книг, уровень образования в стране был крайне низок. К началу XX века в России насчитывалось лишь 1,5 % грамотных. Выходцы из крестьянской среды очень редко пополняли ряды интеллигенции. Причина в том, что воспитание интеллигенции — процесс длительный и начинается он с детства путем приобщения к миру книг, но из-за их высокой стоимости покупать могли их только очень обеспеченные семьи. Кроме того, думать об интеллектуальном развитии своих детей было принято лишь в тех семьях, где сами родители были образованны. Неудивительно, что именно люди, еще в детстве осознавшие духовную ценность книги, впоследствии составили цвет прогрессивной русской интеллигенции, которая, обладая большим багажом знаний, могла оценить значение просвещения в полуграмотной стране и ту роль, которую могла сыграть библиотека, являвшаяся единственной организацией, способной бесплатно предоставлять широкий выбор книг.

Смысл существования интеллигенции очень верно отразил Н. Я. Языков, племянник поэта, сказав: «Разве не обязан каждый из образованных людей сделать хоть маленькое усилие для успеха развития в родной стране народного просвещения, этого драгоценного человеческого блага, о котором наш знаменитый историк Н. М. Карамзин сказал (...), что только в нем, в просвещении, мы найдем спасительный антипод для всех бедствий человечества»⁴.

Начало XX века ознаменовалось небывалой напряженностью

в политической и экономической жизни России. Одна за другой ее потрясают революции 1905 и 1917 годов. Разразившаяся в 1918 году гражданская война усугубила царившие в стране хаос и разруху. В числе жертв войны оказались и учреждения культуры. Библиотеки стали приходить в упадок, их фонды растаскивались и уничтожались. На помощь библиотекам вновь пришла интеллигенция. Ее представители обивали пороги государственных инстанций с просьбой хотя бы частично профинансировать работу библиотек. Не дождавшись помощи от властей, многие ученые и специалисты собственными силами производили ремонт помещений и реставрацию фондов.

В период НЭПа начинается быстрый рост количества кружков по самообразованию, организованных в сельских библиотеках. Занятия проводили местные агрономы, врачи, учителя. Библиотеки предоставляли им помещения и обеспечивали необходимой литературой. Библиотечные работники тех лет по сути еще оставались просветителями, поскольку принадлежали к третьему, революционному поколению библиотекарей-интеллигентов (1894 — 1934). В 1930-е годы, ставшие самым тяжелым периодом в истории России, были закрыты все краеведческие организации и некоторые научные общества, а их члены репрессированы. Все культурное историческое наследие подверглось ожесточенной критике как «пережиток буржуазного прошлого», что делало невозможным его восприятие последующими поколениями, и в результате связующая нить между дореволюционной и советской интеллигенцией оборвалась.

Библиотека из учреждения культуры превратилась в рассадник коммунистической идеологии. В ее стенах происходило утаивание от читателей культурного наследия прошлого и представление партийных изданий как наивысшей ценности. Все это не могло не сказаться на психологии библиотекарей, поскольку, по мнению библиотковеда А. В. Соколова, «труд в библиотеках — это труд интеллигентов, книжников, тоталитаризм деформирует их психологию. Интеллигенция в этих условиях теряет свои моральные устои»⁵.

Представители поколения советской интеллигенции являлись уже не поборниками просвещения, а работниками идеологического фронта. Особенно активной в этом отношении была сельская интеллигенция. В ее задачи входило содействие успешному осуществлению решений очередного съезда КПСС в области сельского хозяйства и повышение культурного уровня колхозников. Совместно с библиотеками представители местной интеллигенции проводили тематические вечера, беседы о книгах, лекции о политической ситуации в мире, участвовали в работе кружков художественной самодеятельности и осуществляли антирелигиозную пропаганду.

Если сельские библиотеки были предназначены повышать культурный уровень сельчан и организовывать их досуг, то у

крупных городских библиотек задачи были несколько иные: содействовать формированию нового, советского человека и новой культуры. Массовые библиотеки являлись единственным источником книг для широких кругов читателей до 1970-х годов. Несмотря на то, что они приоритетно обслуживались издательствами, их фонды не отличались разнообразием и были значительно выхолощены проводимыми в 1930 — 1940-е годы «чистками». Кроме того, массовые библиотеки осуществляли политику «руководства чтением», что стало одной из причин охлаждения интеллигенции к библиотеке и началом формирования личных книжных собраний, как альтернативы государственным.

Личные библиотеки советской интеллигенции окончательно сложились к 1970-м годам. Объем каждой из них насчитывал 1000 — 1500 томов, в то время как средний показатель по стране был 200 книг на семью. В этом заключалось различие «культурного старта» между интеллигенцией и другими социальными группами того же поколения.

С началом реформ 1990-х годов в стране произошел развал системы государственной поддержки науки и культуры. Финансирование городских библиотек значительно сократилось, но все же их состояние можно было оценить как удовлетворительное по сравнению с сельскими библиотеками, переживавшими упадок. В тяжелом материальном положении оказалась и интеллигенция, став самым социально не защищенным слоем.

Многие современные социологи утверждают, что русской интеллигенции как носительницы духовно-нравственных ценностей больше не существует и никогда уже не появится. Время покажет, истинно это утверждение или ложно, но уже сегодня можно сказать, что воспитание интеллигенции требует многих поколений, и становление интеллигента отличается от становления квалифицированного рабочего. Ведущую роль в процессе формирования будущих поколений российской интеллигенции будут играть библиотеки как главные хранилища интеллектуальных и духовных ценностей. И хотя 1990-е годы стали тяжелым периодом в финансовом отношении, но в духовном плане они явились периодом раскрепощения. Интеллигенция, страдавшая от социальной невостребованности, вновь начала группироваться вокруг библиотек, видя в них интеллектуальные и духовные центры.

На сегодняшний день при небывалой дороговизне книг библиотека, как и сто лет назад, является единственным учреждением, бесплатно предоставляющим широкий выбор различной литературы. Оснащаемые передовыми компьютерными технологиями, библиотеки становятся подлинными информационными и культурными центрами. В их работе происходит синкретическое взаимодействие библиотечных, музейных, архивных, выставочных форм. Налаживаются контакты с творческой интеллигенцией — писателями, художниками,

музыкантами. Традицией становится организация в стенах библиотеки выставок профессиональных и самодеятельных художников, проведение встреч читателей с местными поэтами и писателями. Наиболее распространенными формами массовой работы библиотек стали клубы по интересам, литературно-тематические вечера, конкурсы, викторины, читательские конференции, посиделки и т.д. Все они проходят при активном участии интеллигенции и направлены на возрождение классических традиций в России, которые способны послужить мощным противовесом западной масс-культуре. Сотрудничество интеллигенции и библиотек существует давно, но именно сейчас оно особенно необходимо. Одной стороне это поможет выработать адекватные современной действительности идеи, а другой — стать подлинным «катализатором» духовной жизни общества.

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2. — М.: Русский язык, 1998.

² Изюмов А. И. Библиотечное дело в деятельности Н. А. Бородина // Библиотековедение. — 1993. — № 4. — С. 102 — 105.

³ Кожухова В. В. И. Д. Сытин — деятель русского просвещения // Библиотека и история: Сб. науч. тр. — Вып. 2. — М., 1994. — С. 150 — 168.

⁴ Трофимов Ж. Симбирская Карамзинская общественная библиотека: Исторический очерк. — М.: Россия молодая, 1992.

⁵ Библиотечная жизнь России: Краткая информационная справка. — Вып. 9: Библиотека в меняющемся мире ценностей: Материалы науч.-практ. конф. — СПб., 1992.

Н. А. Князева
Пермь

Письма старого словесника (размышления учителя В. В. Молодцова о литературе)

Судьба одарила меня дружбой с замечательным человеком — выпускником историко-филологического факультета Пермского университета набора 1916 года Василием Васильевичем Молодцовым. Человек высокой духовной культуры, он оказывал большое воспитательное влияние на каждого, с кем находился рядом. А круг его общения был самым обширным: от детишек в детском саду, которых учил любить поэзию, до школьников, студентов, учителей, ученых. В память о нем осталась богатая переписка. Из писем учителя можно увидеть, чем он жил почти сто лет своей жизни, с кем общался, о чем думал, что читал. Вот несколько отрывков из писем разных лет.

«Читаю Валентина Катаева «Алмазный мой венец». Прочтите и Вы. Получите удовольствие» или «Сейчас читаю книгу «Поэзия мысли (афоризмы Н. Г. Чернышевского). Не думал, что книга афоризмов может читаться от „а“ до „я“». В другом письме он сообщал: «Прочитал «Письма Сильвестра Щедрина».

Зная, что летом я поехала в путешествие по Мещере, Василий Васильевич решил воскресить впечатление о творчестве Паустовского, который последние годы своей жизни жил в этом крае и воспел его в некоторых своих произведениях: «Перечитал рассказы Паустовского. «Разливы рек» — дважды. Пришел к выводу, что К. Паустовский — самый глубокий, самый проникновенный советский писатель. Никто не умеет так волновать сердца. Думаю, что некоторые вещи Паустовского будут жить вечно, как творения Шекспира, Пушкина, Толстого, Чехова». В другом письме мой друг сообщал: «Вчера прочитал рассказ Паустовского «Кордон-273». Это один из лучших его рассказов: природа Мещеры передана замечательно. Слово и я побывал там. Есть мысли, которые хочется записать, например: «Мы привыкли говорить «левитановские места» и «нестеровская Россия». Эти художники помогли нам увидеть свою страну с необыкновенной лирической силой». Я теперь понимаю, почему Вас потянуло в Мещеру и почему Вы ездили в Уфу в музей Нестерова».

Он радовался каждой подаренной или купленной книге как другу, сообщал об этом: «Купил за 10 копеек рассказы Куприна. Стал читать и заплакал: очень хорошо, трогательно. Читайте «Чудесный доктор», «Тапер». Захотелось прочесть эти рассказы вслух школьникам».

Молодцов долгие годы вел кружок любителей искусства в школе, тщательно готовился к каждому занятию, просматривая и

прочитывая самые разные источники. Разрабатывая занятие на тему: «Портретная живопись Ореста Кипренского», Василий Васильевич писал: «Знакомы ли вы с поэзией Дениса Давыдова? Признаться, мне впервые пришлось столкнуться с его стихами. Я пришел к ним через известный портрет Кипренского. На портрете Давыдов в гусарской форме. Вид такой же бравый, как и его гусарские стихи. Читать их — удовольствие!»

Читая книгу, Василий Васильевич всегда обращал внимание на ее оформление. Если оно было удачным и нравилось ему, он любовно поглаживал ее своей старческой рукой, как дорогое создание: «С большим удовольствием прочитал небольшую, интересно написанную и изящно изданную книжечку «Под бурями судьбы жестокой». В ней очень мягко, задушевно и лирично дан образ Натальи Николаевны Пушкиной. Интересно, что нити протянулись к ней из нашего села Ильинского. Писательница Агния Кузнецова, опираясь на документы, талантливо воскресила старину. Повесть волнует. Эту книжечку дарю Вам».

Почти в каждом письме (а они приходили очень часто) он сообщал о новой прочитанной книге: «В последнее время читаю Н. Раевского «Если заговорят портреты». В другом письме: «Перечитываю Андреева. Совсем другое впечатление, чем прежде. Слава Андреева совпала с годами моей юности. Большим успехом пользовались его пьесы «Дни нашей жизни» и «Гаудеамус». Обе были поставлены в Перми. Отдельные сцены запомнились мне. Его рассказы всегда производили странное, а некоторые и отталкивающее впечатление. «Повесть о семи повешенных» прямо потрясла. На всю жизнь запомнилась чернеющая на снегу потерянная кем-то из осужденных калоша. Андреева я не любил, и не люблю за его мрачность и реакционность. Не он озарил мою юность, хотя в те годы и был «властителем дум» молодежи. Мне были более симпатичны А. И. Куприн и И. А. Бунин, особенно стихи последнего».

«С большим удовольствием прочел у Л. Н. Толстого «Предисловие к сочинениям Ги де Мопассана». Как много еще непрочитанного, интересного!» Удивляться приходится, что эти строки писал восьмидесятилетний человек!

«Моноспектакль о Достоевском, показанный в нашем кружке актрисой Людмилой Лисюковой, вызвал желание узнать больше о личной жизни писателя. Сейчас читаю «Переписку Ф. М. Достоевского с женой А. Г. Достоевской. Потом буду читать Юрия Селезнева «В мире Достоевского».

Литературные произведения вызывали у Василия Васильевича воспоминания, поэтому после скупой строки о прочитанной книге шло иногда пять – десять страниц из прожитого: «Читали ли вы рассказ А. Чехова «Святой ночью»? Это будет завтра такая же ночь, а у нас снег, снег, снег...» А после этого были воспоминания о том, как он отмечал пасхальную ночь в Перми в 1913 году.

Меня всегда удивляло не только то, что он советовал прочитать, но и указывал, где взять эту книгу — в библиотеке или у друзей. Бывало, что и дарил купленную им самим и уже прочитанную книгу. «Читаю книгу В. Орлова «Гамаюн». Обязательно вручу вам.» Василию Васильевичу хотелось, чтоб как можно больше людей прочли и порадовались тому или иному произведению. Может быть, поэтому среди его друзей были не только коллеги-учителя, но и библиотекари или просто любители книги.

Он и сам помогал библиотечным работникам в проведении различных литературных мероприятий. В Нижней Курье, где он жил, было несколько библиотек — две районные: взрослая и детская, техническая на Судозаводе и, конечно, школьные. До конца своих дней (а он прожил 97 лет) Молодцов живо интересовался литературным процессом, происходящим в стране и в Перми. Прочитав очередную проблемную статью в «Литературке», он делился впечатлениями, иногда далеко не радостными: «В последнем номере «Литературной газеты» (№4, 1980) интересная для учителей русского языка и литературы статья «Литератор или словесник?» К сожалению, в нашей школе нет литераторов. Наверное, поэтому нет ни рукописного журнала, ни драматического, ни литературного кружка. Такой кружок могли бы вести и библиотекари. Вы знаете, Нина Афанасьевна, что у нас в Закамске перед войной в библиотеке работал такой кружок. В нем недолго занимался юный Борис Ширшов.»

Василий Васильевич регулярно смотрел литературные телепередачи. В одном из писем в 1980 году он писал: «Я только что посмотрел по второй программе повторение встречи с В. П. Астафьевым в Останкино. Смотрел и слушал очень внимательно. Писатель подкупает своей искренностью, простотой. Однако думаю, в этой интересной встрече не было сказано главного — о чуде и радости художественного творчества. Астафьев — художник, и эта сторона его писательского облика никак не прозвучала на встрече... Я напишу ему об этом». У Молодцова была переписка с В. П. Астафьевым, как и с некоторыми другими нашими литераторами и краеведами. Например, в письме от 2 июня 1980 года он писал: «Дома меня ждала почта. Краевед А. К. Шарц прислал целый заказной пакет, а в нем его стихи разных лет. Теперь мне нужно отвечать ему тоже стихами. Пишет он довольно бойко, но содержание его стихов какое-то выстраданное, словно их породила душевная боль. Все они окрашены в какие-то лиловые, сиреневые цвета. Мои же стихи восторженно-созерцательные, и цвет у них совсем иной: в них больше солнца, чем сумрака, больше спокойствия. Они продиктованы влюбленностью в жизнь».

Василий Васильевич тяжело переживал то, что происходило в стране и в литературе 90-х годов XX века. В одном из последних писем он вспомнил речь С. А. Венгерова «В чем очарование русской литературы XIX века?», произнесенную в октябре 1911 года на

праздновании столетнего юбилея Общества любителей российской словесности. «Литература находится в теснейшей связи с общею духовной жизнью страны», — писал Молодцов, цитируя Венгерова. «Как же сегодня тяжело литературе и литераторам, когда страна духовно обнищала?... Для русского читателя русская литература всегда была одной из тех святынь, в общении с которой он становился и чище, и лучше». Василий Васильевич соглашался с автором, который говорил, что «основная задача всякой новой русской литературы должна сводиться к тому, чтобы выявить нравственную красоту, чтобы показать, как высоко сочетается эстетика с этикой, художественное совершенство с нравственной силой».

Н. М. Найденова

Пермь

Традиции и поиск в духовном пространстве Дома Смышляева

В последние годы в профессиональном сознании наших коллег утвердилось весьма позитивное стремление сохранить и культивировать неповторимость, оригинальность, единичность своей библиотеки. Эта сложная задача не решается быстро: требуются колоссальные усилия всего коллектива, привлечение ведущих специалистов из разных сфер деятельности.

Пермской центральной городской библиотеке им. А. С. Пушкина, открывшей для читателей двери всего 35 лет назад, очень повезло. Во-первых, благодаря тому, что библиотека располагается в особняке позднего русского классицизма XVIII века, имеющего необычные архитектурные формы, во-вторых, в памяти многих поколений горожан она была и остается вначале общественной, затем — губернской и, наконец, областной научной библиотекой.

Бывшие владельцы дома — Жмаевы, Дягилевы, Смышляевы — остались в истории нашего города как просвещенные люди, много усилий приложившие к процветанию Перми успешными торговыми и промышленными делами, благотворительной и культурно-просветительской деятельностью. Благодаря им создавались традиции провинциального города, а Дом навсегда стал центром духовной жизни Перми. Так, о его круглой музыкальной комнате знали не только в Перми, но и в Петербурге, Москве, ибо никто из высоких гостей, посещавших Пермь, не отказал себе в удовольствии побывать здесь на концерте или литературном вечере. Наши стены помнят П. Вяземского, Ф. Вигеля, непосредственно связанных с А. С. Пушкиным. XX век памятен именами Б. Пастернака, нашедшего здесь героев «Доктора Живаго»; М. Осоргина, оставившего воспоминания о нашем городе. В годы войны в библиотеке работали над своими романами русские писатели В. Каверин, В. Панова, А. Первенцев, Ю. Тынянов; устраивали литературно-художественные вечера и концерты А. Шварц, Д. Журавлев, Э. Гиллельс, А. Хачатурян, М. Царев, О. Лепешинская, Д. Ойстрах и другие.

Здесь всегда были богатые библиотеки: сначала — частных владельцев дома, затем — публичная, а с 1918 года — губернская. Под одной крышей прекрасно уживались музыка, картины, рукописи и книги.

Следуя традициям молодежных вечеров Дягилевых, Пушкинка стремится быть нужной, интересной горожанам своими творческими объединениями и клубами, литературными вечерами, вернисажами и, конечно, книжными фондами. Новые электронные технологии значительно обогащают возможности библиотеки, делают ее современной, востребованной для многих жителей города. Мы

прекрасно осознаем, что теперь от нас зависит продолжение необыкновенной увлекательной истории Дома Смышляева.

Обращаясь к теме нашего собрания — библиотека и интеллигенция — говорить о сегодняшних библиотечных реалиях в нашем городе одновременно и легко, и сложно. Легко, потому что интеллигенция, являясь читательской элитой, существенно влияет на формирование фондов, лоббирует интересы библиотеки во властных, общественных, профессиональных структурах, формирует репутацию библиотеки. Мы прекрасно понимаем, что показатель этой группы читателей в общем составе пользователей — это показатель качества нашей работы. Сложно, потому что соответствовать читательским запросам и ожиданиям подготовленной аудитории при нынешней ограниченности финансовых, материально-технических, кадровых ресурсов оказывается практически невозможно.

К сожалению, библиотекарю чаще говорят, что *надо* читать, а не *что* надо читать.

В Пушкинской библиотеке показатель читателей-специалистов традиционно высок — более 20%. В последние годы своей профессиональной задачей мы поставили именно эту — поддерживать репутацию ведущего интеллектуального центра Перми. И начали, конечно, с фондов. Изучая запросы, результаты социологических исследований, тщательно работая с отказами, определили политику формирования фонда ЦГБ. Учитывая мировую тенденцию прагматизации чтения в целом, определили приоритеты комплектования художественной литературы, изданий познавательного и делового характера, а также периодики.

Современный подготовленный читатель не стремится выбирать книги, которые «читают все» (последними в этом ряду, видимо, были «Дети Арбата» А. Рыбакова). В опросах фигурирует множество авторов, но их имена редко повторяются. Поэтому мы начали формировать коллекцию современной отечественной прозы и поэзии разных литературных направлений: литературного авангарда, концептуальной поэзии и метареализма. Книги И. Жданова, О. Седаковой, С. Гандлевского, Г. Сапгира, Д. Пригова, О. Павлова и многих других появились на наших полках.

Этому во многом способствовало осуществление совместного проекта фонда «Юртин» и библиотеки, когда на «Литературных средах в Доме Смышляева» авторы непосредственно общались с читающей публикой в переполненном зале Пушкинки. Огромный пласт современной отечественной культуры был представлен пермякам в ходе лектория «Языки современной культуры и гражданское общество» с участием известных философов, литературоведов, культурологов, имеющих мировую известность — Л. Басинским, Г. Гачевым, Б. Дубиным, С. Хорунжим и другими.

Особое направление — современная женская проза и поэзия. Во-первых, потому что сформировалось такое уникальное литературное явление, во-вторых, большинство наших читателей —

женщины. Книги Л. Петрушевской, О. Славниковой, Т. Толстой, Н. Горлановой, И. Полянской, С. Василенко стали главным дефицитом у читателей абонемента.

Мы стремимся к тому, чтобы ежемесячный день новой книги «Что читают в России» стал заметным явлением в культурной жизни: представляем и новое прочтение классики, и «скандальную» литературу, и интеллектуальные бестселлеры. Проводим презентации книг пермских авторов, региональных журналов и сборников.

Явление прагматизации проявляется и в чтении исторической литературы: преобладают познавательные цели, выбираются достоверные издания, опирающиеся на документы и факты. Уникальное явление — новые исторические серии середины 90-х годов: «Рюриковичи», «Романовы: династия в романах», «Сподвижники и фавориты», «Россия: история в романах», «Государи Руси Великой» и другие.

Востребованы собрания сочинений малоизвестного романиста XIX века Н. Э. Гейнце, популярного в прошлом писателя Льва Жданова, выдающегося русского историка Е. П. Карновича. Все эти открытия последнего десятилетия говорят об очевидном интересе к ментальной истории у современного читателя.

Падение тиражей литературно-художественных журналов сопровождается «бумом» на специальные журналы. Это потребовало значительной корректировки подписки на периодические издания. Профессиональная периодика частично компенсирует почти полное отсутствие в наших фондах новой специальной литературы по технике, естествознанию, науке и культуре. На это просто нет средств.

Приоритеты надолго отданы учебно-образовательному комплексу. В ситуации с фондами нас не может не тревожить «засилье» учебной литературы, низкая обновляемость, конъюнктурность части фонда. Необходимы серьезные маркетинговые исследования чтения (причем не только в стенах библиотеки) для долгосрочных прогнозов фондовой политики, рационального использования денежных средств и технического обеспечения.

Еще одна проблема, которой, на наш взгляд, необходимо уделять много внимания — организация пространства публичной библиотеки, создание среды не только информационной, но и духовной, художественной. Ответственность за памятник архитектуры и стремление обеспечить комфортность для пользователей и сотрудников — вечное противоречие.

Для создания эстетической гармоничной среды библиотеки мы посчитали необходимым организацию выставок живописи, фотографии, декоративно-прикладного искусства. Постепенно формируется собственная коллекция картин — подарки художников Перми Дому Смышляева. В рамках проекта «Дом Смышляева — экскурсионный комплекс» создается «Портретная галерея владельцев и гостей дома Смышляева», экспозиция «Дом на Петропавловской». Обязательное условие — информативность и достоверность в

сочетании с эстетичностью и высокой технологичностью исполнения проекта.

Открытый доступ к информации — давняя традиция Пушкинской библиотеки. Новый проект на абонементе включает разные формы представления книг, видеокассет, периодики. Очень важно доступно, нестандартно и современно представить фонды читателю: тематические комплексы, «круги» чтения, выставки с темами вечными и остроактуальными — «Нестоличная литература», «Память против хаоса», «Классика старая и новая», «Славянская палитра» и др. Открытый доступ — наиболее зримое воплощение концепции библиотеки без скуки, без занудства, без пафоса. Вот тогда очень быстро ломается этот стереотип общественного сознания и формируется новый: библиотека — это современно! Интересно! Необходимо!

При нынешнем обилии различных проблем не стоит забывать о наших родовых функциях — способствовать развитию умственного и духовного потенциала личности, обеспечивать максимальный доступ ко всем информационным ресурсам: книжным, журнальным, мультимедийным, АВМ, БД, а также — к удаленным.

Н. Н. Новикова
Чусовой

«Пишем вечные письма Астафьеву» (заметки библиотекаря)

Знакомство с творчеством Виктора Петровича Астафьева начинается с самого детства. Об этом свидетельствуют отзывы читателей о творчестве писателя в целом и об отдельных его книгах. Вот один из них: «Книги В. П. Астафьева читаем всей семьей, они нам очень нравятся, так как в них он поднимает жизненные вопросы, и читаются легко. 20-летний внук читает с большим интересом. После прочтения какой-либо книги не только получаешь удовольствие, но и делаешь очень важные жизненные выводы, многое начинаешь понимать, осознать по-другому; если бы все читали его повести или по крайней мере рассказы, то мир, наверное, стал бы намного добрее».

В. П. Астафьев — наш земляк, так как он 18 лет прожил в нашем городе и именно здесь родился как писатель, так как первый его рассказ был напечатан в газете «Чусовской рабочий» в 1951 году.

«Виктора Петровича помню с 50-х годов, когда он жил в нашем городе, — пишет в альбоме отзывов читательница Григорьева. — При редакции газеты «Чусовской рабочий» был литературный кружок, там мы увидели и услышали В. П. Астафьева. Он читал свои рассказы, а мы слушали и потом обсуждали. Тогда он уже начал писать много и плодотворно. Потом он уехал из нашего города, но о себе всегда напоминал своим творчеством. Творчество его разностороннее. Пишет вроде о незначительном случае в жизни, но как пишет. Все его произведения легко читаемы, прекрасно описывает нашу уральскую природу, умеет дойти до сердца каждого человека».

И действительно это так, его книги читают все группы читателей: дети, старшеклассники, студенты, пенсионеры. Мы проводили в своей библиотеке анкетирование среди старшеклассников на знание авторов, писавших книги о войне. 84% респондентов назвали имя В. П. Астафьева. И это радует.

Мы занимаемся популяризацией творчества В. П. Астафьева на протяжении многих лет, стараемся приблизить астафьевские книги к читателю через нетрадиционные книжные выставки (выставка-кроссворд, викторина, портрет), циклы литературных часов по его творчеству, рекомендательные беседы, рейтинги, обсуждения вновь вышедших произведений. Конкурсы знатоков творчества В. П. Астафьева проводились для населения города через местную газету. Выпускались рекомендательные списки литературы, приглашения на мероприятия, закладки в книги, листовки о вновь вышедших произведениях «Слово о книге» («Веселый солдат», «Так хочется жить» и другие).

В 2001 году была проведена городская литературная

читательская конференция «Дар человечности и правды», на которую собрались почитатели творчества писателя и люди, знавшие его при жизни. Конференция помогла узнать какие-то новые вехи творчества писателя. Отклики были самые теплые. Вот один из них: «Читательская конференция по книгам В. П. Астафьева — это снова и снова незабываемые встречи с произведениями В. П. Астафьева, его героями, встречи с интересными людьми, которые были знакомы с писателем, с мнениями о прочитанном. После таких встреч появляется желание снова открыть страницы астафьевских книг и прочитать то, что еще не прочитано». После конференции многие читатели обращались в библиотеку за книгами В. П. Астафьева.

Появились новые произведения «Прокляты и убиты», «Веселый солдат», «Так хочется жить», журнальные публикации «Ягоды для папы», «Пролетный гусь» и другие.

И, конечно же, появились отзывы читателей на эти произведения. Оформлен альбом отзывов, который представлен на постоянно действующей книжной выставке, посвященной В. П. Астафьеву, эти отзывы сыграли большую роль в популяризации его произведений.

Читатель Еременко пишет: «Мне повезло, что в библиотеке появилось 15-томное издание сочинений В. П. Астафьева. И я прочитал все 15 томов, сбылась моя мечта. Его книги — это откровенность его судьбы. Открытая откровенность в «Веселом солдате» дает высокую оценку его труда. Рекомендую почитать это произведение, не пожалеете».

Или еще один отклик: «На фоне бывшей советской действительности народ, околпаченный правдивой ложью о ней, увидит в романе «Прокляты и убиты» честную, выпуклую правду, ни один писатель не писал так открыто о войне. Спасибо, Виктор Петрович, за ваше мужество и совесть писателя, за ваш истинно народный язык».

Библиотеки нашей централизованной системы приняли участие во Всероссийской читательской конференции, проходившей в Овсянке, на Родине писателя. Были посланы документы, буклеты, воспоминания людей, знавших В. П. Астафьева, сочинения ребят, отзывы читателей на разные его произведения и другое.

В процессе работы мы заметили, что за последние годы возрос интерес читателей к творчеству В. П. Астафьева. Читают все: и ранее вышедшие его произведения — «Царь-рыба», «Последний поклон», «Пастух и пастушка», «Военные рассказы», и его затеси, и вновь появившиеся произведения. Об этом говорят показатели выдачи книг В. П. Астафьева: в 2001 году — 3048 книг, в 2002 году — 4038 книг.

В ноябре 2002 года отмечался День памяти В. П. Астафьева. В ЦГБ состоялась встреча «Последний поклон В. П. Астафьеву», на которую собрались люди, знавшие и работавшие с ним в нашем городе, родственники и почитатели творчества великого писателя. Очень жаль, что ушел из жизни такой замечательный человек,

писатель с большой буквы, но утешает, что он оставил нам огромное наследство — свои произведения.

Сейчас мы работаем над темой «Книги-юбиляры В. П. Астафьева». Прошло 50 лет со дня выхода в свет сборника его первых рассказов «До будущей весны», 45 лет со дня выхода его романа «Тают снега», 35 лет назад повесть «Последний поклон» вышла в Перми отдельной книгой, 25 лет назад книга «Царь-рыба» была удостоена государственной премии СССР. Есть и другие знаменательные даты, связанные с творчеством писателя.

Кроме книг Виктора Петровича, в фонде ЦГБ имеется много фотодокументов, писем Марии Семеновны в библиотеку, два видеофильма о Викторе Петровиче и Марии Семеновне, указатели литературы. Много книг с автографом подарено нам Виктором Петровичем и Марией Семеновной: 15-томное собрание сочинений, его последняя книга «Пролетный гусь» (с автографом) также имеется в нашем фонде, почти все книги Марии Семеновны, книга «Крест бесконечный» с автографом В. Я. Курбатова.

С Марией Семеновной мы переписываемся долгие годы. И с каждым посланием наш фонд пополняется уникальными, бесценными материалами.

Н. В. Шихвинцева
Кунгур

Астафьев в Кунгуре

Виктор Петрович Астафьев был в Кунгуре лишь однажды, с частным визитом. Вообще-то он ехал в Чусовой — навестить могилки родных, посмотреть мемориал политзаключенных, встретиться с знакомыми людьми, увидеть вновь Урал в его лучшую пору.

И вот первые впечатления о городе: «Ну, слава тебе, Господи, что хоть маленький кусочек России сохранился. За забором или как ли. Еще не все разрушено. После Урала — Чусового, Губахи, — я работал в газете, на радио, знаю все. Я это пристально посмотрел на Вологодчине, где десять лет жил после Урала. И очень радует, что где-то в кустах, в стороне от такой строгой власти как советская, кое-что еще уцелело. Так уцелел Кунгур нечаянно. Вот уже храм принимает облик. Уже можно молиться. Замаливать грехи наши...»

Это он о Никольской церкви. В течение 60 лет в ее здании располагались производственные помещения ИТК-30. Лишь в 1990 году храм был возвращен верующим. После разговора с настоятелем Олегом Ширинкиным, знакомства с храмом, недавно расписанным и вновь обретшим колокольню, услышав пение церковного хора, Виктор Петрович остался очень доволен. Воспринял возрождение храма как нечто само собой разумеющееся, как то, что быть должно и необходимо: «Если Господь поможет, такие уголки будут, как Кунгур, где все-таки меньше красного цвета... Только обновление. И покаяние перед Богом».

Кунгур порадовал писателя. А кунгурия? Те, кому посчастливилось тогда оказаться рядом с ним, что почувствовали они? Как восприняли эту встречу?

«11 сентября 1997 года. Тот день запомнился как очень яркий и необычный благодаря встрече с Писателем, — вспоминает Людмила Пятилова, корреспондент городской газеты «Искра». — И до сих пор ощущение насыщенности, плотности времени: мы беседовали урывками, в течение часов двух, но казалось, что были с ним, как минимум, целый день».

Утром в редакцию позвонили из Управы, сообщили, что с коротким визитом в Кунгуре будет писатель В. П. Астафьев. Прибытие его из Перми ожидалось в два часа дня. «Мы с фотокором Раифом Абляшевым и с местными телевизионщиками ждали в приемной минут сорок. Помню, все волновались, вспоминали, кто что читал из его произведений». Потом вдруг сообщили о каких-то изменениях в планах, и корреспонденты, сожалея о неслучившемся, разошлись по редакциям. А ближе к концу рабочего дня заставший врасплох звонок и сообщение о том, что В. П. Астафьев уже в Кунгуре. «Редактор нас с фотокором и ведущим литературного приложения «Творчество» В. В. Одеговым в две секунды выпроводила. По пути

в Управу возле книжного магазина увидели машину главы города. Заходим в магазин, переводим дух: вот они, здесь».

И действительно, отсюда началось знакомство писателя с Кунгуром. Его порадовало, что магазин находится в центре города (сейчас в этом здании — Выставочный зал им. Г. А. Мелентьева). «Появление В. П. Астафьева было, конечно, неожиданным, — вспоминает директор магазина Вера Германовна Теплякова. — Очень быстро он пробежался вдоль полок с книгами, отметил, что есть много хороших. В продаже была и одна из его книг». Писатель запомнился Вере Германовне оживленным, веселым и именно таким, каким она его себе представляла.

Л. Пятилова вспоминает: «Собираюсь с духом, подхожу, здороваюсь, представляюсь: «из местной газеты». И в первые же секунды поражает, как внимательно он слушает. Соглашается поговорить. Не веря этому везению — застали их здесь совершенно случайно и сразу же договорились об интервью! — выходим на улицу. Фотокор щелкает, щелкает — вдруг больше не придется, мы же не знаем расписания, куда они сейчас. И — о, радость! — Глава города предлагает присоединиться к ним и совершить небольшую экскурсию по городу. Разговор в машине непринужденный. Виктор Петрович внимательно слушает все, что говорят о Кунгуре, кое-что уточняет. Отвечает на наши вопросы о цели поездки, о жизни, о литературе».

В. Одегов, руководитель литературного объединения «Ива» при редакции «Искры», дарит гостю сборник стихов кунгурских поэтов с посвящением:

Кунгур, конечно, не Сибирь,
но тоже к творчеству причастен.
Произведений Ваших ширь
для россиян большое счастье.

Автор этих строк — Ф. Липатов, ныне выпустивший собственный сборник «Боготворю тебя, деревня». Астафьев тут же просматривает подаренную ему книжку, читает стихотворение, посвященное храму («Купола» В. Буракова) и обещает напечатать его в газете «Красноярский рабочий». Было ощущение, что он ничего не оставляет «на потом», внимательно воспринимает все и всех. «Мы были в плену обаяния, силы духа Астафьева, — продолжает Л. Пятилова. — Чувствовали, что времени очень мало, а спросить еще о столько хочется. И снова в машину. Едем до Центра им. А. Швейцера. Снова вопросы, ответы-размышления. Простота и вместе с тем глубина его высказываний необыкновенная».

В Центре здоровья им. А. Швейцера гостей встретила его хозяйка В. В. Кулакова. Благодаря ее усилиям, этот Центр был открыт в Кунгуре 5 марта 1995 года. Первыми словами Виктории Васильевны, обращенными к писателю, были: «Душа народа!» Виктору Петровичу рассказали о работе Центра, обо всем, что было сделано за недолгое время его существования. За чашкой чая разговор зашел о духовности, о жизни в глубинке. В. П. Астафьев поведал о своем селе, о том, как

там организовывали библиотеку. Он говорил со своими собеседниками так, как будто знал их уже давно, прекрасно чувствуя, что интересует, заботит их в данный момент. Знание и осмысление жизни писателем поражало своей глубиной. Возникло ощущение, «...что перед нами был много переживший человек с молодой душой, интересом к жизни и людям, и в то же время очень самодостаточный», — это опять из воспоминаний корреспондента Л. Пятиловой.

Прощаясь у машины, Людмила попросила Виктора Петровича сфотографироваться с ней. «Вроде бы какая-то глупая, детская просьба. Так ведь отнесся опять-таки с пониманием, остановился, чтобы нас снял фотокор. Не удержалась, обняла его напоследок. Терпеливо снес и это. Наконец сел в машину. Уехали».

Совсем недолго был Астафьев в Кунгуре. Для тех же, кто волей случая оказался тогда рядом с ним, день этот стал памятным на всю жизнь. В семейных альбомах хранятся фотографии, есть диктофонная запись интервью. И хотя прошло уже больше пяти лет, воспоминания не утратили яркости и эмоциональной окраски. Людмила Пятилова так закончила свой рассказ: «После возвращения в редакцию мне не с кем было поделиться впечатлениями о встрече, рабочий день закончился, все разошлись. Набрала номер знакомой и полчаса выплескивала на нее впечатления. Во-первых, не верилось, что встреча с таким Человеком состоялась. Во-вторых, потрясла глубина его жизненной философии, его суждений обо всем происходящем в стране. И еще — будто прикоснулась к вечности. А журнал «Новый мир» теперь навсегда для меня связан с его именем, так убедительно и интересно он говорил о последних публикациях. И, как обещал, вскоре мы там встретили его повесть «Веселый солдат».

В фонде Кунгурского краеведческого музея хранятся материалы: Одегов В., Пятилова Л. С Виктором Астафьевым — по Кунгуру // Искра, Кунгур. — 1997. — 18 сентября.

Семенов В. Л. Культура Кунгура. — Пермь, 2000.

Воспоминания корреспондента «Искры» Л. А. Пятиловой. Рукопись. — 2003. — 23 апреля.

Беседы с бывшим директором магазина «Книги» В. Г. Тепляковой и сотрудником «Искры» В. В. Одеговым в апреле 2003 г.

Т. А. Мосягина
пос. Павловский Очерского района

Единое культурное пространство — поселку

Культура народа — конечная цель государственной политики, ибо без культуры, без духовности, без корней нет ни процветания, ни уверенности, ни покоя. На реализацию этих целей направлена деятельность учреждений культуры поселка Павловский. Каждая организация, заботящаяся о культурном досуге павловчан, имеет что-то присущее только ей. Творческое объединение «Плотинушка» объединяет художников, резчиков по дереву, мастеров народных промыслов, а также поэтов и музыкантов, всех, кому близок мир прекрасного, всех, у кого есть вдохновение, есть желание работать, творить, учить и учиться. Выставочный зал предлагает интересные экспозиции, ведет всю выставочную, лекционную работу в рамках акции «Забятая деревня». Дом культуры и музыкальная школа радуют выступлениями самодеятельных артистов. Музей ведет историко-краеведческие разыскания по темам: «Народная игра и игрушка», «Народные промыслы и Павловские умельцы» и др. Детская библиотека и клуб по месту жительства «Олимпик» осуществляют работу по развитию семейного творчества. Клуб садоводов-любителей «Рябинушка» при библиотеке занимается экологическим просвещением и воспитанием населения. Всеми организациями проводятся праздники для населения.

Библиотека поставила своей целью создание единого культурного пространства в поселке. Для этого необходимо было организовать деятельность всех учреждений культуры как единой команды специалистов-профессионалов. Появилась возможность проводить все мероприятия на более высоком профессиональном уровне, избежать дублирования и разбросанности финансовых средств. Библиотека разработала программу «Единое культурное пространство — поселку», выиграла грант в 25 тысяч рублей на областном конкурсе малых грантов и взяла на себя координационную деятельность по программе, т. к. опыт данной работы у библиотеки есть. Здесь же организованы творческое объединение «Плотинушка» (работает с 1999 г.), клуб садоводов-любителей «Рябинушка» (с 1998 г.). Подготовительный этап включал в себя создание единого Творческого Совета при главе администрации поселка, разработку единого плана работы всех организаций. Программа была рассчитана на один год, и, проработав в единой связке, мы с гордостью можем сказать: «У нас нет узких интересов. Мы — единая команда».

На подведении итогов работы по программе «Единое культурное пространство — поселку» все выступающие отмечали, что результаты превзошли ожидания. Эффективно работает «Школа ремесел» (резьба по дереву — руководитель Бояришинов В. А.), выставочный зал, была отмечена эффективность совместной работы учреждений

культуры в проведении крупномасштабных мероприятий и возможность перераспределения финансов между учреждениями культуры при проведении мероприятий. Была отмечена важность совместной работы с семьей и трудными подростками. На ежемесячных заседаниях Творческого Совета происходит совместное планирование и анализ деятельности.

Работа в едином ключе всех учреждений культуры позволила поднять уровень обслуживания населения, охватить практически все группы: учащиеся, пенсионеры, инвалиды, трудные подростки, работающее население. Совместное проведение мероприятий обеспечивает их высокую посещаемость (реклама ведется во всех учреждениях культуры). На итоговом заседании было решено разработать данную программу сроком до 2005 года.

Опыт данной работы позволил реализовать наши идеи в новых программах. Так, программа «Плотинушка», по которой библиотека работала с 1999 по 2003 годы, выполнена почти полностью и легла в основу совместного проекта «Мастера Медвежьего Ключа», основная цель которого: поднятие материального благосостояния семей путем овладения навыками изготовления изделий народных ремесел. Проект стал победителем 3-го областного конкурса социальных и культурных проектов. Первый шаг в реализации проекта – выставка «Мастера Медвежьего Ключа», объединившая творческих людей всего района и позволившая им показать свое мастерство. Выставка вызвала огромный резонанс в районе. Следующий шаг – проведение фестиваля «Город мастеров», цель которого – представить ремесла, существующие в регионе.

В этом же году на межрегиональный конкурс социальных и культурных проектов был подан еще один проект библиотеки: «Рябиновый сад» – экологическое воспитание и просвещение населения путем закладки и выращивания сада-парка. В этом проекте библиотека опирается на связь с Комитетом по Охране природы Очерского района, с Павловской средней школой и другими заинтересованными организациями.

Плодотворным является сотрудничество библиотеки с Павловским машиностроительным заводом. Во многих начинаниях библиотеки завод выступает спонсором (ремонт выставочного зала, поощрения мастеров, изготовление рамок для картин и вышивок и др.)

В наше сложное время библиотека работой доказывает свою нужность жителям поселка.

Т. М. Степанова
пос. Павловский Очерского района

Новая библиотека XXI века

«Вы не пристраивайтесь к массовому читателю, не надейтесь, что он все поймет. Мы настолько одичали, настолько заросли разной сорной травой и пустоцветом, что нужно вновь вести какую-то переподготовку. Сейчас надо не только материальную базу создавать — дух надо строить!» Как набат звучат сегодня эти слова В. П. Астафьева. Творческие, неравнодушные люди, сплотившиеся вокруг нашей библиотеки, стремятся возродить духовную культуру и нравственность в противовес зачастую негативному воздействию СМИ.

Так, художник А. С. Беляев провел для наших читателей-старшеклассников цикл бесед «Свет русской иконы», продолжением которых стала экскурсия в храм Петра и Павла с рассказом об иконах этого храма.

Плодотворным оказалось сотрудничество с центром психолого-педагогической помощи семье и детям и с его заведующей В. П. Куншиковой, автором оригинальной разработки семинаров-тренингов для подростков и молодежи «Я выбираю жизнь» и «Мудрый человек» по профилактике социально-опасных явлений. Ряд семинаров-тренингов по этой теме был проведен для читателей нашей библиотеки.

«В эфире редакция общественного радио» — этими словами начинаются еженедельные передачи на радио машиностроительного завода, основного предприятия нашего поселка. Библиотека, принимая участие в этих передачах, предлагает вниманию слушателей радиобеседы по социально-значимой тематике, материалы историко-краеведческого характера, страничку экологического всеобуча, рассказ о народных праздниках в цикле «Круглый год», литературно-краеведческий альманах «Поэты и писатели Прикамья». В апреле и мае библиотека вышла на радио с циклом «Астафьевские чтения». В эти же дни в библиотеке была организована выставка «Совесть нации», посвященная памяти В. П. Астафьева. Из радиоочерков «Рядом с прошлым и настоящим», прозвучавших на радио в 2001 году, родилась идея создания книги о нашем поселке, его прошлом и сегодняшнем дне, и такая книга была выпущена к 185-летию завода и поселка. К этой же дате был снят видеофильм.

В 2002 – 2003 годах организован цикл поэтических вечеров-встреч с местными поэтами «Все мы от рябины гроздь». В ближайшем будущем планируется выпуск компьютерного варианта сборника стихов павловских поэтов.

Поиск путей духовного возрождения начинается с обращения к опыту предков. На площадях нашей библиотеки будет размещена библиотека-музей, так как в результате процесса оптимизации

соединятся две библиотеки. В наших планах — создание музея народной культуры, организация уголка быта рабочей семьи XIX века, творческие и краеведческие экскурсии.

С 2002 года наша библиотека полностью занимает старинное двухэтажное здание (ранее только один этаж), есть компьютер, ксерокс, другая современная техника, которая значительно расширяет возможности библиотеки в обслуживании читателей. Но мы глубоко убеждены в том, что в XXI веке, становясь информационным центром, библиотека должна быть прежде всего центром духовного и нравственного возрождения общества. В. П. Астафьев когда-то пожелал интеллигенции «терпения, труда неустанного и веры». Этого мы желаем и себе, и всем нашим коллегам.

Л. В. Масалкина

Пермь

Рождение осоргинской библиотеки в Перми

Наша библиотека находится в муниципальном Дворце культуры города Перми. А история ее началась в 1933 году. Она была открыта на территории строящегося моторостроительного завода. Через год ее перевели в заводской клуб, а в 1952 году — в заводской Дворец культуры (тогда имени И. В. Сталина, а затем Я. М. Свердлова, ныне — муниципальный). С первых лет своей жизни библиотека завоевала популярность среди заводчан, потому что комплектовалась как универсальная библиотека, одно из направлений ее деятельности было гармоничное развитие личности средствами литературы.

Здесь всегда работали люди, преданные своему делу, трепетно относящиеся к Ее Величеству Книге. Постоянно проводились встречи читателей с писателями, артистами, с известными людьми разных профессий. В свое время гостями библиотеки были прославленные летчики В. Чкалов, М. Громов, А. Маресьев, писатель А. Первенцев и другие.

Библиотека по праву считалась культурным цехом завода и одной из лучших профсоюзных библиотек Перми. В апреле 1998 года она была переведена в городскую централизованную библиотечную систему. И сегодня ее богатым фондом (более 90 тыс. единиц хранения) пользуется 6500 юных и взрослых читателей. Из редких книг, которые хранятся здесь, можно назвать «Жизнь животных в фотографиях с натуры» (1896), «Урал» — издание товарищества И. Д. Сытина (1905), несколько томов из собрания сочинений А. С. Пушкина, изданного в 1900 году Российской Академией Наук, есть книги 30 – 50-х годов.

Не забывая лучшие традиции своей семидесятилетней истории, коллектив сегодня проводит просветительскую работу по русской культуре. Русская культура — это та нравственная сила, которая всегда помогала нашему народу в тяжелых испытаниях. Ведь личность формируется не науками и новейшими технологиями, а культурой и, в первую очередь, произведениями художественной литературы. В библиотеке проводятся литературные уроки, вечера, различные конкурсы для детей и взрослых, встречи читателей с пермскими писателями, поэтами и другие мероприятия.

Как известно, вне культуры нет интеллигента. Именно интеллигенция всегда определяла духовно-интеллектуальную атмосферу эпохи. 90-летие выхода в свет знаменитого сборника «Вехи» стало поводом собраться в нашей библиотеке, старейшем книжном хранилище города, историкам, философам, писателям, студентам, художникам, работникам культуры. Состоялся «круглый стол» по теме «Интеллигенция — интеллектуалы — образованщина: неоконченные споры».

Так, в январе 1999 года начал свою просветительскую деятельность философский клуб «Эйдос» (в переводе с греческого означает «идея»). Наш клуб продолжает пермские традиции проведения дискуссий, которые имеют в столице Прикамья более чем столетнюю историю. Известно, что до революционных событий 1917 года в часовне имени Стефана Великопермского собирались образованные пермяки и проводили беседы на религиозные и светские темы. Задачи, которые ставит перед собой философский клуб «Эйдос»: утверждение духовных ценностей русской культуры; возрождение нравственных традиций пермской интеллигенции; формирование в обществе гуманистических взглядов, уважительного отношения к различным мировоззренческим позициям; популяризация новой информации по культурному наследию и проблемам отечественной культуры.

«Круглые столы» клуба становятся все более популярными среди городской интеллигенции. Так, в 2002 – 2003 годах с целью привлечь учителей к обсуждению проблем философии образования и культуры активное участие в организации и проведении «круглых столов» принял Пермский Дом учителя (директор Т. Ю. Снегирева). Материалы «круглых столов» клуба издаются при поддержке администрации Свердловского района.

Бессменным руководителем клуба является Вячеслав Андреевич Кайдалов, профессор, доктор философских наук, зав.кафедрой философии технического университета. Активные участники «круглых столов» — философы А. В. Жохов и Н. К. Оконская, художник-педагог Л. И. Санникова, журналист Г. В. Куличкина, фотокорреспондент А. Н. Папу, социолог И. В. Измestьев, кандидат педагогических наук Н. А. Князева, инженер ООО «Авиадвигатели» Н. Н. Исаев и другие представители пермской интеллигенции.

Среди проблем, которые обсуждались, можно назвать такие: «Христианство и культура России», «Слово и культура», «Личность в современной России». Дискуссия о русской идее затронула вопросы судьбы русской культуры, русской духовности.

Сегодня изменилась система ценностей, фактически нет единой системы патриотического воспитания. Но есть книги, есть библиотеки, и есть замечательные писатели — певцы малой родины, с которой, как известно, и начинается любовь к Отечеству. Один из них — выдающийся писатель русского зарубежья, уроженец Перми — Михаил Осоргин.

Философия жизни Михаила Осоргина представляется очень важной в развитии самосознания личности: «Кто мы? Откуда мы? Куда мы идем?» Эти вопросы постоянно звучат в его творчестве. На заседании философского клуба, посвященного этому замечательному писателю, и родилась идея о проведении научно-практической конференции «Михаил Осоргин и вечные ценности русской культуры». Конференция была приурочена 280-летию Перми и 125-летию со дня рождения писателя.

И вот в бывшей профсоюзной библиотеке моторостроительного предприятия, а ныне муниципальной районной, собрались ученые-литературоведы, философы, учителя, сотрудники библиотек и других учреждений культуры. Они не только отдавали дань великому земляку, но и обменивались опытом работы по изучению и популяризации его литературного наследия. Главным событием конференции стало участие в ней Олега Григорьевича Ласунского, заместителя председателя Союза краеведов России, сопредседателя Организации российских библиофилов, который открыл россиянам, в том числе и пермякам, имя Михаила Осоргина. Благодаря усилиям этого воронежского литературоведа в Пермском краеведческом музее создан мемориальный фонд писателя, а некоторые его книги были изданы в 80 – 90-х годах прошлого века в Москве, Воронеже, Перми.

В свой третий приезд в Пермь О. Г. Ласунский подарил нашей библиотеке некоторые материалы о творчестве писателя. Приветствуя участников конференции, О. Г. Ласунский отметил, что появление в Перми осоргинской библиотеки было бы более чем логично: «...ведь Михаил Андреевич отличался страстным библиофильским темпераментом, не случайно им придуман колоритный литературный псевдоним — Старый Книгоед».

И вот сегодня коллектив библиотеки переживает большую радость. Накануне общероссийского Дня библиотек и 280-летия любимой Перми нашей библиотеке № 25 присвоено имя М. А. Осоргина.

*Вспоминая
Виктора
Петровича*

Пленарное
заседание
вторых
Астафьевских
чтений

*Г. Сапронов, издатель
(г. Иркутск)*

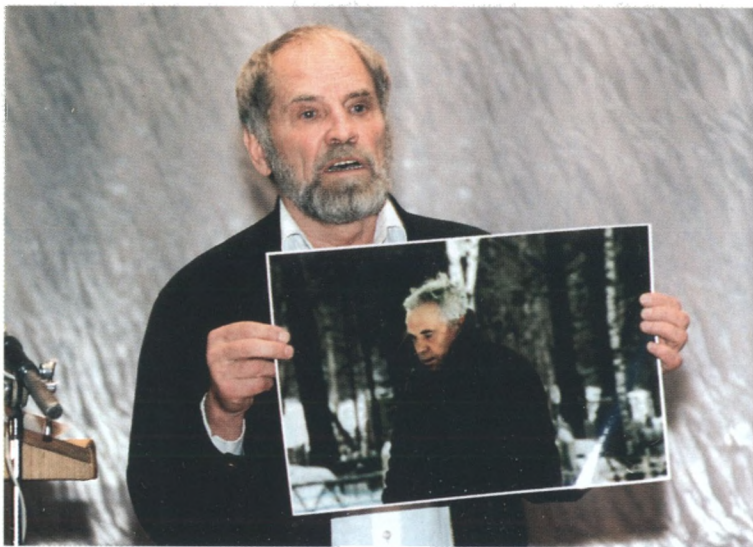
*Художник М. Тарасова,
писатель Д. Ризов*

Идет заседание

А. Астафьев, сын писателя

А. Заболоцкий, кинооператор (г. Москва)

М. Абашева, доктор филологических наук, профессор ПГПУ, Л. Аннинский, литературный критик (г. Москва)

Писатель Т. Соколова

*Е. Колобов, дирижер, художественный руководитель
театра «Новая опера» (г. Москва)*

*А. Астафьев, В. Обыденко
(г. Дивногорск Красноярского края)*

*В президиуме заседания: Т. Марголина, заместитель губернатора Пермской области,
В. Курбатов, писатель (г. Псков), Л. Аннинский, литературный критик (г. Москва),
С. Щерчков, депутат Государственной Думы РФ от Пермской области*

*Художник, скульптор, автор мемориальной доски В. Астафьеву Р. Исмагилов,
А. Бердичевская, издатель (г. Москва),
Т. Марголина, заместитель губернатора Пермской области*

«Круглый стол» в экспозиционно-выставочном зале музея «Пермь-36»

*Заседание
общественно-политической
секции (руководитель
профессор Л. Фадеева)*

*Участники Астафьевских чтений (музейно-архивная секция),
руководитель кандидат исторических наук М. Нечаев*

*Экскурсию по мемориальному музею «Пермь-36» ведет его
сотрудник кандидат исторических наук Л. Обухов*

*Открытие мемориальной доски
на доме, где жил В. Астафьев (г. Пермь)*

Экскурсию по мемориальному музею «Пермь-36» ведет его директор В. Шмыров

Писатель Л. Юзефович (г. Москва) с пермскими коллегами

В. Курбатов (г. Псков), Г. Сапронов (г. Иркутск), Л. Аннинский (г. Москва), А. Гремицкая (г. Москва), Е. Колобов (г. Москва)

А. Астафьев ведет экскурсию по памятным местам (г. Чусовой)

А. Астафьев с журналистами

*Мемориальный музей В. Астафьева
(г. Чусовой)*

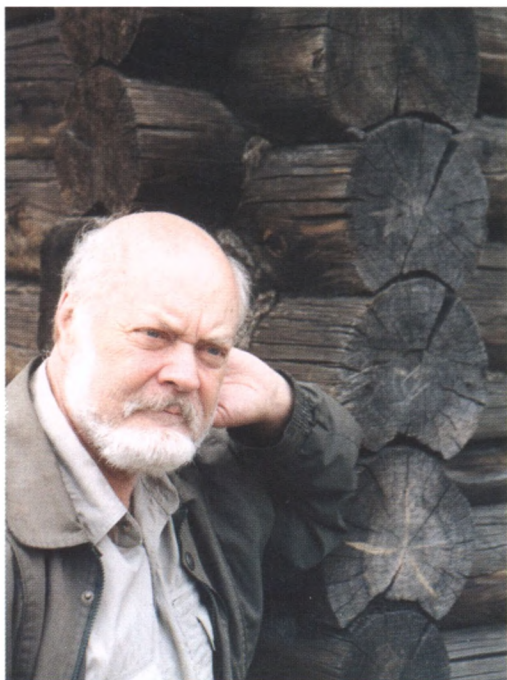
Хлеб-соль участникам Астафьевских чтений: писатель Р. Белов и поэт А. Гребнев

***В. Курбатов, писатель (г. Псков) и Т. Курсина, исполнительный директор
Мемориального центра «Пермь-36»***

Участники Астафьевских чтений у дома В. Астафьева (г. Чусовой)

*Л. Аннинский у дома
В. Астафьева*

Участники чтений перед входом в мемориальный музей В. Астафьева (г. Чусовой)

Е. Колобов, А. Гречицкая, Г. Сапронов

Экскурсию ведет А. Юзефович, профессор ПГТУ, руководитель отдела реконструкции музея «Пермь-36»

*А. Гремицкая,
литературный
редактор (г. Москва)*

*А. Астафьев, Г. Сапронов, Секлетинья Савватеевна Оборина, бывшая няня детей
В. Астафьева (г. Лысьва), Т. Астафьева (жена А. Астафьева)*

З. Б. Нижегородова
Краснокамск

Издательская деятельность Центральной городской библиотеки Краснокамска

Библиотека по-прежнему играет важную роль в культурной жизни общества, особенно если она находится в небольшом городе и призвана быть культурным центром для творческой интеллигенции этого города. Наша библиотека всегда была заинтересована в поиске и объединении творческих людей для того, чтобы дать возможность проявиться талантливой личности. Немаловажную роль в этом направлении играет издательская деятельность.

«Первой ласточкой» стало для нас издание стихов самодеятельной поэтессы К. Е. Верхоланцевой «Так долго помнится...» Эта скромная книга объединила неравнодушных людей, которые помогли издать сборник. Вдохновителем и организатором стал методико-библиографический отдел нашей библиотеки, который привлек к изданию журналистов местной газеты и радио, художника, выполнившего оформление и дизайн книги, и преподавателя русского языка и литературы, написавшего предисловие. Сборник вышел в юбилейный для города год и был посвящен его 55-летию. К сожалению, автора уже нет с нами, но книга живет.

В этом же году увидел свет еще один поэтический сборник: «Тебе, мой город, посвящаю». В него вошли стихи и песни о Краснокамске профессиональных поэтов Л. Татьяничевой, А. Каменского и поэтов-любителей, жителей нашего города, в незатейливых строчках которых — любовь к малой родине. Издание составлялось на основе публикаций из местных газет с довольно обширным хронологическим охватом с 1958 по 1993 годы. Весь материал разделен на две части. Сборник пользуется большой популярностью, особенно среди преподавателей и школьников, которые обращаются к нему при подготовке к различным краеведческим мероприятиям.

Библиотека постоянно находится в творческом контакте с местными художниками, музыкантами, поэтами и просто с людьми, которые любят родной город и посвящают ему свое творчество.

Город мой, ты мне все ближе,
Я всю жизнь с тобой связал,
Где бы ни был, всюду вижу
Камы синие глаза.

Так вдохновенно писал о нашем городе педагог, майор милиции, участник ВОВ, человек, чутко реагирующий на все происходящее вокруг него, Николай Сергеевич Черняев. Не случайно на презентацию его стихов «Бессмертна воинская слава» собралось в зале библиотеки так много людей, лично знавших и любивших поэта. На вечере звучали стихи автора, воспоминания о нем и даже песни на его слова. К сожалению, сборник вышел уже после смерти автора.

Издание книги состоялось благодаря поддержке городской администрации, большой работе дирекции и библиотекарей, которые составляли сборник. Книга стала памятью об этом замечательном человеке, гражданине, поэте.

Краснокамск — город относительно молодой. Это город бумажников, нефтяников, металлоткачей, энергетиков, город славных традиций. Многие старожилы города строили и возводили его собственными руками.

В песнях и стихах краснокамцы стремятся выразить любовь к своему городу, его людям, рассказать об его истории и сегодняшнем дне. 60-летию города был посвящен поэтический сборник «Мой город — родины частица», выпущенный библиотекой совместно со школой искусств и иллюстрированный живописными работами юных художников. Получилась интересная, изящно изданная книга — хороший подарок к юбилею города.

В 2003 году Краснокамск вновь отмечает юбилейную дату — ему 65 лет. Библиотека не могла остаться в стороне и посвятила городу еще одну книгу. Авторы нового поэтического сборника «Не думая выйти в поэты» — читатели нашей библиотеки. Для некоторых юных авторов сборник стал первым публичным «выходом в свет».

Говоря об издательской деятельности ЦГБ, нужно отметить, что она носит целенаправленно краеведческий характер. И было бы очень сложно осуществить ее без помощи различных общественных организаций, которые также заинтересованы в сборе и распространении краеведческих знаний. Мы объединили свои усилия с клубом краеведов «Родник», обществом российских немцев «Возрождение», с общественным музеем политических репрессий «Мемориал», городским музеем и архивным отделом городской администрации.

Результатом этого сотрудничества стало издание двух выпусков краеведческих сборников «Город моей судьбы». Книги выходили к различным юбилейным датам: к 60-летию города вышел первый, а к 55-летию Победы в ВОВ — второй. В этих изданиях нашли отражение материалы краеведческого характера, ранее нигде не публиковавшиеся: рукопись почетного гражданина города А. Х. Худяковой о военном госпитале в Краснокамске; статья П. П. Петерса «Детский лагерь Ленинградского Литфонда на Краснокамской земле в годы войны»; материалы о Камском бумкомбинате в годы войны; дневники военных лет писателя В. Лебедева; различные архивные данные. Второй выпуск сборника «Город моей судьбы», посвященный юбилею Победы, вошел в подарочный пакет участникам Великой Отечественной войны, проживающим в нашем городе.

В настоящее время готовится к выходу третий выпуск этого сборника, который тоже станет подарком городу в честь его юбилея.

Большим событием в жизни краснокамских немцев стало издание книги председателя общества российских немцев

«Возрождение» П. П. Петерса «Российские немцы в Прикамье». Книга была издана нашей библиотекой в рамках Целевой программы администрации Пермской области по гармонизации межнациональных отношений народов Прикамья на 1999 – 2003 годы. Ее презентация собрала руководителей местного муниципального образования, представителей общественных организаций из Перми и Лысьвы. Признательность автору книги за огромный исследовательский труд приехали выразить главные герои его очерков – бывший ректор ПГТУ, профессор А. А. Бартоломей; заслуженный работник высшей школы России, профессор ПГСХА Г. Г. Кениг; дети известных в городе и области педагогов К. И. Ларькиной, Э. Г. Онгемаха, В. И. Цветниковой. Книга «Российские немцы в Прикамье» является прекрасным учебным материалом для изучения местной истории, о чем свидетельствуют рефераты учащихся, написанные на основе исследований П. П. Петерса.

Еще одно направление издательской деятельности ЦГБ связано с изданием библиографических указателей. В условиях, когда важно найти, сохранить и донести до читателей любую информацию краеведческого характера, особенно актуальным является издание указателей о родном городе. В честь 50-летия Краснокамска был выпущен первый рекомендательный указатель литературы о городе «Краснокамску – 50». Он содержит сведения о наиболее ценной литературе о городе и районе с 1938 до 1990 года: официальной, научно-популярной и публицистике. Географический и именной указатели позволяют быстро найти нужную информацию по фамилии автора или персоналии, по названию географических и экономико-географических объектов. Указатель включает много ценных материалов прошлых лет, которые никогда не переиздавались. В 1993 году методико-библиографический отдел ЦГБ выпустил издание: «Что читать дальше...», включившее материалы, опубликованные за пять лет после выхода первого указателя.

В библиотеке есть компьютер, что позволяет вести электронный краеведческий каталог. На основе имеющихся записей ежегодно распечатывается сводный библиографический указатель статей «Краснокамск в ... году».

Город, его история – это тысячи человеческих жизней. В них, как в зеркале, отразилась эпоха. Поэтому к 50-летию Победы ЦГБ выпустила первый тематический рекомендательный указатель «Краснокамск и краснокамцы в годы Великой Отечественной войны».

Все, что связано с Великой Отечественной, свято для нас. Мы всегда стараемся поддерживать связи с ветеранами, а когда они обращаются с просьбой помочь в издании своих воспоминаний, ищем возможность выполнить просьбу. В результате такого сотрудничества мы имеем в своем фонде книги: «Я помню войну» (рассказы нашего земляка А. С. Вергазова) и «По дорогам войны» М. И. Лабутина. Авторы – ветераны Великой Отечественной и давние читатели нашей

библиотеки. Наличие в фонде подобных изданий способствует повышению гражданского престижа библиотечного краеведения.

Таким образом, благодаря помощи и поддержке городской администрации и различных общественных организаций, Центральная городская библиотека может осуществлять издательскую деятельность и содействовать этим воспитанию патриотизма, национального самосознания, уважения к истории, традициям своей местности, расширению и углублению знаний о ней, объединению населения в рамках общественного краеведения.

B. Asperal.

Монах в новой жизни

— рассказ —

— рассказ —
2. Мне вечно перед глазами картины. Быв
были же и такие, когда у меня
были бы (картины). У меня было
было бы (картины) во
всего

[illegible]

и го донесла моето дете. Като 3 1/2
години преди Емил. Като 3 1/2
години преди Емил. Като 3 1/2

~~уменьшение количества куропаток~~

to be written on a
egg B cannot kill, etc.

...назад с концами, ...
...анкета Анкет и ...

Ответственность

ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В КРИТИЧЕСКОМ

В критические

МОМЕНТЫ

моменты русской

российской

истории

М. В. Змеев

Глазов

**«В больницу шли... умирать»:
к характеристике проблемного поля врачебной
практики на рубеже XIX — XX вв.**

На IX съезде Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова врачебное сообщество единодушно признало, что врач не имеет права на проведение операции без согласия на то самого больного или его родственников¹. Это правило должно было стать правовой и нравственной максимой каждого врача-практика. Но в то же время оно ставило его в зависимость от мнений и предрассудков пациентов. И при сохранении требования обязательной явки к больному в профессиональной деятельности врача могли возникать довольно противоречивые ситуации: он обязан был ехать к больному, не зная наверняка, согласится тот на операцию или нет, сможет он оказать ему помощь или, в силу независящих от него обстоятельств, вынужден будет бездействовать.

Вопрос врачебной целесообразности сталкивался здесь с этико-правовыми нормами, порождая массу новых проблем. В частности, врачей интересовало, «как быть, если больной, которому грозит смерть, в состоянии невменяемости, а родных или близких нет, или они своего согласия на операцию не дадут»². На все эти вопросы ни законодательство, ни профессиональная этика четких однозначных ответов не давали. Попытки разрешить многие из подобных противоречий — например, через отмену статей об обязательной явке врача к больному, или путем легитимации права врача на хирургическую операцию по собственному усмотрению и под свою ответственность — все они были симптомами одного процесса — институционализации профессионального врачебного пространства и, в частности, его этико-правовой стороны. Однако большинство из этих проблем корнями своими уходило в более фундаментальное противоречие, противоречие между разными системами ценностей, разными жизненными формами и типами рациональности. Иными словами, налицо был факт социокультурного разрыва между профессиональным дискурсом врачебного сообщества и традиционным менталитетом крестьянского мира.

Интеллигентская идеализация деревни вела к конфликту ожиданий и реальности. «Когда молодой врач, сходя со школьной скамьи, отправляется в деревню с горячей готовностью хоть сколько-нибудь облегчить ее многострадальное существование, он незаметно для себя идеализирует деревенскую обстановку. <...> А вот когда он встречается с нищетой, невежеством, косностью, забитостью прямо, лицом к лицу, встречается не как с теоретическими формулами и темами для бесконечных

студенческих споров, а как с реальными явлениями, бьющими его ежеминутно по нервам, когда его усилия начинают разбиваться об эти препятствия, как о каменную стену, тогда он начинает понимать, что...отрицая всякую идеализацию, он в сущности многое идеализировал»³. Очевидно также то, что на одни и те же медицинские проблемы врач и крестьянин смотрели разными глазами и по-разному их переживали. Гуманистическо-естественнонаучная рациональность врачей столкнулась здесь, с одной стороны, с крестьянскими мифами и суевериями, с другой, с холодным хозяйственным расчетом относительно лечения больных.

С университетской скамьи врач привык группировать больных по степени тяжести их заболевания. Нравственным долгом каждого врача было оказание медицинской помощи любому страждущему, безотносительно того, какого он возраста, пола и социального происхождения. С точки зрения гуманистической морали, лежащей в основе врачебной этики, ценность человеческой жизни не могла быть обусловлена ни одним из этих социальных факторов, поскольку она самоценна. Напротив, в общинном менталитете крестьян ценность индивидуальной жизни детерминирована принципом хозяйственной целесообразности. «Экономический расчет лежит на дороге между больным и врачом» и суть его в том, что «стоимость взрослой рабочей силы так велика, что она окупает расходы по доставке больного к врачу; доставка же детей и стариков становится уже во многом экономически невыгодной»⁴.

В качестве одной из причин незначительного обращения населения в больницы врач Осинского уезда И. Дегтярев отмечал также недоверие крестьян к врачам, «боязнь обращаться за помощью к интеллигентным людям».⁵ Врачебная наука была крестьянам непонятна и, как все новое, непривычное и непонятное, внушала опасение. Особое недоверие и страх испытывали крестьяне перед больницами. Их пугал сам принцип изоляции от привычного домашнего окружения и круга повседневных занятий, непонятный язык медицинских терминов и названий лекарств, а также тот факт, что больница — это место, где собирают людей, одержимых разными недугами и где они, случается, умирают. С. И. Мицкевич вспоминал, что «народ называл больницы «морилками» и шел туда в самых крайних случаях — умирать»⁶. «Больной крестьянин полечится у всех знахарей и знахарок, испытает все народные средства, исполнит все советы бабушек и тетушек, и только видя бесплодность всего этого, обратится к врачу»⁷.

Для крестьян магические ритуалы были более привычны и имели сакральное значение, нежели прием порошков или операционное вмешательство врача. На болезни пытались воздействовать теми способами, которыми испокон веков

пользовались предки, даже если они, с медицинско-санитарной точки зрения, лишь усугубляли положение больного или способствовали распространению эпидемии. «Даже тяжело больные сплошь да рядом отказываются от больничного лечения и прибегают к различным «бабушкиным средствам», например, подкладывают под послеродовую больную, в целях лечения, труп разлагающейся кошки, перевязывают пуповину ребенка прядью грязных волос роженицы и т. д.»⁸.

Эти архаичные представления и ритуалы являлись серьезным «конкурентом» медицинской науке и существенно осложняли врачебную деятельность среди крестьян. Земский врач Красноуфимского уезда М. И. Мизеров рассказывал в 1901 году, что однажды, во время вспышки оспы у него в участке, ему пришлось силой изъять и сжечь одежду одной больной, а чтобы не усугублять недовольство семьи пострадавшей, он заплатил им за «материальный ущерб» деньги из своего кармана⁹.

Однако недоверие и страх крестьян перед медициной при определенных обстоятельствах могли обернуться для врача либо прямым обвинением его в злом умысле и преступлении, либо противодействием здравоохранительным мероприятиям.

Таким образом, при крайне неблагоприятных материально-правовых условиях профессиональной деятельности земский врач зачастую сталкивался с индифферентностью крестьянской среды. Научной целерациональности врачей здесь противостояли хозяйственный прагматизм и архаичные верования крестьян. Устойчивость традиционных архетипов затрудняла формирование единого смыслового универсума населения и медицинских работников, пациентов и врачей. В условиях этого социокультурного разрыва в профессиональном дискурсе врачей актуализируются сюжеты, непосредственным образом не относящиеся к их профессиональным обязанностям. «Разве только в области лечения люди вредят себе своим невежеством и неразумием? — задавал риторический вопрос А. Скляр. — Мало ли невежественные родители калечат своих детей нелепым воспитанием? А в области экономических отношений, да и вообще всюду и везде в жизни мы не видим губительных результатов глупости и невежества? Какую же панацею можно придумать против этого? На все эти вопросы возможен только один ответ: распространяйте просвещение, поднимайте человеческое сознание, создавайте такие условия существования, чтобы люди получили возможность разумно относиться к себе и окружающему»¹⁰. При подобном повороте профессиональной проблематики врач объективировал себя прежде всего как интеллигента и как профессионала своего дела. В данном контексте профессиональные проблемы не могли оставаться узкокорпоративными и приобретали широкое социальное значение. Отчасти в этом культурном противоречии медицинской практики следует искать истоки господствующего

во врачебной среде убеждения в том, что образцовый врач не тот, кто занят исключительно лечением, но тот, кто помимо заботы о здоровье своих пациентов, занимает активную позицию просветителя и борется с общественно-политическими «недугами».

¹ IX съезд Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова // Врачебная газета. — 1904. — № 7. — С. 217.

² Скляр А. С. Врач и закон // Русская мысль. — 1902. — № 2. — С. 132.

³ Вигдорчик Н. А. Народ и медицина (к характеристике врачебной деятельности в деревне) // Врачебная газета. — 1904. — № 8. — С. 238.

⁴ Там же. — С. 241.

⁵ Дегтярев И. Д. Описание медицинского и санитарного дела в Осинском уезде // Труды VIII съезда врачей Пермской губернии.

⁶ Мицкевич С. И. На грани двух эпох. От народничества к марксизму. — М., 1937. — С. 107.

⁷ Вигдорчик Н. А. Народ и медицина. // Врачебная газета. — 1904. — № 9. — С. 278 — 279.

⁸ ГАПО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 114. Л. 11.

⁹ Труды VIII съезда врачей Пермской губернии. — С. 85.

¹⁰ Скляр А. С. Врач и закон. — С. 133 — 134.

А. В. Бушмаков
Пермь

Интеллигенция в рясе?

В научной литературе, посвященной общественно-политическим движениям, общественной и культурной жизни России конца XIX — начала XX века, духовенство в целом обычно рассматривают как косную, реакционную силу, занимавшую консервативно-охранительные позиции и, наряду с чиновничеством и дворянством, являвшуюся оплотом самодержавия. Интеллигенцию же, наоборот, принято считать носительницей прогрессивных идей, высокой культуры и рационального знания.

Если исходить из распространенного определения интеллигенции как людей умственного труда, то духовенство автоматически к ней причисляется. Так, Антонио Грамши считал духовенство категорией интеллигенции, органически связанной с землевладельческой аристократией, в течение целой исторической эпохи монополизировавшей целые области общественной жизни: идеологию, науку, образование, мораль, правосудие, благотворительность и медицину. В период утверждения абсолютизма духовенство постепенно начинает сдавать свои позиции, появляются и развиваются другие категории интеллигенции, со временем обособляющиеся и начинающие считать себя независимыми от господствующей социальной группы. У Грамши духовенство является интеллигенцией традиционного общества, в эпоху модернизации уступающей свое место во всех сферах общественной жизни собственно интеллигенции нового времени¹.

В конкретно-исторической действительности России рубежа XIX — XX веков термин «интеллигенция» имел более узкое значение, чем определение человека, профессионально занимающегося интеллектуальным трудом. Ключевыми моментами, определяющими принадлежность к интеллигенции и отличающими ее представителей от других членов «образованного общества» дореволюционной России, можно считать преклонение перед «культурой», обладающей высшей ценностью, преданность Просвещению и прогрессу, которые необходимо «нести в народ», воспринимаемый как серая безликая масса, а также идею служения народу, ради которого необходимо жертвовать личным благополучием. Идеалом интеллигента считался человек, жертвующий собой ради «несчастных и страждущих», «непросвещенного, темного люда», «на пользу общественную»².

Если понимать под интеллигенцией особую социокультурную группу, т. е. сообщество людей, реализующих в своей деятельности единые или однотипные модели культуры,³ то вопрос о том, можно ли отнести духовенство пореформенной России (или его часть) к интеллигенции, сводится к вопросу о том, в какой степени представителям духовного сословия были свойственны эталоны

поведения, общие символы и жизненные нормы, стиль жизни в целом, характерные для интеллигенции и определяющие принадлежность к ней.

Насколько же представители духовенства соответствовали понятию об интеллигенте, а их деятельность и поведение — интеллигентским? Прежде всего, необходимо отметить, что духовенство в России конца XIX — начала XX века было неоднородно. Оно довольно явственно делилось на сельское, большая часть которого жила в нужде и была занята элементарной борьбой за выживание, и более образованное и современное городское, уровень жизни и бытовой культуры которого был сопоставим с уровнем жизни врача, инженера или учителя гимназии, т.е. профессий, «зарезервированных» за интеллигентами того времени.

Большая часть сельского духовенства, особенно церковнослужители, по своему культурному уровню, образу жизни и представлению о мире — типичные представители традиционного общества. Они были гораздо более близки крестьянству, в среде которого существовали, чем городскому «образованному обществу». Наоборот, среди городских священнослужителей преобладали люди с семинарским образованием, которое после реформ 1860-х годов было унифицировано с программами светских гимназий, и давало право поступления в университет. Многие из них читали книги и журналы на иностранных языках и имели широкий круг интересов — от медицины до истории и краеведения.

Если сравнить те идеалы и те задачи, которые ставили перед собой идеологи интеллигенции и духовенства, то, на первый взгляд, заметно определенное сходство. Внешне идеал священнослужителя во многом совпадал с идеалом интеллигента. Так, в некрологе священника церкви с. Медянское Иоанна Гуляева, написанном священником Г. Посохиным, об умершем говорится: «осуществлял в своей жизни высокий евангельский принцип христианского милосердия и любви к ближнему, нередко уделяя из своих средств пособие бедным», «почти все время своего служения покойный был законоучителем и заведующим школами и на этом поприще принес немалую пользу темному крестьянскому люду»⁴. Подобное подчеркивание приоритета общественного блага перед личными интересами, труда во имя «несчастных и страждущих», «непросвещенного, темного люда» характерна для всех документов (некрологов, поздравлений, обращений и т.д.), рисующих образец интеллигента.

Казалось бы, и у интеллигенции и у священнослужителей в России была одна цель: просвещение «темного» и суеверного народа. Однако у первых оно воспринималось в духе идей французских философов-просветителей XVIII века с характерной антиклерикальной направленностью, а у вторых — как духовное просвещение, распространение в народе истинной веры и благочестия. Поэтому несмотря на значительное сходство в формах деятельности

«миссионеров культуры» и миссионеров православия, они не только не тождественны, но и прямо противостоят друг другу. Подтверждением этого могут служить многочисленные публикации в либеральной прессе, выставляющие священнослужителей полуграмотными, жадными и аморальными людьми, обманывающими бедный народ, вытягивающими у него последнюю копейку. В ответных публикациях в официальных и епархиальных изданиях либеральные журналы (а также их читатели и почитатели), в свою очередь, обвиняются в растлении народа, подрыве традиционных ценностей и основ государственности, лживости, беспринципности и т.д.⁵

Как служащие Ведомства Православного Вероисповедания, священнослужители должны были играть роль чиновников, винтиков механизма государственной машины Российской империи. Такая роль противоречила представлениям об идеале интеллигента, служащего народу, а не правительству. Согласно представлениям русской интеллигенции власть — это жестокая и консервативная сила, использующая отсталость массы против прогресса и интеллигенции, а достижения прогресса (модернизации) — против массы. Поэтому, несмотря на то, что значительная часть интеллигенции в пореформенной России вышла из духовного сословия, имела во многом сходный с ним менталитет, отношение ее к духовенству в целом было скорее негативным. Духовенство отвечало ей тем же. «Дело наших новаторов и передовиков мутить воду и сбивать с толку неопытную молодежь, охлаждая и вытравляя из сердца ее самые лучшие стремления и желания, и особенно веру в Бога и любовь к Отечеству» — такого рода характеристиками обычно награждали интеллигенцию публицисты из церковной среды⁶.

¹ Грамши А. Искусство и политика. — М., 1991. — Т.1. — С. 169 — 170.

² Змеев М.В. Антибуржуазные черты менталитета русской интеллигенции рубежа XIX — XX веков (на материалах Пермской губернии) // Тезисы межрегиональной научно-практической конференции «Предпринимательство Прикамья: история и современность». — Пермь, 2002. — С. 70.

³ Лейбович О.Л. Русская интеллигенция: конец истории? // Ученые записки гуманитарного факультета ПГТУ. — Пермь, 2000. — Вып. 1. — С. 144.

⁴ Посохин Г. Священник Медянской Николаевской церкви, Иоанн Иоаннович Гуляев. (Некролог) // Пермские епархиальные ведомости. — 1907. — Январь. — С. 24 — 25 / ГАПО. Ф. печ. изд. № 17084.

⁵ Диякон В. Попов Отношение светской печати к религии и духовенству // Пермские епархиальные ведомости. — 1882. — 27 января. — С. 33 — 37 / ГАПО. Ф. печ. изд. № 18769.

⁶ Русские монастыри и их значение. — Пермь, 1906. — С. 3 / ГАПО. Ф. печ. изд. № 565.

К. В. Юхневич
Пермь

Правые интеллектуалы: между политикой и профессионализмом

Русская правая мысль рубежа XIX – XX веков не была богата интеллектуальными дарованиями. Однако именно из ее рядов вышли публицисты, не только критиковавшие политику Витте, но и придавшие теме денег философское измерение. Речь идет о текстах Николая Шарапова (Талицкого) и Сергея Шипова.

Основная заслуга Шипова и Шарапова перед правым движением — интеллектуальная: они попытались «связать славянофильское учение с данными экономической науки»¹.

Несмотря на то, что оба автора придерживались общих праворадикальных воззрений на политический строй, в чисто экономических вопросах они иногда стояли по разные стороны баррикад. Особенно яростно оба спорили на тему, какой должна быть русская валюта: металлическая или бумажная. Николай Шипов был ярким приверженцем металлических денег «с принудительным курсом»². По его мнению, бумажные деньги ведут к постоянным колебаниям и неизменному падению, удешевлению национальной валюты, а это прямой путь к обеднению государства. Опасность таится в «...особенностях человеческой души... которое побуждает поменьше со своей стороны дать и побольше взамен получить... При бумажных деньгах правительство довольно, найдя способ расплачиваться дешевыми деньгами, а население довольно, получая видимо больше...»³. Экономист настаивал, что вред не в самих бумажных деньгах, а в выпуске ничем необеспеченных билетов. Вызванная инфляция приводит к оживлению в экономике, но в дальнейшем грозит кризисом. Денег должно быть мало. В этом смысле Шипов убежденный монетарист.

Сергей Шарапов, напротив, за бумажный рубль. Однако в его понимании — это не эквивалент и не суррогат золота. Эта денежная единица, которая «... должна представлять некоторую постоянную, совершенно отвлеченную меру ценностей»⁴. При этом Шарапов резко критикует всю западную финансовую науку. Он вообще сомневается в ее существовании. Она, по его мнению, искусственно связывает деньги и золото или другой металл. Металл — это просто товар, а бумажные деньги «независимая, абсолютная, абстрактная» ценность — мерило. В пример автор приводил финансовую систему России до введения золотого рубля в 1895 – 1897 годах, когда национальная валюта была фактически двух видов: русский серебряный рубль и кредитные билеты. Эти билеты (теоретически) — равны по цене серебряным монетам, т. е. служат эквивалентным заменителем. Однако государство не было в состоянии обменять билет серебром по курсу 1:1, поэтому цена серебряного рубля была выше, чем бумажного. Но серебряных денег мало — жители страны, как и «заезжие купцы», примирились с

такой системой, пользовались «двойными» деньгами. «... мы уже имеем в бумажном рубле ценовую единицу, совершенно отделившуюся от металлической своей валюты и ставшую абсолютными деньгами. Мы сжились с ним..., и нам остается их открыто признать и провозгласить»⁵. Поэтому Шипов считал, что государство должно ввести «абстрактный» рубль и силою своего авторитета и мощи поддерживать его курс. «Внутренняя стоимость, покупательная сила бумажного рубля основывается на нравственном начале всенародного доверия к единой, сильной и свободной верховной власти...» Бумажный рубль — показатель доверия народа самодержавию. А если такие деньги котируются внутри страны, то и иностранцы вынуждены будут смириться и играть по «нашим» правилам. Основная новация Шипова в том, чтобы «конвертировать» высокий статус русской имперской власти в экономическую плоскость.

Вместе с тем Шипов и Шарапов, как консерваторы, были едины в понимании целей русской финансовой политики. Шарапов твердым золотым рублем, а Шипов абстрактно-доверительной бумажкой хотели защитить национальную экономику от «вредного влияния мировой биржи». Говоря современным языком, экономисты-консерваторы видели главную опасность в глобализации мирового экономического пространства. В этом процессе оба мыслителя единодушно узрели проявление всеобщего «жидомасонского заговора». Даже чисто экономическую тематику авторы использовали для доказательства своих политических взглядов. Шипов и Шарапов часто противостоят друг другу, как экономисты, но едины в своем консерватизме.

Для нас рассмотрение данного примера важно в контексте общего понимания места интеллектуала в политической борьбе и его отношениях с властью.

В трудах консерваторов-экономистов просматривается примат идеологии. Применяемые и используемые ими знания служат вспомогательным материалом, аргументом второго порядка для уже готовой идейной конструкции. Ее истинность не подлежит ни сомнению, ни обсуждению. В этом смысле Шипов и Шарапов принадлежали к тому же типу, что и новая советская партийная интеллигенция, способная мобилизовать чуждый теоретический материал для защиты установленного идейного порядка.

¹ Талицкий (Шарапов). Бумажный рубль (его теория и практика). — СПб., 1895. — С. 3.

² Шипов Власть самодержавного царя как основа финансового благополучия России. — СПб., 1913. — С. 18

³ Шипов Власть самодержавного царя как основа финансового благополучия России. — СПб., 1913. — С. 26

⁴ Талицкий (Шарапов). Бумажный рубль (его теория и практика). — СПб., 1895. — С. 20.

⁵ Талицкий (Шарапов). Бумажный рубль (его теория и практика). — СПб., 1895. — С. 23.

В. В. Шабалин
Пермь

Пермские студенты-троцкисты в левой оппозиции

После Гражданской войны перед советским правительством остро встала проблема создания слоя врачей, учителей и других специалистов, лояльных власти. Поскольку в стране было официально закреплено социальное неравенство, студентов вузов отбирали по классовому принципу. Вход в институты и университеты был закрыт или ограничен для лиц непролетарского происхождения. Все 1920-е годы дети кулаков, нэпманов, священников и других пораженных в правах групп населения, пытались прорваться через социальные фильтры и получить высшее образование. Власти, со своей стороны, старались не допустить подобного проникновения, выявляли и исключали прорвавшихся. Однако это была не единственная головная боль вузовского и партийного начальства. Другой проблемой стали те, кого с политической и классовой точки зрения можно было называть «своими» — это студенты с левокоммунистическими взглядами.

Молодежь всегда острее реагирует на несоответствие между жизнью и декларациями, тем более если эта молодежь успела понюхать порох, поучаствовать в руководящей работе и имеет авторитетного «взрослого» лидера. Молодежь в эти годы слушала речи Л. Д. Троцкого или Г. Е. Зиновьева, читала их статьи и принимала их идеи мировой революции, внутрипартийной демократии, индустриального развития и т.д. В соответствии с выбором молодые люди делились на троцкистов и зиновьевцев. Подобное деление было характерно не только для столиц: Москвы и Ленинграда. Например, в Свердловске — центре уральской области — в 1927 году, по подсчетам партийных органов, в двух вузах УСКУ и УПИ учились 39 троцкистов и последователей Зиновьева, причем последних было больше. В другом уральском городе — Перми — в государственном университете в тоже время обучались 6 троцкистов. Ситуация в пермском университете интересна как пример того, как существовала оппозиция в провинциальном вузе. Остановимся на ней подробнее.

Все пермские студенты-троцкисты учились на медицинском факультете, а 5 из них состояли в одной партийной ячейке. Оппозиционеры на медицинском факультете были уже в 1923 году, когда факультет еще был мединститутом и базировался в Екатеринбурге. Два активных последователя Троцкого — студенты-медики П. К. Денисов и И. А. Барышников — пропагандировали взгляды левых и даже ездили для этого на рабочее собрание Верх-Исетского завода. Весной 1924 года под их влиянием партсобрание института приняло «троцкистскую резолюцию». На собрании,

правда, было всего 6 или 8 человек, и осенью резолюция была отменена.

В 1924 году институт был переведен в Пермь. Денисов проучился здесь недолго — через год перевелся в ветеринарный институт в Казань. Однокурсникам он, однако, успел запомниться тем, что ходил везде с только что вышедшей книгой Троцкого «Уроки Октября» и «пропагандировал ее среди студентов». Оставшийся в Перми Барышников стал более замкнутым и свои взгляды открыто не пропагандировал. Лишь осенью 1927 года, когда накал внутрипартийной борьбы достиг своего пика, он на партсобрании воздержался при голосовании за исключение Троцкого из ВКП(б).

На смену друзьям-оппозиционерам Денисову и Барышникову пришли другие студенты, так же связанные, если не дружескими, то, как минимум, товарищескими связями. Прежде всего нужно отметить молодых людей, группировавшихся вокруг 21-летнего П. Т. Гусарова.

Если бы Гусаров вел себя «правильно», он мог бы сделать хорошую карьеру. Для этого у него были все данные: рабочее происхождение, членство в комсомоле и партии. При этом он входил в бюро райкома комсомола и одновременно в руководящие партийные и комсомольские органы университета, в частности, возглавлял партийную ячейку факультета. Кроме того, он читал политическую литературу, не многие тогда могли этим похвастаться, и был редактором газеты «Медико-Урал». Молодой перспективный активист. Однако он выбрал другой путь, приняв взгляды оппозиции. По его собственному признанию, на него произвели впечатление знаменитые слова Троцкого о том, что молодежь это «барометр партии». Гусарову, как и другим молодым троцкистам, видимо, импонировала мысль о том, что на них лежит ответственность за судьбу революции, в которой они не участвовали из-за того, что были слишком молоды.

Осенью 1927 года для Гусарова пришло время активных действий, но в отличие от Барышникова, он не был одинок. У него был свой круг общения — соседи по общежитию, где он проживал во время учебы. Среди них выделялся Н. Л. Гордеев — приятель, с которым они особенно сходились во взглядах. На осенних собраниях они держались вместе. Сначала проголосовали против исключения Троцкого из партии, а позже, во время ноябрьской партийной дискуссии, выступали с защитой оппозиционной программы. Гусаров требовал отдельного доклада, а Гордеев выступил по крестьянскому вопросу.

На тех же собраниях выступали еще два товарища — И. А. Митяшин и С. А. Плотников, тоже, кстати, соседи по общежитию. Они были старше Гусарова и Гордеева, обоим было за тридцать, оба участвовали в событиях Гражданской войны. Плотников был лидером в этом союзе и более активно защищал и пропагандировал свои взгляды (чему способствовало то, что он был руководителем кружка

по изучению ленинизма). Во время партдискуссии он выступал по крестьянскому вопросу, заявив, что ЦК ВКП(б) — «эс-эровское». Митяшин защищал свои взгляды менее активно, известно, что он воздержался при голосовании по исключению Троцкого.

Как ни странно, обе группы студентов, хотя и были знакомы друг с другом и сталкивались по учебе, более тесных связей не имели. Об этом свидетельствовали их однокурсники, в 1937 году допрошенные по делу Гусарова. Даже следователи НКВД не стали конструировать никаких «контрреволюционных троцкистских организаций», хотя собранный ими материал сам на это просился. И срок Гусаров получил очень умеренный: на 1 год был отдан под гласный надзор по месту жительства.

Последней из зафиксированных на факультете оппозиционеров была М. Н. Ямпольская. Она голосовала против исключения из партии Троцкого. Никаких подробностей мы о ней не знаем, кроме официальных данных, из которых, пожалуй, самое интересное — это ее партстаж, начавшийся в 1914 году. В 1928 или 1929 году она перевелась в другой вуз в Москву, а до этого всячески избегала собраний.

Схожую тактику выбрали и другие студенты-оппозиционеры. Чтобы остаться в партии, им пришлось признать свои выступления ошибочными. В партийных документах эти выступления были названы «нечетко сформулированными и не искренними». Видимо, это действительно было так, поскольку все троцкисты после партийной дискуссии уклонялись от выступлений по принципиальным вопросам.

Что в сложившихся условиях предпринимали партийные органы? На медфаке за всеми, кто проявил себя во время дискуссии как оппозиционер, было установлено наблюдение со стороны «наиболее выдержанных товарищей». А в 1929 году прошла широкомасштабная чистка партии, одной из целей которой было выявление оставшихся оппозиционно настроенных партийцев. В результате чистки Плотников и Гусаров были исключены из партии, их ответы не удовлетворили комиссию. Гусаров, например, в условиях начавшейся индустриализации, пытался сформулировать точку зрения, которая помогла бы ему примирить официальную идеологию и троцкистские идеи: «Партия говорит, что социализм строили и построим, если не будет интервенции, а Троцкий говорит, что без поддержки западного пролетариата не построим, если будет мировая революция... Я понимаю так: если не будет интервенции, значит, построим. Я понимаю, что не будет интервенции потому, что поддержит западный пролетариат». Вместо саморазоблачения Гусаров пытался объяснить свою позицию. Это комиссию по чистке не интересовало.

Надо сказать, что чистка поставила троцкистов в ситуацию выбора. Те, кто хотел остаться в партии, должны были доказать, что порвали с оппозицией. Так, во время чистки с критикой Гусарова

выступили его товарищи-троцкисты. Возможно, они обо всем договорились заранее, но для окружающих это выглядело как поражение оппозиционеров.

После исключения Гусарова из партии его необходимо было исключить из комсомола, однако этого не произошло. Решение должно было принять общее собрание комсомольской ячейки медфака, на котором присутствовало около ста человек. Выступая в прениях, Гусаров и присоединившийся к нему Плотников сумели, как сказано в документе, «повернуть собрание на свою сторону». Решение бюро комсомола об исключении Гусарова было провалено. В целом это ничего не меняло, но показывало, на чьей стороне оказывались симпатии молодежи, оказавшейся без строгого надзора и еще не до конца запуганной репрессиями.

К 1930 году проблема левой оппозиции в вузах была снята. Ее сторонники в университетах оставались, но они вынуждены были скрывать свои взгляды и уже не представляли собой организованной силы. Отдельные выступления не меняли положения вещей и не угрожали власти. Был сделан еще один шаг к формированию лояльной власти интеллигенции.

Н. Г. Шелепенькин
Пермь

Русский философ с «философского парохода» (И. А. Ильин)

В конце августа и на протяжении сентября 1922 года из Москвы, Петрограда и других городов Советской России по постановлению ГПУ была выслана за рубеж значительная группа российской интеллигенции, которая не могла найти общий язык с представителями Советской власти. Газета «Правда» в своей передовице под заголовком «Первое предостережение» писала о причинах этой репрессивной акции, заостряя внимание на том, что Советская власть «существует скоро 5 лет» и «пользуется доверием и поддержкой» трудящихся масс России, а «определенные слои буржуазной интеллигенции» так и не примирились с большевиками, «не оставили своих надежд на контрреволюционный переворот, и все время вели более или менее тайную или более или менее открытую борьбу за возвращение буржуазного режима». С учетом событий, происходивших в России в течение этих пяти лет, и, особенно, массового голода в стране, высылка двух сотен представителей, «классово чуждых» строителям новой жизни, была уже далеко не экстраординарной мерой.

Анализируя причины этой репрессивной акции, М.Г. Главацкий отметил, что «лидеры большевиков прекрасно понимали, что обвиняемые не совершали каких-либо контрреволюционных действий. Их наказывали за убеждения, т.е. остракизму подвергались люди мысли»¹. В то же время, в передовице «Правды» приводились иные доказательства вины изгнанников, что-де в годы гражданской войны эти люди устремлялись в эмиграцию или «помогали возникавшим тогда подпольным белогвардейским организациям, или всеми другими способами старались вредить Советской власти». Они «вредили» в литературе, кооперации, высшей школе и других жизненно важных сферах общества. При этом «все эти группы находились в тесной связи с нашей белогвардейской эмиграцией, получающей деньги от враждебных нам буржуазных правительств, и всячески дискредитировали все наступления Советской власти на международную арену»².

Конечно, далеко не все пассажиры «философского парохода» находились в контакте с центрами белой эмиграции, не все были причастны к подпольной борьбе с большевистским режимом, но среди них были и другие, вроде Ивана Александровича Ильина. В мае 1918 года И. А. Ильин защитил диссертацию на тему «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека», в результате ему присудили две степени — магистра и доктора государственных наук. Диссертация была опубликована в виде двухтомника. Его издатель Г. А. Леман-Абрикосов в своих воспоминаниях писал по этому поводу:

«Его работа — труд необычайной глубины, сложности, и мало кому доступен по своей отвлеченности. Но зато он сразу поставил Ильина высоко во мнении русского общества, дававшему ему прозвище «гегельянца», что, впрочем, не следует понимать как сторонник учения Гегеля, а именно только автор работы о Гегеле. Ильин сразу показал себя человеком сильного характера, резким, крайне нетерпимым пуритански настроенным и вообще савонароловского склада»³.

Революция 1917 года радикально изменила судьбу И. А. Ильина: правовед, государственный, апеллирующий к общественному мнению с позиций нравственности и религиозного правосознания, вынужден был скрупулезно и мучительно анализировать обстановку в стране после крушения монархии. К большевистскому перевороту в октябре 1917 года он отнесся крайне отрицательно. Это нашло отражение в текстах его выступлений тех дней. Очевидно, что переход к делам реального сопротивления большевистскому режиму, не прошел незамечным для органов ЧК-ОГПУ. Начались слежки и засады, аресты и обыски, тюремная камера и допросы, следствие и суд, оправдательный приговор и новый арест. В начале сентября 1922 года И. А. Ильин был арестован органами ГПУ в последний раз. На вопрос следователя о взглядах на структуру Советской власти и систему пролетарского государства последовал дипломатичный ответ философа: «Считаю Советскую власть исторически неизбежным оформлением великого общественно-духовного недуга, назревавшего в России в течение нескольких сотен лет»⁴.

В конце сентября 1922 года И. А. Ильин со своей женой навсегда покинул Россию. Обосновавшись в Германии, он вошел в активную политическую жизнь русской эмиграции, которая довольно настороженно приняла новых изгнанников из Советской России. Придерживаясь консервативных монархических взглядов, И. А. Ильин не случайно оказался в самом эпицентре белого сопротивления большевистскому режиму. В 1923 году он составил «Записку о политическом положении», адресованную П. Н. Врангелю. В сопроводительном письме А. А. фон Лампе, генерал-майор Генштаба Русской Армии, высоко оценил «белизну» И. А. Ильина, «сохраненную в чистом виде во время пятилетнего сидения в Совдепии». Кроме этого, он еще и «выдающийся человек по его индивидуальности, энергии и даже осведомленности»⁵.

В «Записке...» на одиннадцати листах анализировалось политическое положение России. Интерес к русской революции еще не угас, и И. А. Ильин пункт за пунктом излагал свое понимание произошедшего: «Современная революция есть не только продукт интеллигентской беспочвенности и не только коллективное преступление революционных партий». Революция «имеет свои исторические, органические корни в жизни масс». Как и во времена Смуты, Разинщины и Пугачевщины «это есть бунт крестьянской массы против государственного и хозяйственного тягла». Револю-

ция — это «движение против крепостного уклада, формально отмененного Александром II, но пережившего свою отмену в атмосфере крестьянского неравноправия и неравноземлевладения»⁶.

В первые годы эмиграции И. А. Ильин работает в Русском Научном Институте. В это же время он написал свою знаменитую работу «О сопротивлении злу силою», в предисловии к которой он с любовью обращается к «белым воинам» — «носителям православного меча» и «добровольцам русского государственного тягла». Полемика по поводу вышедшей в 1925 году в Берлине данной книги не исчерпана до сих пор. И. А. Ильин поставил задачу, что нужно раз и навсегда «отрешиться от той постановки вопроса, которую с такой слепой настойчивостью вдвигали и постепенно вдвинули в философски неискушенные души — граф Л. Н. Толстой, его сподвижники и ученики». И. А. Ильин считал, что толстовское учение узаконивало слабость, возвеличивало эгоцентризм, потакало безволию, устраняло общественные и гражданские обязанности, но «что гораздо больше, трагическое бремя мироздания, — должно было иметь успех среди людей, особенно неумных, безвольных, малообразованных и склонных к упрощающему, наивно-идеалистическому мирозерцанию»⁷. По Ильину верующий в Бога человек должен сопротивляться злу силою. После выхода этой работы и выступления И. А. Ильина в 1926 году на Русском Зарубежном Съезде за ним прочно закрепилась репутация идеолога белого движения. Лидеры этого движения не во всем соглашались с И. А. Ильиным, однако сохраняли с ним хорошие отношения до последних дней его жизни.

¹ Главацкий М. Е. «Философский пароход»: год 1922-й. Историографические этюды. — Екатеринбург, 2002. — С. 210.

² Правда. — 1922. — 31 августа.

³ Ильин И. А. Собрание сочинений. В 2 дополнит. т. Т. 1. Дневник. Письма. Документы (1903 — 1938 гг.). — М., 1999. — С. 590.

⁴ Там же. — С. 433.

⁵ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 13. Л. 107.

⁶ Там же. — Л. 112 — 113. Ильин И. А. Указ. выше. — С. 215 — 216.

⁷ Ильин И. А. Сочинения в 2 т. Т. 1. — М., 1993. — С. 305 — 306.

С. А. Шевырин
Пермь

«Щи и Маркс»
(Советская действительность 1930-х годов
в письмах учащейся молодежи города Перми)

В Государственном общественно-политическом архиве Пермской области хранится множество писем, которые в годы репрессий были изъяты при обыске или приложены к делу в качестве вещественного доказательства. Советская действительность на страницах этих писем часто резко отличалась от той, что описывали в советских газетах и книгах. Данная работа основана на письмах из двух дел: уголовного по обвинению в антисоветской пропаганде и агитации студента 5 курса Пермского медицинского института Блюммера Н. И. (1937)¹ и партийного по рассмотрению политически не выдержанного письма студента мотовилихинских подготовительных курсов Некрасова (1931)².

Николай Блюммер в письме к отцу описывает быт своих туберкулезных пациентов — детей. Семья больного ребенка живет в холодной и сырой водоразборной будке № 11 на территории городского парка культуры и отдыха (современный сад им. Горького). «Убогая деревянная кровать или вернее «топчан» закрыт был каким-то ужасно грязным, рваным рубищем, без каких бы то ни было следов белья». На вопрос о питании шестилетний мальчик отвечал: «что он кушает хлеб и чай». Когда же я поинтересовался рыбой, мясом, яйцами, молоком, он ответил: «Рыбку-то и мясо я кушаю. Редко попадает только. А яички-то, так мама летось купила 4 яичка, а мне ни одного не досталось»³. Конечно же, семья эта неблагополучная — мать одна воспитывает 4 детей, старшей из которых 11 лет. При выходе из водоразборной будки Николая Блюммера посетили контрреволюционные мысли: «Я думал, что уж в нашей зажиточной семье нельзя найти, встретить такую нужду. Я думал, что уж все живут весело, зажиточно, радостно»⁴.

К этому времени руководством страны были четко определены задачи идейной переделки и воспитания трудящихся людей в духе социализма⁵ с неизменными рапортами о достижениях, о становящейся все лучше и лучше жизни.

«Урожай хорош мы сняли —

Склады все завалены.

Путь в зажиточную жизнь

Нам указан Сталиным»⁶ — пели, если верить газетам, колхозницы в прикамских селах. Николай увидел совсем иную реальность советской жизни, и эти мысли его о несоответствии агитационных лозунгов о «зажиточности всех семей СССР» были явно истолкованы следователем НКВД как контрреволюционные.

В другом письме Блюммер пересказывает анекдот о профессоре медицины, якобы написавшем монографию «Вопросы морфологии

и анатомии в трудах Маркса — Энгельса — Ленина». Логическим продолжением таких «научных» изысканий Блуммер видит в издании каким-нибудь поваром труда «Вопрос о кулинарии в трудах Маркса — Ленина» или «ЩИ и Маркс», «Ленин о яичнице» (особо жирной линией подчеркнуто следователем)⁷.

Студент Некрасов приехал в Мотовилиху в 1931 году из Свердловска. Студенческое общежитие описывает он как «сплошную развалину... какой-то торчащий в лесу, недостроенный, холодный курятник...»⁸ Письмо адресовано другу коммунисту Мише, потому несколько иная, более свободная тема — тема любви. Некрасов сетует «...ведь теперь, Миша, кажется, самое-то важное в жизни — это сначала социалистическая работа, злосчастная и вдобавок невкусная еда, потом, наконец, ЛЮБОВЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ. ... Без первых трех вещей жить теперь нельзя, а без поцелуев мешанских каждая коммунистка-комсомолка проживет и обойдется»⁹. Далее следует история, которая в 1937 году, скорее всего, была бы названа «диверсией». Одна комсомолка (имя не называется) мечтала строить социализм, на строительство которого «может быть (необходимы) сотни пятилеток»¹⁰, а уж после любви к социализму — будет время на любовь человеческую. Некрасов сумел с помощью самой простой человеческой любви сломать стройную систему взглядов этой комсомолки и дать «заблудившемуся организму в идеалах коммунистических»¹¹ другие идеалы и цели, может быть в чем-то мешанские, но «лучше звезды мешанского идеала, чтобы слышать их счастливый шепот..., не дожидаясь социализма и не ограничивая себя, свои силы для его осуществления...»¹²

Дело Некрасова в 1931 году рассматривала партийная комиссия, дело Блуммера в 1937 году — Особое совещание при НКВД. Некрасову дали выговор, Блуммеру — 5 лет ИТЛ. Не сбылись мечты Блуммера — «Собрать бы вот таких детей (больных и голодных) в один дом и поручить бы мне их воспитать, вырастить, вылечить, выкормить... и я бы знал, что делать. Я был бы очень на месте здесь»¹³.

Мощная агитационно-пропагандистская машина Советского государства должна была сформировать преданного делу партии и революции человека. Особенно кропотливо агитационная работа велась с молодежью, готовой принять революционную и социалистическую романтику. Студенты должны были проникнуться идеями строительства социализма. Указанные письма могут дать некоторое представление о идейности молодежи и глубине воздействия на нее Агитпропа.

Противоречие между плакатным изображением «лучшего в мире государства» и водоразборными будками, где умирают от туберкулеза дети, привело молодого человека к написанию таких строк: «Жить я устал, родной мой Иван Алексеевич и Надя, ужасно устал, мне кажется, будто я уже лет двести живу, триста... К черту, и так надоела вся эта тупая, покорная масса, одинаково довольная случаю попасть

на бесплатный концерт с танцами или же случайной купле особенной любительской колбасы в 3 р. 50 к., толпа, живущая только сегодняшним, толпа без прошлого и без будущего. Я ненавижу ее...»¹⁴ Естественно, что большая часть общества идеологическую обработку воспринимала, не задумываясь, и бойко употребляя шаблоны и слова из советско-партийного лексикона, продолжала жить сегодняшним — «прическа чальстон и такие же брюки, ... умение переставлять ноги под звуки мечтательного танго или эротинского фокстрота»¹⁵ и, конечно же, вовремя сигнализировать о «студенте с чуждым настроением». Так, например «чуждо настроенный» Блюммер дошел до того, что в своей комнате заклеил портрет товарища Сталина портретом Л. Толстого¹⁶.

В случае со студентом Некрасовым речь идет о идеологически обработанном комсомольском слое общества. Прически, танго и прочие «куафюры» здесь презируются, главное — строительство социализма. Безымянная комсомолка рассказывала на собрании Некрасову, как ударила по щеке пытавшегося поцеловать ее комсомольца. Здесь люди живут только будущим, даже если оно наступит через сотни пятилеток.

¹ ГОПАПО, Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12021.

² ГОПАПО, Ф. 58. Оп. 1. Д. 9.

³ ГОПАПО, Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12021. Л. 12.

⁴ Там же. Л. 12 об.

⁵ Кондаков И. В. Введение в историю русской культуры. — М., 1997. — С. 563.

⁶ Звезда. — 1937. — 7 ноября.

⁷ Там же. — Без нумерации.

⁸ Там же. Ф. 58. Оп. 1. Д. 12021. Л. 38, 38 об.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ ГОПАПО, Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12021. Л. 12 об.

¹⁴ Там же. Л. 16.

¹⁵ Там же. Без нумерации.

¹⁶ Там же. Л. 13.

А. С. Кимерлинг
Пермь

Долг литератора в дискурсе поздней сталинской эпохи

В дореволюционную эпоху в России сложился особый этос интеллигенции. Быть интеллигентом, по знаковому определению Иванова-Разумника, это значит не только иметь высокий уровень образованности, но прежде всего быть внутренне свободным, стать критически мыслящей личностью, способной бороться с несправедливостью, просвещать народ и ответить жизнью за свои убеждения. Г. Плеханов презрительно назвал такой подход идеалистическим. Ленин же отказывал российской интеллигенции в праве быть мозгом нации. В сталинской пропаганде советский интеллигент — это просто служащий с высшим образованием, дисциплинированный и лояльный.

В начале 50-х годов березниковский журналист М. Т. Данилкин, член партии и ответственный работник печати, в своих текстах и в своей судьбе воспроизвел нечитанные им требования, некогда сформулированные забытым писателем — народником. Данилкин писал для писателей и о писателях. И первым его читателем должен был стать главный советский писатель Сталин, которому он адресовал свои письма-наставления, письма-проповеди и исповедальную прозу.

В текстах Данилкина можно обнаружить двойственный образ литературной интеллигенции. Он изображает полярный мир литературы. Один полюс — классики русской литературы А. Пушкин, Н. Гоголь, В. Белинский, Д. Писарев, Н. Чернышевский, Л. Толстой, М. Лермонтов. На другом полюсе — современники М. Данилкина, они получают высшее образование, не обладая большим умом, работают редакторами и критиками, лукавят, приспосабливаются, живут не по средствам. Они — фальшивые наследники русской литературной традиции.

Настоящий литератор, по мнению М. Данилкина, всегда талантлив, хотя его талант не всегда признается современниками. Он не ловчит и не пользуется родственными и дружескими связями для улучшения своего благосостояния, не берет взятку. Он постоянно голоден, но не оставляет творческого пути. Он говорит: «Мой удел, моя гражданская обязанность обличать подлость и пошлость современной жизни... к другому писанию душа не лежит»¹. Для того, чтобы написать литературное произведение, ему необходимо продумать, выстрадать, выносить сюжет. Он пишет «кровью сердца». Для него «Правда и художник — одно и то же»². Поэтому его произведения всегда правдивы, они о подлинных радостях, горестях и невзгодах народа. Кроме того, их взгляд устремлен в будущее: «произведение без горячей, честной мечты о будущем — побрякушка, макулатура, которой место только в клозетах»³. А истинный критик

должен «кланяться только ее величеству — истине», даже если за это он может подвергнуться гонениям⁴.

Но такой литератор, по мнению М. Данилкина, в 50-е годы стал редкостью. В литературной среде преобладают приспособленцы, корыстолюбцы, лицемеры, ради денег замалчивающие недостатки действительности и сочиняющие дежурные тексты, говорящие речи, наполненные лестью и идеологическими штампами. Они гордятся своими дипломами, диссертациями, орденами и лауреатством. В своих дневниковых записях М. Данилкин высказывает недоверие к ученым степеням и вузовскому образованию, он даже предлагает ввести какое-нибудь специальное наказание для лиц с университетскими дипломами, но без большого ума⁵.

Эту категорию приспособленцев от литературы Михаил Данилкин отличает уже по внешнему облику: «При встрече с ним возникает такое первое впечатление: солидный товарищ и одет вполне прилично, и шляпу носит, и животик уже успел отрастить, и на щеках его играет румянец, а в глазах нет той угрюминки, которая свойственна наблюдательным беспокойным натурам»⁶.

Встречаясь друг с другом, они за бутылкой водки беседуют об искусстве, а также беззастенчиво сплетничают, «подсчитывают доходы и расходы Константина Симонова, обсасывают любовную интрижку между Б. и В., высказывают желание иметь точно такую же дачу, как и у Н., точно такой же лимузин, как у Ж.»⁷.

Данилкин называет такого интеллигента «Каменным холопом — цивилизованным болваном», который все делает чужими руками, а сам способен лишь на то, чтобы извлекать выгоду из великих имен. Такие люди всего боятся: «и насморка, и критики, и демократии, и правды, и настоящих поэтов, и чужого успеха»⁸.

Писатели, относящиеся к этой категории, пишут по заказу, а не по зову сердца, поэтому им свойственен «каменный, холодный, дистиллированный язык». Им не полагается писать даже о незначительных недостатках советской системы, они боятся реакции Запада. «Правду они считают страшнее топора». Они живут будто в другом мире и очень далеки от народа. Данилкин пишет: «Прикиньте-ка: какой величины дистанция между Симоновым и рядовым рабочим, колхозником?»⁹ Эти литераторы думают только о том, чтобы угодить «соответствующим инстанциям».

Сам М. Т. Данилкин себя интеллигентом не считал и термин интеллигенция не употреблял, знал, что оно дурное, да и образован был не слишком, имел лишь неполное среднее образование. Он причислял себя к большевикам первого призыва. Однако считал обязанностью выявлять недостатки существующего режима, критиковал даже самого вождя. Просвещать народ и открывать ему глаза на возникшие проблемы он также считал совершенно необходимым. Так что образ идеального интеллигента, прорисованный Данилкиным в пьесе «Глазами классиков» и в дневнике «Сокровенные мысли», — это его эталон, пример для подражания.

А реальный новый советский интеллигент — это антигерой, сила, с которой надо бороться. Но она становится в 50-х годы все сильнее, и М. Данилкин чувствует обреченность, поэтому свои письма в ЦК и лично Сталину он называет самоубийством. В 1953 году он был осужден и приговорен по 58-й статье, но убеждениям своим не изменил.

¹ Данилкин М. Т. Глазами классиков // Лейбович О., Кимерлинг А. Письмо товарищу Сталину. — Пермь, 1998. — С. 138.

² Там же. — С. 139.

³ Там же. — С. 148.

⁴ Там же. — С. 142.

⁵ Данилкин М. Т. Сокровенные мысли // ГАДПРПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9925. Т. 3. — С. 38.

⁶ Данилкин М. Т. Глазами классиков // Лейбович О., Кимерлинг А. Письмо товарищу Сталину. — Пермь, 1998. — С. 132.

⁷ Там же. — С. 133.

⁸ Там же. — С. 135.

⁹ Там же. — С. 139.

О. Л. Лейбович
Пермь

К вопросу об упразднении научной автономии в идеологических кампаниях 1940-х годов

В середине сороковых годов сложился компромисс между властью и верхами советской естественнонаучной и технической интеллигенции. Речь шла, в первую очередь, о разграничении компетенций. В обмен на лояльность к советскому режиму правительственные и партийные инстанции предоставили научной элите право заниматься исследованиями на собственный манер. Принцип лояльности распространялся на все сферы общественной жизни. Он предполагал, между прочим, подчинение научных интересов правительственным планам и партийным директивам. Само собой подразумевалось, что все продукты научной деятельности передавались в собственность государства. Кроме того, профессура обязалась овладеть советским партийным языком, проявлять приказанную активность во властных политических манифестациях, мириться с тем, что в ее среде размещались заведомые доносчики и секретные агенты карательных служб. В то же время власть отказалась от избыточного вмешательства в научные споры, не препятствовала сохранению реликтов некогда бывшего научного сообщества, более того, на каком-то этапе способствовала его возобновлению. Статусные позиции ученых формировались в двух пространствах: сугубо государственном и международном. Университетская и академическая профессура стала отдельной составной частью новой номенклатуры со всеми положенными привилегиями: и экономическими, и символическими. Социальный мир сталинской профессуры был выстроен по образцу и подобию номенклатурного мира с его ярко выраженной клановостью, жесткой иерархией чинов и титулов, патерналистскими практиками. Научная организация была точным оттиском организации государственной: иерархической, ведомственной, бюрократической.

В то же время научная элита входила и в международное сообщество. Отечественные ученые публиковали свои труды в престижных европейских и американских журналах. Они поддерживали научные связи с товарищами по цеху из Великобритании и Франции, Дании и США, пользовались методами и техниками, созданными в иностранных центрах и лабораториях и, в свою очередь, через соответствующие инстанции передавали им собственные открытия и находки, в общем, имели возможность для широкого международного научного обмена.

Особенно усилились позиции научной элиты в годы Отечественной войны, когда ее деятельность была признана первостепенной и важнейшей. Секретари областных комитетов по

красным датам рассылали поздравления профессорам в общем списке с директорами оборонных предприятий. Заслуги ученых отмечались премиями и орденами. Более того, профессура получила право не только на литерные карточки, но и на дополнительные, ничем не ограниченные заработки в порядке совместительства, консультирования и даже (для титулованных медиков) на частную практику. Все это позволяет предположить, что верхи научного сообщества отвоевали для себя некое подобие автономного существования. Автономность научной элиты не следует преувеличивать. Она опиралась на полузабытые и полупризнанные традиции, не укорененные в советском государственном и социальном порядке, и целиком и полностью зависела от политических конъюнктур.

После войны, начиная с 1946 года, высшая власть в одностороннем порядке пересматривает условия молчаливого компромисса с верхами научного сообщества. Можно только предполагать, что подвигло Сталина на изменение политики в этом вопросе. Разочарование в практических возможностях отечественной науки? Вновь вспыхнувшее недоверие к старым специалистам? Надежды на опыт и знания немецких ученых? Или речь шла о причинах более общего порядка, связанных с необходимостью нейтрализовать возникшие во властной и хозяйственной системе центробежные тенденции, и (или) надлежащим образом подготовиться к войне с прежними союзниками? Или ученые пали нечаянной жертвой в схватке двух кремлевских кланов, возглавляемых Ждановым и Молотовым? Или имела место комбинация всех этих факторов? Пока нам не удалось найти ответа на эти вопросы. Можно лишь констатировать, что в течение последнего неполного сталинского десятилетия власть ведет последовательное наступление на социальные позиции научной элиты.

В обмен на повышение штатных окладов в вузах и академических учреждениях ей ограничивают возможности для дополнительных заработков, жестко регламентируют и сокращают совместительство, изымают во время денежной реформы скрытые от государства накопления. Преследуют частную практику. Иначе говоря, лишают экономической самостоятельности.

Параллельно с этим власти стараются отнять у научной элиты профессиональную автономию, вторгаясь в те области, которые по установившемуся обычаю относились к компетенции научных, а не политических специалистов.

Речь прежде всего идет об отборе научных парадигм, в которых предпочитали работать ученые-естественники: медики и биологи, химики и физики. В дискуссиях 1948 – 1950 годов, организованных политическими инстанциями высшего порядка, подвергаются запрету и шельмованию основные научные школы. Сами дискуссии принимают вид политических кампаний, в процессе которых авторитетные ученые принуждены заниматься самокритикой,

отказываться от научных традиций, обличать грехи и преступления своих коллег (живых и мертвых), давать обещания освоить новые передовые теории. Кампании сопровождаются изъятием учебников, опустошением библиотек, ломкой учебных планов, работой со студентами, что называется, с листа, пересмотром тематики курсовых и дипломных работ.

Лейтмотивом кампаний является саморазоблачение прежних научных авторитетов в самом прямом и точном смысле этого слова. Лауреаты Сталинских премий, орденосцы, члены академий, авторы учебников объявляют себя научно несостоятельными людьми, всю жизнь занимавшимися распространением пагубных и лживых учений. Их научный багаж пуст. Академический статус сведен к ничтожной величине. По своей умственной слабости и гражданской трусости они не способны даже к сознательному вредительству и шпионажу в пользу империалистических держав.

Все, в чем их обвиняют, это низкопоклонство перед Западом. Люди без чувства собственного и национального достоинства, они готовы отдать свои работы, по счастью никчемные, буржуазным воротилам, в обмен на положительную рецензию в каком-нибудь английском журнальчике.

Самокритика дополнялась критикой. На ученых советах и партийных собраниях старая профессура обязана была высказываться и по адресу своих подвергнутых шельмованию коллег, и вскрывать недостатки товарищей по работе. Это была не первая политическая кампания, которую они пережили. Старая профессура уже выработала механизмы приспособления к власти в критических ситуациях. Безропотно отдавая на расправу своих коллег за поступки, бывшие до этого бесспорными в нравственном и профессиональном отношении, старая интеллигенция собственными руками уничтожала основы своего существования.

В процессе кампаний власть принудительным образом произвела смену научных элит. Направив удар на вершину научного сообщества, она тем самым открывала возможности для социального реванша со стороны его рядовых членов, долгое время находившихся в тени своих знаменитых шефов. Наступало время активных аспирантов, выдвинувшихся на волне патриотической критики и разоблачений.

Было поколеблено и сложившееся клановое равновесие. Некоторые кланы были разгромлены. Другие лишились авторитетных лидеров. Третьи, напротив, усилили свое влияние во властных структурах.

Главным итогом властного наступления можно считать искоренение всяких признаков автономности научного сообщества. В него пришли сотни молодых людей, не имеющих ни достаточного образования, ни стремления к овладению навыками корпоративной культуры. Их положение в науке определялось административными должностями, а также верностью партийной линии в

исследовательских практиках и кадровой политике. Именно эти чиновники от науки определили стиль отношений в университетской и академической среде, принудительно изолированной от международного научного сообщества, в последующие десятилетия.

У старой интеллигенции принудительно изъяли остатки прежней традиции. Без специализированного языка, без хранимых ценностей, без права на индивидуальный и корпоративный поиск научная интеллигенция превратилась в сугубо бюрократическую группу дипломированных служащих. Заметим, однако, что это наступление не было доведено до конца, а на отдельном участке научного фронта вообще не проводилось. Имеется в виду атомный проект, участники которого были ограждены от последствий политической кампании. Сталинская государственная машина по своей конструкции была обречена на сбой.

Л. А. Обухов
Пермь

«Дело» профессоров Ключевой и Роскина» и научная интеллигенция Перми

Обсуждение закрытого письма ЦК ВКП(б) «Дело профессоров Ключевой и Роскина» получило в Перми особый резонанс. Это было связано с тем, что по делу проходил В. В. Парин, академик-секретарь Академии медицинских наук, выпускник 1925 года, а затем преподаватель Пермского университета, декан, профессор и заведующий кафедрой Пермского педагогического института (1931 – 1933). В Перми жил и работал брат Василия Васильевича — Борис Васильевич Парин, выпускник Пермского университета, профессор, заведующий кафедрой медицинского института. Их отец, Василий Николаевич Парин, с 1921 года заведующий кафедрой сначала в университете, а затем в медицинском институте, заложивший основы формирования медицинских школ в городе, скончался в феврале 1947 года¹. Парины играли заметную роль в научной и общественной жизни города.

В начале 30-х годов молодой ученый В. В. Парин внес свою лепту в борьбу с «реакционной» профессурой в Перми. В конце 1931 года Уралобком ВКП(б) принял постановление о работе Пермского университета и пединститута, в котором заявлялось, что «руководство университета и пединститута ... научные работники-коммунисты сползли с научно-классовых позиций, дав возможность группе реакционной профессуры перейти в наступление на генеральную линию партии и советской власти»². После выхода постановления в Перми началась кампания против старой профессуры, чистка вузов. Группа молодых ученых, назвавших себя «Бригадой ударников печати по пересмотру программ биоотделения», в числе которых были В. В. Парин и А. И. Букирев, в газете «Звезда» выступили против «гнилого либерализма, право-левацкой практики и теории». Авторы статьи обвиняли преподавателей предметов биологического цикла в том, что те проявляют полную беспомощность в овладении методом марксизма-ленинизма в преподавании курсов анатомии растений и петрографии. Особенно жесткой критике подвергся в статье профессор В. Н. Беклемишев, программа которого по зоологии беспозвоночных и позвоночных животных была названа «ширмой для пропаганды реакционной идеологии». В. Н. Беклемишев обвинялся в игнорировании дарвинизма, в заявлении, что «природа не подтвердила Дарвина», проповедовании виталистских идей, некритическом отношении к буржуазной литературе. Авторы статьи требовали «положить конец пропаганде реакционной идеологии»³. В результате этой кампании ряд профессоров, в том числе и В. Н. Беклемишев, покинули Пермь.

Б. В. Парин в конце 1937 – 1938 годов проходил в качестве свидетеля по делу Битовта М. В., заведующего кафедрой физики в

мединституте. М. В. Битовт был арестован в декабре 1937 года и обвинен в том, что по заданию директора бактериологического института, профессора мединститута Г. П. Розенгольца, должен был в случае войны заразить инфекционными бактериями продукты Пермской дивизии и вывести ее из строя. Давая показания в качестве свидетеля, заместитель директора мединститута Б. В. Парин вел себя вполне достойно. Так, он заявил, что М. В. Битовт непосредственного отношения к бактериям не имел, следовательно, не мог их получить и заразить продукты. Кроме того, Борис Васильевич отметил, что никаких антисоветских высказываний со стороны М. В. Битовта не замечалось. Вероятно, показания Б. В. Парина сыграли определенную роль в том, что в декабре 1938 года дело было прекращено за недоказанностью и отсутствием состава преступления⁴.

Репрессии 30-х годов, к счастью, миновали семью Париных, но в послевоенные годы каток карательных органов прошелся и по ним, причем Парины испытали не только физические, но и тяжелейшие моральные страдания.

В марте 1946 года супруги Н. Г. Ключева и Г. И. Роскин заявили, что им удалось получить противораковый (противосаркомный) препарат. Это было воспринято как сенсация, охарактеризовано как «выдающееся открытие советской науки». Министерство здравоохранения СССР высказалось за сотрудничество с американскими учеными. По решению секретариата ЦК ВКП(б) в США был командирован В. В. Парин, которому Н. Г. Ключева и Г. И. Роскин передали рукопись своей книги и ампулы круцина (КР) — антиракового препарата. В. В. Парин в октябре 1946 года без официального разрешения передал американской стороне рукопись книги и ампулы препарата⁵. Однако, с середины 1946 года политика сотрудничества со странами Запада начинает меняться. Сталин выразил опасения в прозападных настроениях в интеллигентской среде. В августе 1946 года начинается идеологическая кампания против «низкопоклонства» перед Западом, борьба с космополитизмом, шпиономания. «Дело» Ключевой и Роскина было использовано как наглядная иллюстрация «антипатриотических, антигосударственных и антиобщественных поступков» в среде научной интеллигенции. «Суд чести» при министерстве здравоохранения устроил показательное разбирательство «дела профессоров Ключевой и Роскина». В средствах массовой информации была развернута пропагандистская кампания в связи с этим «делом». 16 июля ЦК ВКП(б) принял закрытое письмо, обсуждение которого в партийных организациях вылилось в осуждение «низкопоклонства», с призывами строго хранить государственную тайну, повысить бдительность.

Наиболее пострадавшим в этом деле оказался Василий Васильевич Парин. Если Н. Г. Ключева и Г. И. Роскин были публично осуждены, и «дело» ограничилось «общественным осуждением», то В. В. Парин вскоре после возвращения из США был обвинен в шпионаже и арестован. Василий Васильевич успел отдать последнюю

дань уважения отцу, похороны которого состоялись 13 февраля в Перми, а 18 февраля последовал арест. 8 апреля 1948 года решением Особого Совещания по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 15 ноября 1943 года «Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну» В. В. Парин был приговорен к 10 годам лишения свободы⁶.

Закрытое письмо поступило в Молотовский обком партии 23 июля, а 25 июля оно было разослано всем горкомам, райкомам, секретарям первичных парторганизаций вузов и научно-исследовательского института⁷.

Ознакомление с письмом и приложенными к нему материалами производилось путем чтения, а в вузах и в институте эпидемиологии после чтения проводилось обсуждение. Однако время для обсуждения письма в вузах оказалось явно не удачным, поскольку основная масса преподавателей и студентов находились в отпусках и на каникулах. Так, в парторганизации медицинского института из 180 коммунистов, вместе с вызванными из отпуска, в городе оказалось только 28 человек. В стоматологическом институте из 38 коммунистов — 11 человек. Подобное положение было и в других вузах города, поэтому в вузах обсуждение прошло в форме беседы⁸. Полноценное обсуждение на закрытом партийном собрании в конце июля состоялось лишь в научно-исследовательском институте эпидемиологии и микробиологии. Тон в обсуждении задала директор института, назвав поступок Ключевой и Роскина «возмутительным». «Такие поступки недостойны всякого советского человека, тем более ученых, о которых так много заботится советское правительство». Упомянув о том, что «американский шпион Парин» является воспитанником университета, «что для нас особенно неприятно», она договорилась до того, что «вся семья Париных не внушает политического доверия, и она готова подтвердить это в ближайшие дни письменным заявлением»⁹.

По иному прошло первоначальное ознакомление с закрытым письмом в Молотовском государственном университете. Коммунисты университета, а их присутствовало 21 человек, повели себя более сдержанно. Вероятно, сказалась позиция ректора А. И. Букирева, который хорошо знал семью Париных, а также то, что в университете работал А. М. Марко, тесть В. В. Парина. На собрании было просто зачитано письмо, речь общественного обвинителя и решение суда чести. После этого было задано несколько несущественных вопросов, и на этом все обсуждение и завершилось. Каких-либо высказываний по существу письма не прозвучало. Подобный ход обсуждения не устроил представителя обкома партии, присутствовавшей на собрании. Она провела отдельное совещание, на котором были зам. секретаря партбюро Полыгалова (секретарь был в отпуске), ректор университета А. И. Букирев и научный работник А. К. Шарц, и высказала недовольство подобной организацией ознакомления с письмом, указала на необходимость более тщательной подготовки к закрытому партийному собранию. А. И. Букирев, «резко осудив»,

как и положено, поступок профессоров Ключевой и Роскина, предложил основное внимание уделить вопросу «преклонения перед наукой Запада». Причем он отметил, что «преклонение» имеет место не только на местах, но и в центре. В качестве примера была приведена «Большая советская энциклопедия». А. И. Букирев обещал к партийному собранию просмотреть ряд материалов, чтобы подкрепить высказанное фактами. А. К. Шарц заявил, что он «посвятит свое выступление на партсобрании вопросу о том, какие изобретения были сделаны на Урале, о которых многие сейчас не знают»¹⁰.

После окончания периода отпусков и каникул в вузах города с 4 по 12 сентября были проведены партийные собрания по обсуждению закрытого письма ЦК ВКП(б) в парторганизациях университета, медицинского, сельскохозяйственного, стоматологического, фармацевтического и педагогического институтов. Особенно бурно обсуждение письма проходило в мединституте, что объяснялось тем, что В. В. Парин в свое время работал в нем, а его брат Б. В. Парин на тот момент руководил хирургической клиникой. Собрание продолжалось два вечера 11 – 12 сентября, на нем присутствовало 130 членов и кандидатов ВКП(б). После зачитания письма и материалов к нему выступило 15 человек из числа профессорско-преподавательского состава и студентов. Все выступавшие «с чувством глубокого возмущения осуждали антигосударственные и антипартийные поступки Ключевой и Роскина, клеймили позором измену Родине со стороны шпиона Парина»¹¹. Ораторы «вскрывали факты низкопоклонства и преклонения перед буржуазной медицинской наукой». Один из выступивших обвинил в «низкопоклонстве» и Б. В. Парина за то, что в своем недавнем выступлении он «хвастался тем, что его работы известны в Америке»¹².

Профессор Б. В. Парин вынужден был выступать дважды. Первое выступление не удовлетворило собравшихся, поскольку большая часть его была посвящена осуждению преклонения перед западной культурой. Только в конце своей речи он произнес слова, которые от него ждало партийное собрание: «У меня был старший брат Василий Парин, с которым я прожил вместе первые 25 лет своей жизни и который не оправдал доверия партии и правительства, допустил преступные деяния, за которые по заслугам был квалифицирован как американский шпион. Не нахожу соответствующих слов, чтобы выразить свое чувство глубокого возмущения и негодования предательским поведением Василия Парина. Шпион не может быть моим братом. Я считаю своим долгом здесь, на партийном собрании, заявить, что у меня нет больше брата»¹³. Можно только предполагать, что стоили Б. В. Парину эти слова, которые читать тяжело, а он вынужден был произнести их публично. Но даже такое покаяние участникам собрания — профессорам, научным работникам, студентам — показалось недостаточным. Один из профессоров по поводу выступления Б. В. Парина сказал: «Хорошо, что он заклеймил предательство брата, указал, что он ему не брат теперь. Но я думаю, что профессор Парин Б.В. должен был глубоко проанализировать

все встречи, которые он имел со своим братом, вдуматься в них, обсудить как следует и сделать отсюда полные выводы»¹⁴. Удивительная жестокость, бесчеловечность представителей интеллигенции, устроивших публичную моральную пытку своему коллеге.

На следующий день Борис Васильевич вынужден был выступить еще раз. Он признал «неудачу» своего первого выступления, объяснив ее тем, что «только вчера узнал из письма ЦК ВКП(б) всю гнусную глубину преступления моего бывшего брата, оказавшегося американским шпионом. Я был настолько подавлен и потрясен, что не мог собраться со своими мыслями». В заключении Б. В. Парин заявил: «Я полностью осознал всю глубину морального падения моего бывшего брата, продавшегося американцам и изменившего своей Родине, преступная деятельность которого вызывает у меня омерзение и негодование»¹⁵. После выступления Б. В. Парину был задан вопрос: «Почему Б. В. Парин после ареста брата продолжает материально помогать его семье?» В ответ Борис Васильевич сказал, что помогал детям «бывшего брата» из родственных чувств. Но и после таких покаянных выступлений некоторые из членов парторганизации не были удовлетворены, считая, что Б. В. Парин «еще не все рассказал собранию»¹⁶.

8 и 9 сентября состоялось собрание партийного актива города Молотова с вопросом: «Очередные задачи городской партийной организации в области идеологической работы», на котором присутствовало 630 человек. В основу доклада было положено закрытое письмо ЦК ВКП(б). В докладе секретаря обкома и выступлениях в прениях «были подвергнуты критике факты раболепия и низкопоклонства перед заграницей, имеющие место среди некоторой части интеллигенции г. Молотова»¹⁷. В докладе «за необоснованное восхищение постановкой научных исследований за границей, мнимым богатством их оборудования» подвергнут критике лауреат Сталинской премии профессор стоматологического института А. В. Пшеничнов. За «раболепие перед западноевропейской медицинской наукой» в очередной раз досталось профессору мединститута М. М. Левашеву¹⁸.

На собрании актива прозвучали и сдержанные выступления ректора университета А. И. Букирева и редактора областной газеты «Звезда» Б. Н. Назаровского, которые, критикуя преклонение перед западной наукой, не назвали ни одной фамилии, ограничиваясь фразами: «в нашем городе есть научные работники...», «некоторые лекторы...» и т. п.¹⁹

«Дело профессоров Ключевой и Роскина» тяжело отразилось на семье Париных. В. В. Парин только в октябре 1953 года был освобожден по амнистии со снятием судимости, а в апреле 1955 года дело за отсутствием состава преступления прекращено, и он полностью реабилитирован²⁰. В дальнейшем В. В. Парин стал одним из основателей космической медицины, академиком АН СССР. Б. В. Парин формально не пострадал: его не исключили из партии,

он остался заведовать кафедрой и клиникой в институте, но как оценить моральные и нравственные страдания человека, отказавшегося от родного брата. Бесследно такое не проходит. Кроме того, атмосфера вокруг Бориса Васильевича в городе и институте сложилась явно не благоприятная. В январе 1950 году последовал строгий выговор «за неудовлетворительную работу клиники», а затем в том же месяце приказ министра здравоохранения об освобождении от заведования кафедрой и клиникой «как не обеспечивающего работу коллектива». В 1951 году Б. В. Парин вынужден был уехать из Перми, он возглавил кафедру в Киргизском мединституте. В июле 1953 года руководство Молотовского мединститута вновь предложило Борису Васильевичу должность заместителя директора института по научной части и заведование кафедрой. Он согласился занять эти должности при условии отмены приказа бывшего министра здравоохранения. Но это было не во власти руководства института. В 1954 году Б. В. Парин переехал в Горький, где возглавлял кафедру в медицинском институте до 1965 года²¹.

Василий Васильевич Парин, который помимо физических испытал и тяжелейшие нравственные страдания, простил брата, но его жена — Нина Дмитриевна долго не могла этого сделать. В последующем В. В. Парин принимал участие в судьбе брата, особенно когда тот заболел. Болезнь — вероятно сказались все переживания — оказалась неизлечимой, и Борис Васильевич скончался в 1968 году. На похороны в Горький приезжала вся семья В. В. Парина. Василий Васильевич не намного пережил брата, он умер в 1971 году.

Обсуждение закрытого письма ЦК ВКП(б) «Дело профессоров Ключевой и Роскина» оставило глубокий след в среде научной интеллигенции Перми. Оказавшись перед нравственным выбором, не все выдержали эту проверку. Это вполне объяснимо, поскольку к тому времени основную часть интеллигенции составляла «советская трудовая» интеллигенция, готовая выполнить любое указание партии, безоговорочно верившая отцу народов Сталину. Удивительно другое, что далеко не все представители пермской интеллигенции включились в этот хор травли Париных, сумели сохранить свое достоинство и честь, что скорее было присуще для старой, дореволюционной интеллигенции. Значит, несмотря на уничтожение старой интеллигенции сталинским режимом, какая-то преемственность в ее рядах сохранилась, как и некий элемент оппозиционности, несогласия с властью, определенная самостоятельность в суждениях, пусть и не всегда заметная, завуалированная.

¹ Кожевникова Л. Ю., Фотеева В. П. Медицинская династия Париных // Пермский край: прошлое и настоящее: Материалы международной научно-практической конференции. — Пермь, 1997. — С. 142 — 143; Профессора Пермского университета. — Пермь, 2001. — С. 91 — 92.

² Звезда. — 1931. — 27 декабря.

³ Звезда. — 1932. — 1 января.

⁴ ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 877.

⁵ Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал: В 2 т. Т. 2. Апогей и крах сталинизма. — М., 1977. — С. 99 — 107.

⁶ Левина Е. С. «Холодная война» в советской науке: проблема нравственного выбора. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: russcience.euro.ru

⁷ ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 13. Д. 141. Л. 20.

⁸ Там же. Л. 21.

⁹ Там же. Л. 24.

¹⁰ Там же. Л. 21.

¹¹ Там же. Ключева утверждала, что круцин через несколько дней теряет свои свойства и когда В. В. Парин передал ампулы американцам, в них была уже просто вода. См.: Левина Е. С. Указ. соч.

¹² ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 13. Д. 141. Л. 25.

¹³ Там же. Л. 95.

¹⁴ Там же. Л. 95 — 96.

¹⁵ Там же. Л. 96.

¹⁶ Там же. Л. 97.

¹⁷ Там же. После этого собрания, по свидетельству А. В. Парина, сына Василия Васильевича, Б. В. Парин перестал помогать семье брата. Но продолжал помогать Д. В. Марко, тесть В. В. Парина.

¹⁸ Там же. Л. 94.

¹⁹ Там же.

²⁰ Левина Е. С. Указ. соч.

²¹ Архив Медицинской академии. Дело Б. В. Парина.

А. Н. Кабацков
Пермь

Мифологические практики советской интеллигенции

Советская интеллигенция по своему месту и функциональным обязанностям в социальной структуре советского общества принадлежала к бюрократии. Она была ее образованной, но маловлиятельной частью, поэтому социальные ожидания и социальные проекты, которые рождались в интеллигентской среде, были устремлены на партию и власть. Надо отметить, что партия и власть находились в центре мировоззренческих представлений советского общества, ориентированных и в будущее, и в прошлое. Можно сказать, что мир советского интеллигента был расположен в одномерной плоскости, где система координат определялась партийной историей и традицией.

И здесь проявлялась особенность интеллигенции. Ее культурное наследие сформировалось несколько ранее революционных преобразований. Из дореволюционного прошлого эта социальная группа сохранила чувство социальной дистанции между собой и властью. Советская история подпитывала этот культурный тренд воспоминаниями о капитуляции перед партийно-бюрократическим аппаратом, а также сохранившимися ощущениями некоторой чужеродности интеллигенции социалистическим идеалам.

Да и сама повседневная жизнь постоянно заставляла интеллигенцию заново идентифицировать себя и проводить маркеры-границы советского социального пространства. В основе ее образа мысли лежали особые интеллигентские практики, порожденные культом образования в советском городе. Здесь имеется ввиду город как культурное пространство, в котором регулярно проходили адаптацию к индустриальной реальности очередные волны *мигрантов* из деревни. Практики формировались с целью установления дистанции с вторгающейся в город деревенской культурой. Поэтому среди эталонов интеллигентского поведения важное место занимали чтение газет, журналов и сопровождавшие их политические дискуссии на кухне. Производственная идентификация определялась рядом требований, среди которых: работа на должностях, принципиально отрицающих физический аспект трудовой деятельности, и институализированное взаимодействие с книгами, как источниками высшего знания, ценность которого не нуждается в практическом доказательстве.

Дуалистичность социального положения советской интеллигенции подчеркивалось тем, что ее естественная среда интеллектуального творчества находилась под жестким властным контролем. Ее побуждения создавать варианты утопий даже на базе коммунистической идеологии проходили цензуру и натывались на партийные

преграды. Для власти это было принципиально важно, можно сказать, являлось вопросом государственной безопасности — без идеологического контроля над обществом невозможно было само существование социалистического государства.

Проблемная ситуация возникла в ходе попытки власти решить экономические проблемы продовольственного и промтоварного распределения при помощи новых социально-экономических механизмов. В ходе Перестройки 1985 – 1991 годов власть ослабляет, а кое в чем и вовсе утрачивает контроль над интеллигентскими практиками. Инициировав обсуждение новых социальных перспектив в прессе, партия дала сигнал, который интеллигенцией был воспринят как призыв к интеллектуальному мифотворчеству. Советской интеллигенции показалось, что власть нуждается в ее ресурсах для осознания и объяснения социальных, экономических и хозяйственных проблем коммунистического проекта. Ее ответ принял форму социальной критики. Вначале областью, подвергшейся обсуждению, стала историческая составляющая социалистического прошлого. На страницах газет, журналов начались оживленные дискуссии на тему Сталина и сталинизма, новой экономической политики... Вместе с ними всплыли некогда проклятые фигуры Троцкого, Бухарина и других. Эти новые старые персонажи вместо канонических интерпретаций своей роли в социалистическом проекте, зафиксированной в учебниках по Истории КПСС, получали новое звучание. Постепенно они стали рассматриваться как возможные альтернативы имевшемуся курсу построения социалистического государства.

Необходимо отметить, что апелляция к оригинальным и новым научным историческим источникам в этих дискуссиях была слаба. В обсуждение вовлекался материал разнородного характера, где художественный вымысел переплетался с историческими воспоминаниями авторов. Заимствования из официальной истории принимали характер зеркального отображения, при котором менялись местами только положительные и отрицательные оценки участников прошлых событий.

В целом такая интеллигентская рефлексия не могла проходить иначе, как при помощи общеупотребительных моделей конструирования прошлого. А среди них в советской системе доминировала модель мифа. Этот социальный конструкт отличается насыщенностью эмоциональных переживаний, отказом от соблюдения правил логики, так как миф просто их не знает, произвольным расположением исторических событий на шкале времени, свободной интерпретацией происходящего с лично-но артикулированных позиций современности, без соблюдения правил исторической интерпретации фактов в контексте культурного пространства прошлой эпохи. В тоже время в моделях советского мифа были заложены некоторые опорные диспозиции: деление мира на «свой» и «чужой» с резко негативным восприятием всего «чужеродного», которое надо уничтожить.

Поэтому воспроизведение исторических мифов советского прошлого, но с новыми оценочными суждениями, оказалось разрушительным по отношению ко всему социалистическому проекту. Вместе с переоценкой Сталина и его эпохи, вместе с реабилитацией Бухарина, вместе с осмыслением НЭПа как эпохи экономического достатка произошла легитимация в общественной мысли инородной культурной традиции. Учитывая, что интеллигенция не только оказалась создателем этих новых исторических мифов, но и обрела в них созвучие с некоторыми элементами своего культурного наследия, то эти мифы получили прочную прописку в общественном сознании. А вместе с ними — и новый вариант утопии, в рамках которого была легализована поликультурная ментальность и полистилистичный образ мира.

А. В. Чашухин
Пермь

Преподавательские кадры Пермской области в условиях изменения образовательной системы конца 1950-х начала 1960-х годов

Система образования, как и многие другие сферы жизни общества и государства в период «оттепели», претерпела серьезные изменения. Объединение мужских и женских городских десятилетних школ, реформа образования, начавшаяся в 1958 году, на общем фоне социально-политической и культурной десталинизации (пусть частичной и неполной) изменили не только систему управления, но и всю внутреннюю школьную жизнь. Перемены коснулись и педагогического персонала, несмотря на заданную профессией и гендером консервативность. На организационном уровне эти изменения приобрели вид кадровой проблемы, резко обострившейся в процессе школьной реформы 1958 года.

Закон об укреплении связи школы с жизнью — именно в такую правовую форму были облечены планируемые изменения — породил резкое обострение ранее возникшей проблемы комплектования школ преподавательскими кадрами. Реорганизация школ в восьмилетние и одиннадцатилетние учебные заведения, увеличение контингента учащихся обострили дефицит учителей в Пермской области. Так, общая потребность в преподавателях на 1962 год составляла 915 человек. Особенно значительной была нехватка учителей физики, математики, иностранного языка, русского языка и литературы. Столкнувшись с данной проблемой, местные власти пытались решить ее разными методами. В качестве традиционной меры использовался путь распределения студентов-выпускников ВУЗов. Однако, спрос существенно опережал предложение (почти на 50%). В связи с этим возникал целый набор импровизированных путей решения проблемы. К наиболее распространенным можно отнести следующие:

- организация краткосрочных курсов по переподготовке кадров на базе института усовершенствования учителей;
- привлечение к педагогической деятельности студентов старших курсов и выпускников школ;
- комплектация групп по обмену опытом.

Подобные методы, напоминающие скорее действия пожарной команды, не могли обеспечить школы квалифицированными кадрами, они только сокращали на время количество свободных педагогических рабочих мест. Интересно, что в процессе подбора кадров наиболее низкие требования предъявлялись к учителям начальной школы, многие из которых начинали работать после получения общего среднего образования. Следует также отметить, что, несмотря на наличие дефицита учителей в городе, в области этот вопрос стоял гораздо острее. Вышеуказанная проблема усугублялась еще и крайне высокой текучестью кадров в Перми и особенно в области. Неудовлетворительные бытовые условия, острая жилищная проблема (прежде всего в области) приводили к чрезвычайной

подвижности учительского состава, что не могло не сказаться на качестве преподавания.

Второй проблемой являлся уже не новый к тому времени вопрос профессиональной квалификации учителей. Так, в 1961 – 1962 учебном году из 23244 учителей только 5579 имели высшее образование (24 %). Тенденция же изменения данной ситуации в лучшую сторону была крайне медленной (в следующем году – 24, 8 %). Помимо объективной нехватки молодых специалистов, закончивших ВУЗы, ситуация усугублялась и вполне понятными попытками выпускников избежать направления или покинуть школу (особенно сельскую) сразу после окончания обязательной отработки. Одним из немногих перспективных методов на пути решения данной проблемы стало некоторое увеличение числа учителей, заочно обучающихся в ВУЗах. В большинстве случаев именно за счет этой категории происходил хоть какой-то рост числа преподавателей с высшим образованием. Качество знаний учителей-заочников было существенно ниже, чем у выпускников дневных отделений, поэтому можно сказать, что проблема квалификации кадров принципиально не могла быть решена таким образом.

Нехватка преподавателей и проблема текучести кадров в определенной мере снижали и требования к трудовой дисциплине. Это наиболее заметно в различии санкций за однотипные нарушения между техперсоналом школ и преподавательским составом. Так, в приказах директора школы № 22 представитель техперсонала за прогул немедленно увольнялся, тогда как учитель в большинстве случаев получал строгий выговор. Редкие же увольнения учителей (как правило, за систематические опоздания и прогулы) обычно заканчивались их возвращением на прежнее место работы по истечении короткого срока. Особое внимание в связи с этим вызывает проблема девиантного поведения преподавателей, наиболее острые проявления которого фиксируются опять же в области. Так, в 1960 – 1961 учебном году в органы власти поступили 82 жалобы на поведение преподавателей, которые при проверке подтвердились. В качестве основного порока учителей области выступало пьянство. Особая же формулировка: «неправильное поведение в быту» могло подразумевать достаточно большой диапазон нарушений: от пьяной драки до сожительства с учащимися. В последнем виде нарушений были уличены в течение 1960 – 1961 учебного года несколько преподавателей школ Пермской области.

К сожалению, материал по девиантности еще недостаточно накоплен. В связи с этим пока не представляется возможным выявить динамику этого явления и возможную связь между изменением девиантности и проводимой государством образовательной политикой.

ГАПО Ф. Р. 986. Оп. 1 Д. 1940. Докладная записка о работе с кадрами. (от 8 января 1962 г.)

Справка о состоянии учительских кадров Пермской области в 1962 – 1963 учебном году.

Текущий архив школы № 22 г. Перми. Книга приказов директора школы № 22 за 1959 – 1964 годы.

О. В. Лысенко

Пермь

Кухонные игры: к проблеме формирования дискурса интеллигенции советских времен

Самое любопытное в этой теме — ее предмет почти не нуждается в пояснении. Кухня в рамках советской действительности стала одним из самых расхожих символов повседневности. Разговоры «за жизнь», посиделки за полночь, обмен мнениями, споры и критические высказывания в адрес всего и вся — все эти черты феномена советской кухни известны достаточно хорошо и неоднократно описаны в художественной и мемуарной прозе. Можно сказать, что именно кухня стала местом рождения особого культурного стиля образованного слоя советского общества, включающего мировоззрение, ценности, язык. Столь специфическое место не могло не наложить своего отпечатка на содержание этого стиля.

В его основе лежит особый тип социального поведения, который может быть описан через понятие «игры», понимаемом в контексте теории Э. Берна. Он называл играми отдельные поведенческие инциденты, которые на первый взгляд кажутся случайными, являясь на самом деле реализациями определенных схем поведения, заложенных в процессе социализации отдельного индивида. Данные схемы чаще всего скрыты от внешнего наблюдения и не осознаются даже самими участниками транзакций. Воспроизвести их заставляет стремление к получению психологических и социальных наград со стороны других участников¹. Игра по Э. Берну есть тип поведения, противоположный искренности, открытости, «естеству», выполняющий компенсаторную роль. Так, например, игрой можно назвать и поведение участников кухонных посиделок позднего советского времени, поскольку эти действия протекали в особом поле социально значимых символов, работали на повышение внутренней самооценки ее участников.

Символика социального пространства советской квартиры 60-70-80-х годов заслуживает особого внимания. Будучи достаточно маленькими, по европейским меркам, советские квартиры диктовали свой особый уклад жизни, сохраняющийся до сих пор. Этот уклад сложился не сразу.

В качестве примера отправной точки эволюции социального пространства квартиры можно рассмотреть квартиру профессора Преображенского, героя повести М. Булгакова «Собачье сердце». «У меня приемная, столовая, кабинет — 3. Смотровая — 4. Операционная — 5. Моя спальня — 6 и комната прислуги — 7. ... Я буду обедать в столовой, оперировать в операционной! Покорнейше прошу предоставить мне возможность принять пищу там, где ее принимают все нормальные люди, то есть в столовой, а не в передней и не в детской»². В этом отрывке — вся философия жилища той

социокультурной группы, которая получила название интеллигенции еще в дореволюционной России. Строгая функциональность и структурированность социального пространства — ее отличительные признаки. Любопытно, что кухня (строго говоря, место приготовления пищи) в этой системе координат воспринималось как сугубо подсобное помещение, не входившее в сам жилой комплекс. Напомним, что «принять на кухне» можно было только людей, стоящих на нижних ступенях социальной лестницы: дворника, прислугу, печника.

Но в дальнейшем, в эпоху массовых барачных застроек и коммунальных квартир, такое восприятие квартиры почти не имело шансов сохраниться, разве что в среде наиболее привилегированных граждан — известных писателей, ученых или номенклатурных работников, готовых и имеющих возможность воспроизвести стиль старых времен. В условиях барака само понятие «квартира» утратило смысл и превратилось в «место», «комнату»³, вокруг которой была сосредоточена вся жизнь, вынужденно коллективная. И лишь при застройке 60 — 70-х годов в пресловутых «хрущевках» и «брежневках» мы наблюдаем частичный возврат к прежнему социальному структурированию квартирного пространства насколько это было, конечно, возможно.

В самом деле, учитывая образовательный бум 50-х и 60-х, трудно ожидать, что новое поколение образованных людей, претендующих на преемственность со старой интеллигенцией, смогло бы воссоздать их быт более или менее точно. Будучи выходцами из совсем других слоев населения (чаще всего — крестьянства во втором или третьем поколении), они заново учились организовывать свой повседневный мир в соответствии с образцами, вычитанными в литературе или увиденными в кино, но пользуясь имеющимися в распоряжении средствами.

Малое количество комнат диктовало необходимость их избыточного функционального и смыслового наполнения в зависимости от обстоятельств и времени суток. Почти исчезли из языка названия типа «гостиная», «кабинет», «столовая» или «спальня», заменившись на обезличенное «большая комната», «маленькая комната». Большая комната днем и вечером становилась парадной гостиной (здесь принимались гости в особо торжественных случаях, например, в праздники, или для решения официальных дел) или местом отдыха. А вечером — спальней для некоторых членов семьи. Отсюда и ее обстановка: радиолы (и заменивший ее телевизор), сервант с посудой и хрусталем, выставленным напоказ, иногда — книжные шкафы, призванные показать образовательный уровень хозяев, большой стол для гостей. А также диван (универсальный заменитель кровати) и, возможно, кресла. Особенно это станет понятным, если учесть почти полное отсутствие традиций встреч в кафе или ресторанах, так свойственных иным культурам. Напротив, кухня утратила свой «низменный» статус, став местом ежедневного

сбора семьи за завтраком или ужином, ядром семейного института, местом, где воспроизводились семейные отношения, символически обозначенные местом вокруг обеденного стола. Отсюда особая ценность «большой кухни», способной поместить всех членов семьи и ее близких гостей, столь ценимая до сих пор при обмене и покупке квартиры.

В таких условиях символическая оппозиция «большой комнаты» и «кухни» прочитывается достаточно ясно, как противопоставление отчасти «публичного», торжественного и «приватного», семейного. Само приглашение на кухню потеряло символичность принижения, заменившись на прямо противоположное. Теперь это означает особую расположенность к человеку, даже интимность, приглашение в круг близких знакомых семьи. Немаловажно и то, что кухня чаще всего оставалась единственно свободным помещением ночью, во время долгих посиделок и душевных разговоров.

Таким образом, мы видим, что сам характер социального пространства кухни способствовал формированию особого характера «кухонных» отношений, подкрепленных разного рода символами. Во-первых, сама кухонная обстановка требовала чаепития или употребления спиртных напитков, что уже само по себе является жестом доверия и расслабления. Во-вторых, малое пространство кухни создавало иллюзию защищенности, изолированности от большого и официального общества. Наконец, в третьих, кухня невольно погружала собеседников не в парадную, а в повседневную жизнь множеством бытовых деталей обстановки, не оставляя возможности хозяину играть «на повышение социального статуса». Холодильник с продуктами, раковина, повседневная посуда — достаточно четкие и понятные индикаторы достатка и привычек хозяина. Именно поэтому разговор на кухне предполагал полное (насколько это было вообще возможно) доверие собеседников друг другу, готовность отказаться от официально выполняемых и обязательных ролей в пользу «искренности». А это должно было привести к появлению особого варианта социальной игры.

Как и во всякой игре, истинные мотивы поведения отдельных индивидов обычно сокрыты за ширмой социальных установок. В данном случае это были установки, заимствованные из жизни дореволюционной интеллигенции, но заново интерпретированные. Прежде всего, это своеобразная «интеллектуальная смелость», выражающаяся в готовности рассмотреть и критически осмыслить любую сторону жизни, невзирая на запреты и пределы компетенции. Кухня как нельзя лучше способствовала такому «полету мысли» и относительно безопасной демонстрации смелости. Именно здесь вели рассказы о своих жизненных коллизиях реабилитированные зэка, здесь рождались мечты о «великом служении правде», а иногда даже и проекты будущего переустройства, всегда начинавшиеся с обличения властей, здесь социальные фобии обретали своего адресата.

Прямым следствием этого следует считать и особую

гипертрофированность масштабов разговора, «водянку больших тем», как сказал однажды О. Мандельштам применительно, правда, к другому явлению. В полете фантазии можно все объяснить, все объять, со всем справиться.

Далее следует указать на особую герметичность такого рода разговоров. Смелые суждения или рассказанный анекдот не предназначались для вынесения за стены кухни, разве что на другую кухню, но никак не в публичную жизнь. Случаи, когда тексты или планы действий, рожденные на кухне, затем воплощались в жизнь — единичны. (Все же диссидентское движение — это движение малого числа людей). А это приводило и к рождению особого языка, в котором отдельные образы или термины были понятны только своим, а потому не нуждались в дополнительной обработке.

Стоит подчеркнуть и такую черту «кухонного дискурса», как использование особых, запрещенных в официальном потреблении, социологтов для придания своей личности особого веса в этом малом обществе. Вспоминаются художественные зарисовки одного из участников таких посиделок, описывающих возникшую моду на блатные песни, с матом и тюремным жаргоном. «Это же литература!» — так, кажется, это оправдывалось.

Сформировавшийся культурный стиль так и ушел бы в небытие, если бы не постсоветские изменения. Не будет большим преувеличением сказать, что первые некоммунистические движения и объединения конца 80-х вышли из кухни. Во всяком случае, в Перми это было так. Следовательно, многие черты перестроечных движений могут быть объяснены своей генетической связью с кухонными играми.

¹ Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. — С-Пб.; М., 1996. — С. 12 — 13.

² Булгаков М. А. Собачье сердце. — М.: Современник, 1989. — С. 21 — 22.

³ Берто Д. Малышева М. Культурная модель русских народных масс и вынужденный переход к рынку. // Биографический метод в социологии. История, методология, практика. — М.: Институт социологии РАН, 1994. — С. 109 — 110.

А. Д. Боронников
Пермь

Виктор Астафьев и гражданское общество

Во-первых, необходимо уточнить, каким образом мы можем впрячь в одну упряжку «коня и трепетную лань», то есть, как сопряжены творчество В. Астафьева и понятия *гражданское общество*, *гражданственность*, *гражданин*. Ответ на этот вопрос не столь однозначен. Само понятие «гражданское общество» в современной российской мысли существует скорее в рамках политического и научно-гуманитарного дискурса, чем в повседневном языке. При этом, как и у всех идеологизированных понятий, область значений гражданского общества сильно размыта. Можно выделить, как минимум, два смысловых круга. С точки зрения строгой научности «гражданским обществом» называют такое состояние социума, когда сама ткань общественной жизни организована как система самоорганизованных институтов и групп, выражающих реальные и осознанные интересы перед лицом национального государства и иных сообществ (Э. Геллнер). Если рассуждать в данном русле, то история гражданского общества начинается в XVII – XVIII веках в Западной Европе, когда городские коммуны и сельские общины в результате модернизационных процессов обретают самостояние в рамках централизованного национального государства. При этом стоит отметить, что гражданское общество вырывается из-под власти военизированных структур абсолютистского государства. Вслед за этим последовала довольно долгая история эволюции гражданского общества, в результате чего все построенные на насилии государственные структуры (военные и военизированные) оказались поставленными под контроль гражданских структур и вытесненными на периферию общественной жизни. Отныне их роль была предопределена: это защита границ, закона, интересов общества. Скажем проще — военные были отправлены за моря строить новые империи во имя демократии и прогресса, благодаря чему на карте возникли Британская, Французская, Бельгийская, чуть позже — Германская империи. Под власть генералов были отданы отнюдь не лучший человеческий материал (лучшие уже заканчивали Инженерные школы и создавали промышленные и финансовые империи). В Европе четко укрепились мысль: «Военный — человек второго сорта».

В то же самое время в России понятие «гражданское» приобрело иной смысл, во многом с противоположной эмоциональной оценкой. Этим словом обозначалось все партикулярное (то есть частичное), не государственное в полном смысле этого слова, а второстепенное. В рамках Российской империи военные структуры по-прежнему воплощали в себе волевое, рациональное, административное. Со времен Петра Великого казарма стала символом, объясняющим

государство, в свою очередь стремящееся поглотить общество. Воинский артикул в основе большинства законов, военный заказ как основа экономики, военный как чиновник и наоборот, вместо различия частной и публичной жизни — служение царю и отечеству. Обратим внимание: сам термин «отечество» входит в обиход достаточно поздно как калька с немецкого «фатерланд». В психоаналитическом контексте «отечество», как начало мужское, рационализирующее, противостоит образу Родины-матери, сформировавшемуся в народной культуре. Служение Отечеству есть служение государству в противоположность служению матери — сырой земле, известному нам из былин и сказок, то есть началу природному, иррациональному, общинному, «народному».

Гражданское в данном случае можно воспринимать как некий довесок, милость свыше, в любой момент его можно отнять. Придет приказ и вместо гражданского платья начинаем выпускать военное, милитарное. И как уже неоднократно было доказано, Советская Россия полностью восприняла этот образ милитаризированной государственности. Френч вождя и личное оружие секретаря райкома — малые, но показательные знаки военного стиля. И также, как это было в прежние времена, государство немедленно выгребает все ресурсы во имя своих интересов. И вот уже все в ватниках, в кирзачах, на заводе, в казарме, в эшелоне, в общем, при деле. Именно в этот момент и появляется будущий писатель Астафьев.

Зададимся вопросом, Вергилием какого общества предстает перед нами В. Астафьев? Разумеется, это не то общество, которое живописал Э. Геллнер. Можно предположить, что детские воспоминания крушения мирной жизни с родителями в Овсянке стали душевной незаживающей раной. Перед нами проходит бесконечная череда общежитий, интернатов, госпиталей, эшелонов, рабочих поселков и других ошметков войны, коллективизации, индустриализации, переселений, эвакуаций.... За пределами сюжета остаются генеральные штабы, государственные и партийные решения, великие стройки, и победоносные наступления, десять сталинских ударов и прочий мейн-стрим, обусловленный государственной Рациональностью (именно с большой буквы). Перед нами партикулярный человек в его частных проявлениях, мыслях, воспоминаниях, настроениях, ощущениях. Он не в состоянии осмыслить эту внечеловеческую Рациональность, предпочитая здравый смысл и малую, соразмерную человеческой судьбе, честность. Даже одетый в шинель и участвующий *в битве за Украину*, он, прежде всего, чувствует, переживает, живет. Он, Астафьев, настаивает — жизнь идет по своим естественным правилам, очень отличающимся от государственных, военных, идеологических.

Каждый раз возникает временное сообщество людей, оказавшихся в одинаковой ситуации. Их поведение и их отношения оказываются неподконтрольны государству и потому не строятся по законам мейн-стрима. Можно сказать, они создают сообщества,

выпадающие из под военизированной, государственной власти.

Если говорить о Викторе Астафьеве как о писателе политическом, то только в самом общем смысле. Он, по сути дела, утверждает право человека жить по своим негосударственным, невоенным, частным правилам и законам. В противовес рациональной государственной машине малое человеческое сообщество выстраивает свой собственный мир. Отгораживаясь, замыкаясь в рамках своих собственных смысловых практик, эти общности позволяют выжить, обрести смысл и содержание жизни в лирическом, сентиментальном, эмоционально-сензитивном. Вот это и есть зародыш гражданского сообщества, то есть самодостаточного, самоорганизующегося, противостоящего военно-государственному. Выходя за пределы произведений Астафьева, можно сказать, что в более позднем советском обществе это частное, гражданское, партикулярное закрепляется и развивается. Как некогда из-под военно-феодалных структур Западной Европы появился буржуазный мир, породивший, выстроивший гражданские отношения; так и из-под советской военно-государственной машины появляется наше гражданское общество. Оно слабое, убудочное, незавершенное, не способное защитить самое себя. Так ведь и европейцам *во время оно* приходилось звать и Кромвеля, и королеву Викторию и обоих Наполеонов.

Таким образом, возникает несколько тем для обсуждения. Можно ли утверждать, что В. Астафьев был певцом политической гражданственности? Или стоит остановиться на суждении, что он скорее дает материал для видения того, на каких основаниях будет воздвигнуто здание Российской гражданственности?

Во-вторых, если вернуться к европейскому примеру, то можно увидеть, что гражданское общество отнюдь не пальма с булками на ветвях. Напротив, гражданское общество Запада долго распространяло свои ценности на весьма узкий круг лиц, *«только для своих»*. При этом граница граждан/не граждан была практически непроницаемая (по сути дела, и сегодня сохраняется та же практика). Фетиши современности — толерантность, терпимость, политкорректность, гендерное равноправие — возникли в недрах гражданского общества отнюдь не сразу, только в результате борьбы и сомнений. Логично предположить, что российское гражданское общество пройдет тот же путь становления, с теми же этапами. Следовательно, ему будут присущи те же проблемы и болезни, конфликты и споры, достижения и провалы. Можем ли мы сейчас, сегодня позволить себе подобную роскошь?

В-третьих, что может стать альтернативой нашему зарождающемуся, не толерантному, больному имперскими амбициями гражданскому обществу? На наш взгляд, такой альтернативой может стать правовое общество. Но это уже отдельный разговор.

Л. А. Лукьянова
Пермь

Дон Аминадо: «Мы — не эмиграция, а Россия, выехавшая за границу»

Псевдоним Дон Аминадо принадлежит Аминаду Петровичу Шполянскому (1888 – 1957) — талантливому писателю, имя и творчество которого почти неизвестно нашим современникам. В 1920 году он, как и многие другие представители российской интеллигенции, уехал за границу и большую часть своей жизни провел в эмиграции. Там он написал большинство своих произведений и получил широкую известность.

В дореволюционной России его знали как сатирика и юмориста, автора ярких фельетонов и памфлетов, печатавшихся в ряде изданий, в том числе в популярном журнале «Сатирикон». Писал он и лирические стихотворения, инсценировки, которые ставились на сцене московских театров.

Дипломированный юрист, посвятивший себя литературной деятельности, он с началом Первой мировой войны ушел на фронт. В годы революции и гражданской войны А.П.Шполянский стал равнодушным свидетелем происходившей ломки общественного строя, первых шагов новой власти, растущего противостояния в обществе. Он не был защитником монархии, никогда не увлекался социалистическими идеями, не участвовал в политической деятельности, не состоял ни в одной партии. Он не хотел воевать ни против белых, ни против красных.

Происходящее на родине Дон Аминадо воспринял как катастрофу, трагедию. Сначала он надеялся, что новый политический режим продержится недолго: «...Надо жить.. и надеяться на чудо, на спасение... Через две недели большевики кончатся, выдохнутся...»¹ Но с течением времени укреплялось чувство обреченности, страха, бессилия: «Корнилов, Деникин, Врангель, Колчак — все это будет преодолено, расстреляно, залито кровью... Социальная революция в перчатках не нуждается»². Дон Аминадо сравнивал человека с зерном, государство — с мельницей, происходящее — с процессом передела, начавшегося в 1917 году. Он писал в мемуарах: «В феврале был пролог. В октябре эпilog. Представление кончилось, представление начинается. Горсть псевдонимов, сто восемьдесят миллионов анонимов. Горсть будет управлять, анонимы — безмолвствовать»³.

Неприятие новой власти, политика большевиков и их методов построения нового общества — через кровь и страдания, путем насилия — было главной причиной отъезда Дон Аминадо из России в 1920 году. Как и для большинства уехавших, оторванность от Родины была тяжело переживаемой личной драмой на протяжении всей дальнейшей жизни.

Дон Аминадо прожил в Париже 37 лет. Его творческая жизнь сложилась за границей успешнее, чем у многих других писателей-эмигрантов. Он активно работал, печатался в русскоязычной парижской газете «Последние новости» и в ряде других изданий. Именно за границей им было написано большинство произведений, была опубликована книга воспоминаний «Поезд на третьем пути» (1954). Он принимал активное участие в организации и проведении литературных вечеров в Париже.

О творчестве Дон Аминадо высоко отзывались И. Бунин (с которым его связывали дружеские отношения), М. Цветаева, В. Ходасевич. Читателей и лично знавших его людей привлекало в нем чувство юмора, умение ярко и метко выразить суть явления. Он был независимым творцом, не боявшимся выражать собственное мнение по поводу волновавших его событий и различных сторон жизни. Его критическое отношение, облаченное часто в саркастическую форму, было результатом внимательного и вдумчивого анализа умного и равнодушного человека.

Являясь одним из представителей российской эмиграции и свидетелем ее жизни, Дон Аминадо в то же время всегда был ее суровым критиком. Известен факт о состоявшемся 19 октября 1930 года литературно-юмористическом вечере Дон Аминадо. Программа вечера — пьеса в трех действиях «Суд над русским Парижем». Среди участников Нина Берберова (секретарь суда), Марк Алданов (член суда). Обвинителем выступал сам автор. Смысл сказанного им сводился к тому, что несмотря на все грехи русской эмиграции (например, на то, что ее представители постоянно превращают жизнь в дискуссию, не считаются с нормами жизни страны, в которой живут и др.), ее надо оправдать⁴.

Внимательно следя за событиями, происходившими в России, Дон Аминадо не питал никаких иллюзий по поводу сущности политики большевистского руководства и политического режима в СССР. Новая Россия в его стихотворениях — это жертва:

О единственной в мире возлюбленной,
Распростертой, распятой, загубленной,
Прокаженной и смрадной уродине!
О своей незадачливой родине...⁵

Его сатира остро задевала большевистских лидеров, которым он давал уничижительные характеристики.

Им написано множество лирических стихотворений, наполненных грустью, болью и тоской по Родине. Пессимистические настроения в его творчестве все более усиливались со временем, в стихах звучала мысль о напрасно прожитой жизни. В стихотворении «Послесловие» поэт подводит печальный итог:

Жили. Были. Ели. Пили.
Воду в ступе толкли.
Вкруг да около ходили,
Мимо главного прошли⁶.

Он был интересной и самобытной личностью, талантливым писателем, о чем свидетельствовали знавшие его люди, о чем говорят его произведения.

В одном из поздних стихотворений Дон Аминадо писал:

Всем указаны скрижали,
Всем отмечена строка,
Вот и мы с тобой сыграли
В подкидного дурака.
С кучей принципов носились,
Всех учили, как им жить.
А когда остановились,
Оказалось, нечем крыть.
Дни, чем дальше, тем короче.
Ночь длиннее. Гуше мгла.
И выходит между прочим,
Что и жизнь уже прошла...⁷

Судьба Дон Аминадо — одно из многих свидетельств того, что противостояние интеллигенции и власти после 1917 года привело к большим потерям для российского общества и его культуры.

¹ Дон Аминадо. Поезд на третьем пути. — М., 1991. — С. 191.

² Там же.

³ Там же. — С. 190.

⁴ Русские без отечества. Очерки антибольшевистской эмиграции 20 — 40-х гг. — М., 2000. — С. 8 — 13; 488 — 496.

⁵ Литература русского зарубежья. Антология. Т. 1. — М., 1990. — С. 250.

⁶ Дон Аминадо. Послесловие // Русское зарубежье. Хрестоматия по литературе. — Пермь, 1995. — С. 361.

⁷ Дон Аминадо. Куриная философия.

М. А. Оболонкова

Пермь

Политическое и комическое в субкультуре интеллектуалов

*Из нас любой, пока не умер он,
Себя слагает по частям
Из интеллекта, секса, юмора
И отношения к властям*

И. Губерман

Социологическое значение лексемы «интеллектуалы», как известно, включает в себя категорию людей, которые играют особую роль в духовном производстве, являются носителями и хранителями духовных ценностей. Несмотря на некоторую условность границ такой социальной страты как интеллектуалы, на наш взгляд, представляется возможным говорить о наличии субкультуры интеллектуалов, комплексное изучение которой еще ждет своих исследователей. Существенный компонент этой субкультуры — политическая культура, в рамках которой одной из наиболее интересных и всегда актуальных является проблема, связанная с взаимоотношениями интеллектуалов и власти.

В различных исторических эпохах можно обнаружить интеллектуалов, находящихся в разных отношениях с властью: входящих в нее; обслуживающих власть; не вовлеченных в нее напрямую, но демонстрирующих большую или меньшую степень лояльности или конформизма; людей, состоящих в оппозиции к власти. Степень и, что существенно для нас, формы проявления этой оппозиции могут сильно различаться.

Из разнообразного спектра оппозиционных способов реагирования на власть особый интерес для нас представляет инструментарий комического. Проявление отношения к власти разными социокультурными группами посредством использования феномена комического — многовековая историко-культурная традиция. Обращение к изучению такого способа реагирования интеллектуалов на власть представляется перспективным в силу хотя бы просто общирности массива материала для исследования. История мировой литературы содержит бесчисленное множество ярких примеров такого рода реагирования.

Исследователи, изучавшие проблему комического, разделяют чувство юмора и остроумие. По В. Далю, «юмор — веселая, острая, шутливая складка ума, умеющая подмечать и резко, но безобидно выставлять странности обычаев, порядков, нравов»¹. З. Фрейд подчеркивал, что комическое находят (функция чувства юмора), а остроум создают (работа остроумия)². Российский ученый А. Н. Лук сделал заключение, что чувство юмора — это стремление к отысканию

нелепого и смешного в повседневном окружении, а остроумие — это способность обнаруживать закономерности и связи там, где их, на первый взгляд, нет. Говоря о соотношении чувства юмора и остроумия, он отметил, что чувство юмора больше связано с эмоциональным компонентом бытия, а остроумие — с интеллектуальной сферой³. Не случайно в слове «остроумный» есть составляющая «острый», то есть отточенный, режущий, колющий, а в древнерусском языке имевшее еще и значение «быстрый». Психолог Т. В. Иванова в своих исследованиях утверждает, что остроумие — одно из проявлений креативности⁴. Заметим, что креативность — безусловная характеристика интеллектуальной среды. Ценным для нас является введение А. Н. Луком в научный оборот понятий комического (вызывающее смех) и некомического остроумия (неожиданное, оригинальное решение, не сопровождающееся смехом)⁵.

Почему комическое остроумие часто избирается интеллектуалами как способ оппозиционного реагирования на власть как таковую, на ее институты, ее характер, ее действия? На наш взгляд, можно выделить несколько существенных причин, объясняющих этот выбор.

Смех помогает снять отрицательное эмоциональное напряжение, «облегчить напряженность жизни» (М. Бахтин). Психологи считают, что лишь гармония слез и смеха, печали и шутки позволяют человеку сохранять внутреннее равновесие и устойчивость. Об этом говорил Ф. Ницше, когда образно предположил, что смех изобрело то животное, которое страдало острее всего. Смех становится своеобразным выпускным клапаном, благодаря которому остроумному человеку удается сохранить свою целостность.

М. Бахтиным была подмечена важная функция смеха как средства для преодоления страха. «Побежденное смехом страшное» перестает быть страшным. Существенно, что речь идет не только об освобождении от внешней цензуры, но, что гораздо важнее, от внутреннего цензора, от «тысячелетиями воспитанного страха перед священным, авторитарным запретом, перед прошлым, перед властью»⁶. Необходима немалая сила духа для того, чтобы не только уловить комизм во властной сфере, но и создать остроту, в которой под неожиданным углом зрения высвечиваются закономерности.

Инструмент остроумия тем более ценен в руках интеллектуаллов, реагирующих этим способом на власть, что в нем есть некая «эксклюзивность», поскольку, по словам М. Бахтина, «власть, насилие, авторитет никогда не говорит на языке смеха»⁷ (за исключением, пожалуй, зловещих шуток диктаторов разных эпох или высказываний нынешних политиков в жанре «черного юмора»).

Немаловажным обстоятельством для понимания причин обращения к инструментарию комического является объединяющая функция смеха. Острота не может жить без читателя, слушателя или зрителя. Воспринятая и оцененная смехом, она фиксирует наличие единомышленников, людей, близких по мировосприятию, и

благодаря этому разрывается трагическое одиночество человека в ситуации противоречия с властью.

Юмор и остроумие являются в известном смысле дополнительным, а может быть, и последним ресурсом тогда, когда другие ресурсы взаимодействия с властью или реагирования на нее представляются заведомо неэффективными или неприемлемыми. Наличие этого ресурса дает возможность преодолеть ощущение беспомощности и безысходности.

Можно заключить, что инструментарий комического в силу его многофункциональности заметно расширяет для интеллектуалов арсенал способов политического поведения и создает эффективные возможности для коммуникации с другими субкультурами.

¹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. — М., 1991. — С. 667.

² Фрейд З. Остроумие. — М., 1999.

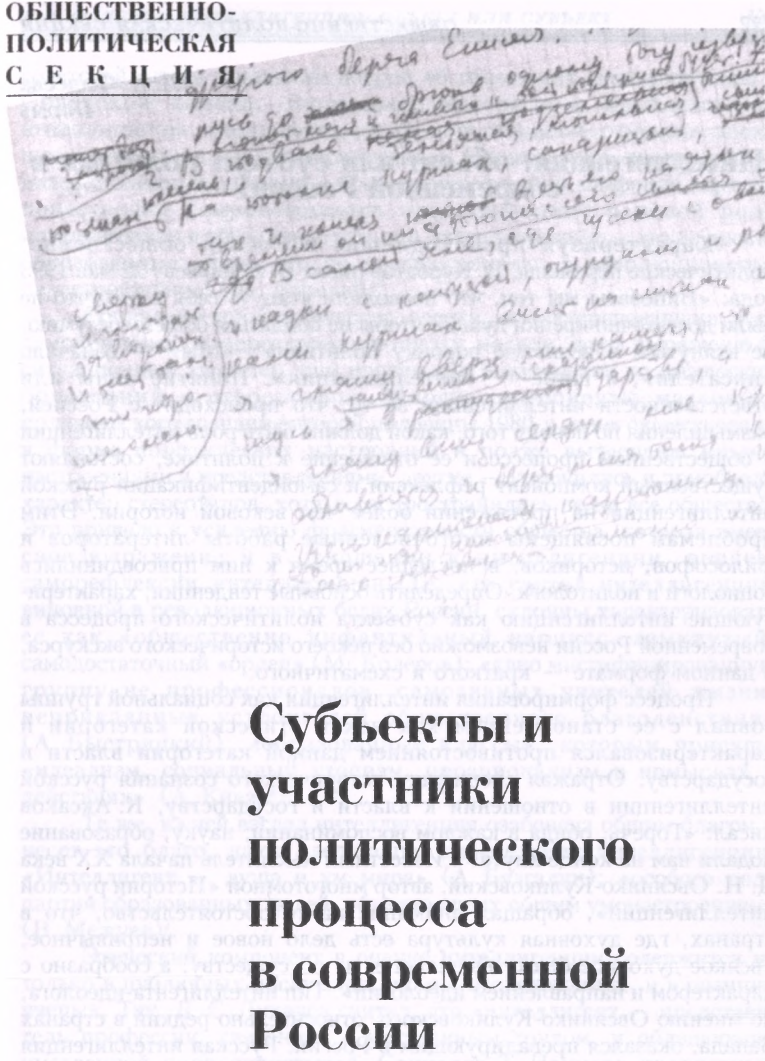
³ Лук А. Н. Юмор, остроумие, творчество. — М., 1977.

⁴ Иванова Т. В. Остроумие и креативность // Вопросы психологии. — 2002. — № 1.

⁵ Лук А. Н. Указ. соч.

⁶ Бахтин М. Творчество Ф. Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. — М., 1990. — С. 107.

⁷ Там же. — С. 104.

Субъекты и участники политического процесса в современной России

Л. А. Фадеева

Пермь

Интеллигенция: объект или субъект политики в современной России?

Характеризуя происходившие в России общественно-политические перемены, В. Курбатов писал В. Астафьеву 22 мая 1993 года: «Виноваты мы тем, что позволили втянуть себя в это, что не были достаточно крепки душой, чтобы не поддаться общему безумию, не втянуться в нечистую воронку политики»¹. «Мы» — означало «писатели», а шире — «интеллигенция». Понятие вины или ответственности интеллигенции за то, что происходит с Россией, размышления по поводу того, какой должна быть роль интеллигенции в общественном процессе и ее отношение к политике, составляют существенный компонент рефлексии и самоидентификации русской интеллигенции на протяжении более чем вековой истории. Этим проблемам посвящены многочисленные работы литераторов и философов, историков, в последнее время к ним присоединились социологи и политологи. Определить основные тенденции, характеризующие интеллигенцию как субъекта политического процесса в современной России невозможно без некоего исторического экскурса, в данном формате — краткого и схематичного.

Процесс формирования интеллигенции как социальной группы совпал с ее становлением как некой этической категории и характеризовался противостоянием данной категории власти и государству. Отражая специфику исторического сознания русской интеллигенции в отношении к власти и государству, К. Аксаков писал: «Горечь, обида в каждом воспоминании; науку, образование подали нам на конце кнута»². Известный мыслитель начала XX века Д. Н. Овсянко-Куликовский, автор многотомной «Истории русской интеллигенции», обращал внимание на то обстоятельство, что в странах, где духовная культура есть дело новое и непривычное, «всякое духовное благо оценивается не по существу, а сообразно с характером и направлением идеологии». Тип интеллигента-идеолога, по мнению Овсянко-Куликовского, относительно редкий в странах Запада, оказался преобладающим в России. Русская интеллигенция «застряла» в идеологическом фазисе³. Это нашло отражение в поведении интеллигенции, прежде всего, во время первой русской революции, а затем в ее последующих рефлексиях, в особенности на тему «Интеллигенция и власть».

Первой общественно значимой дискуссией на эту тему стала дискуссия 1910 – 1911 годов вокруг сборника «Вехи» и последовавших за ним сборников «Интеллигенция в России», «В защиту интеллигенции», в центре которой оказалась роль интеллигенции как политического актора⁴. Следующая дискуссия по данному вопросу развернулась в 1923 – 1925 годах, когда представители

советской элиты поставили вопрос об отношении интеллигенции к Советской власти. Всплеском интереса к проблематике интеллигенции, обсуждению ее роли в обществе отмечена эпоха шестидесятых и «шестидесятников». Новая волна дискуссий об интеллигенции нахлынула с началом перестройки. Эйфория периода перестройки сопровождалась представлением о новой роли интеллигенции в обществе, о том, что «интеллигенция — это не просто образованные люди, это не профессионалы, а революционеры, перестройщики» (Ю. Бородай)⁵.

Социально-психологические сдвиги, характеризовавшие рост демократизма, в перестроечную эпоху носили ярко выраженный ситуационный характер, они проявились в изменении политических ориентаций и стереотипов. Многие компоненты массового политического сознания второй половины 1980-х годов существовали в форме политических настроений и позже вытеснены иными настроениями и представлениями, другие — упрочились и приобрели характер стереотипов, хотя и распространились не на все общество. Это привело к усилению фрагментарности общества, которая имеет свое выражение и в отношении к интеллигенции, вернее, саморефлексии интеллигенции. Те, кто считал интеллигенцию виновной в революционных бедах России, склонны характеризовать ее как «общественно инфантильный нарцисс, замкнутый, самодостаточный «орден» (М. Колеров); «явно мистифицированную группу не профессионалов, самозванных учителей жизни, неприкаемых устроителей общественного благоденствия» (А. Быстрицкий); «образованные классы», которым присущи «идеализм, социальный утопизм, иррационализм в помыслах и действиях» (А. Кива)⁶.

Те же, на чей взгляд интеллигенция озабочена общим благом и несет это благо, дают следующие определения интеллигенции: «Интеллигент — душа и ум мира» (А. Бузгалин); «особого рода партия образованных людей, объединенных общим умонастроением» (В. Межуев)⁷.

Этический компонент в оценке интеллигенции содержится не только в публичных дискуссиях, но и в исследованиях, и в позиции ученых. Так, Д. С. Лихачев считал, что «интеллигент — представитель профессии, связанной с умственным трудом, и обладающий умственной порядочностью»⁸. Социолог Т. Наумова предложила рассматривать интеллигенцию как особую социальную группу людей, занятых интеллектуальным трудом, а также обладающих интеллигентностью, т. е. подвижничеством, гражданскими чувствами, высокой нравственностью, обширными и разносторонними знаниями⁹. Во многом современные исследователи продолжают оставаться под воздействием так называемой «миссионерской легенды» интеллигенции, согласно которой она призвана играть важную роль в обществе и выступать в качестве одного из ведущих акторов политического процесса.

Между тем, при оценке тенденций исторического развития интеллигенции следует различать тенденции универсальные, общечеловеческие и те, которые были обусловлены принципами и целями государственной власти. К первым, безусловно, относятся «массовизация» интеллигенции (увеличение ее численности), и как следствие этого процесса, а также образовательного бума — утрата образовательного превосходства и социальной элитарности. Во всем мире в послевоенные десятилетия наблюдалась та же самая картина. В то же время у интеллигенции в советскую эпоху посредством разнообразных методов поддерживался своеобразный комплекс неполноценности. «Промежуточное» положение интеллигенции (прослойка) объясняло ее второстепенный статус в советском обществе. Утрата образовательного превосходства, социальной привлекательности, моральной авторитетности интеллигенции для других социальных групп, по мнению Б. Дубина, привели к поиску психологических компенсаторов, в качестве одного из которых выступила «миссионерская легенда» интеллигенции¹⁰. Представление об особой миссии интеллигенции в России включало радикализм «вечных» вопросов, сосредоточенность на идеализации прошлого в сочетании с отрицательным отношением к политическому действию и практической политике, демонстрацией идеологической ангажированности в противопоставлении себя власти¹¹.

Представляется, что другим компенсатором в той или иной степени выступали профессиональные ценности. На мой взгляд, диффамация профессиональных ценностей, происходившая в советской интеллигенции в 1950 – 1970-е годы, не носила все же тотального и фатального характера. Профессиональные принципы продолжали сохранять свое значение в силу специфики самой профессиональной деятельности. Существовали и формальные процедуры, поддерживавшие значимость этих принципов: регулярные аттестации, присвоение категорий, определенную роль играло и соцсоревнование. Я солидарна с Б. Дубиным в том, что обращение к профессиональным ценностям и стандартам является оптимальным способом нормализации статуса интеллигенции и ее объективной самоидентификации в современной России.

В последние годы предпринимаются активные попытки институционализации профессиональных интересов, возрождения традиционных для интеллигентных профессий принципов и ценностей, пересмотра отношений между профессиями и государственными органами. Процессы профессиональной институционализации тормозятся в большой степени трудностями социально-экономического характера. Информация о новых профессиональных достижениях, международных научных связях в разных областях, о создании новых профессиональных объединений перемежается в прессе сообщениями о забастовках, голодовках и других акциях протеста специалистов. Причем российская интеллигенция выступает как в защиту своих интересов (и не только материальных), но и в

защиту интересов своих клиентов и своей профессиональной сферы в целом. Очевидно, что российская интеллигенция вступила в новый этап своей социальной истории. Противоречивость этого этапа отражает общую противоречивость переходного периода, когда продвижение к демократии, установление формальных демократических институтов сочетается с доминированием патрон-клиентарных отношений, неформальных институтов, укоренившихся в российском обществе на протяжении длительного исторического развития.

Согласно материалам социологических опросов в 1993 году лишь 22% респондентов признали установившийся в России строй демократическим (против 52%), в 1995 году — 63% считали, что демократия в России необходима, а 73% отмечали, что находящиеся у власти компрометируют эту форму правления¹². Следует отметить некоторые нюансы: те респонденты, которые выдвигают на первый план в содержании демократии свободу, считают, что Россия идет по пути демократии, те же, кто акцентирует внимание на личной защищенности как определяющей компоненте демократии, отмечают, что для России — это дело далекого будущего. Опросы ВЦИОМ демонстрируют также, что в отношении к политике, демократии, в политических предпочтениях интеллигенцию трудно выделить в качестве отдельной группы. Впрочем, во все времена интеллигенция была гетерогенной, в особенности, в идейно-политическом плане.

Современные социологи относят интеллигенцию как социально-профессиональную группу к одному из компонентов российского среднего класса, обладающей в отличие от других групп этого класса особой системой ценностных ориентаций, в которой значимое место занимают ценности образования, личной профессиональной квалификации и уважения¹³. Известный социолог Е. Басина провела сравнительный анализ двух групп среднего класса — менеджеров и интеллигенции, и пришла к выводу, что первая группа проявляет крайний индивидуализм, который «оттормаживает у нее не только способность ставить и обсуждать проблему общего блага (без чего невозможно участие в политике), но даже и сам интерес к политической деятельности. Это ставит под сомнение политический потенциал и перспективы социального влияния данной группы»¹⁴. Интеллигенция же по-прежнему сохраняет широкий интерес к социально-политическим проблемам, способность обсуждать достаточно сложные вопросы на понятном народу языке. Проблематика вторых Астафьевских чтений дает немало материала для такого рода рассуждений. Анализируя судьбу демократии в России, В. Астафьев писал: «Ну не умеем мы, мы не научены иначе жить, и вся эта демократия русскому народу, что корове скаковое жеребячье седло. Он и сам, народ-то, словно телок, всю зиму, от самого рождения в хлеву проживавший на гнилой соломе, попав на весеннюю поляну, не может понять, что это такое, солнцем ослепленный, простором напуганный, не знает, то ль ему брыкаться

и бодаться начинать, то ль спокойно пастись, щипать травку. Лежал всю зиму под теплым брюхом мамы-коровы, тянул ее усохшие сосцы аж до крови, и уютно ему в хлеву было, и безопасно, и тепло. А тут эвон че, на волю выгнали со слабыми-то ногами, без практики и желания жить на воле и самому кормиться»¹⁵. Умение говорить на общественно значимые темы, «оставаясь при этом в круге близких основной массе населения символов и понятий» (Е. Басина) остается одним из важных ресурсов современной российской интеллигенции. Это одна из социальных ролей интеллигенции как актора политического процесса, обеспечивающего властное взаимодействие с государством.

Однако гетерогенность интеллигенции выражается и в том, что в ней всегда присутствуют люди, «обладающие мужеством отвергать подчинение, не стремясь к господству» (Б. Рассел); те, чье призвание «формировать общественные идеалы и пути их достижения» (Р. Арон), те, кого на Западе именуют интеллектуалами (*Intellectuelle, intellectual, intellektuellen*). Кстати, западные исследователи испытывают значительные трудности в поиске дефиниции интеллектуалов, которая бы устраивала всех. Э. Шилз определяет интеллигентов как «гомогенный интеллектуальный класс, закрытый для центров политической и социальной власти». Немаловажное место отводится в анализе интеллектуалов и их общественной роли: их умению генерировать идеи, влиять на общественное мнение, способствовать распространению новых идеалов и ценностей.

Не следует, на наш взгляд, преуменьшать значимость деятельности интеллектуалов, их непростых мировоззренческих конструкций и тех интеллектуальных, а нередко и социально-политических рецептов, которые они предлагают обществу. О той ответственности, которую интеллектуалы несут перед обществом, немало рассуждает известный британский социолог немецкого происхождения Р. Дарендорф: «Там, где они (интеллектуалы — Л. Ф.) хранят молчание, общество утрачивает свою будущность... Обязанность интеллектуала — высказывать свое мнение, то есть адресовать его тем, кто возвращается в жизненном круговороте».

¹ Астафьев В., Курбатов В. Крест бесконечный. — Иркутск, 2003. — С. 331.

² В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. Хрестоматия по истории российской общественной мысли XIX — XX веков. Ч. I — II. — М., 1994.

³ Овсянко-Куликовский Д. Н. История русской интеллигенции. — СПб., 1914.

⁴ Под акторами (субъектами) политики современная политическая наука понимает всех тех, кто принимает реальное участие во властном взаимодействии с государством, независимо от степени влияния на

принимаемые им решения и характер реализации государственной политики.

⁵ Интеллигенция и власть. Дискуссия в клубе «Свободное слово» // Полис. — 1992. — № 3.

⁶ Колеров М. Самоанализ интеллигенции как политическая философия. Наследство и наследники «Вех» // Новый мир. — 1994. — №8; Кстати, можно в связи с этим вспомнить слова К. Манхейма: «Люди, которые бы хотели верить в то, что все в нашей жизни может быть урегулировано в рамках привычного заведенного порядка, чувствуют раздражение, когда узнают о наличии в обществе групп людей, желающих выйти за рамки этого порядка. Они не понимают, что маленькие кружки интеллигенции, несмотря на многие присущие им недостатки, являются благодаря своей позиции аутсайдера в обществе основным источников вдохновения и динамичного воображения».

⁷ Интеллигенция и власть. Дискуссия в клубе «Свободное слово» // Полис. — 1992. — № 3.

⁸ Лихачев Д. С. О русской интеллигенции // Новый мир. — 1993. — № 2.

⁹ Наумова Т. Интеллигенция и пути развития российского общества // Социс. — 1995. — № 3. — С. 40.

¹⁰ Дубин Б. Интеллигенция и профессионализация // Свободная мысль. — 1995. — № 10. — С. 42 — 43.

¹¹ Там же. — С. 41 — 42.

¹² Гражданская культура в современной России. — М., 1999.

¹³ Андреев А. Л. Социальное ядро нации. Средние слои в современном российском обществе // Общественные науки и современность. — № 3. — С. 83.

¹⁴ Там же. — С. 84.

¹⁵ Астафьев В., Курбатов В. Крест бесконечный. — Иркутск, 2003. — С. 397 — 398.

С. С. Бойко

Москва

Роль координации политических акторов в эффективной репликации институтов

Современный этап развития российского общества многие российские и западные авторы характеризуют неразвитостью, слабостью прежде всего политических и экономических институтов. В этих работах институты понимаются в рамках неинституционального подхода, означая правила и нормы поведения, а также способы поддержания этих правил и норм¹, где последние — суть социальные конструкты, представляющие собой один из способов взаимной координации поведения акторов².

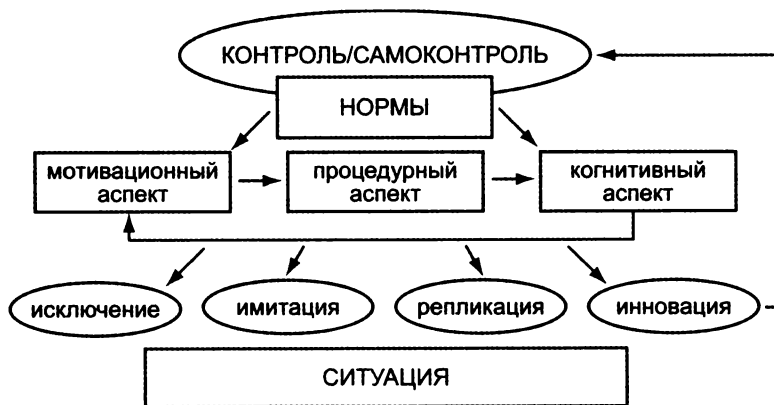
Однако в данных работах нет ответа на дилемму институционализма: почему институты присутствуют в социальном времени-пространстве достаточно длительно, и одновременно, подвержены постоянным изменениям? Один из вариантов разрешения этой дилеммы лежит в постулатах эволюционной теории экономических изменений, предложенной Ричардом Р. Нельсоном и Сиднеем Дж. Уинтером. Ими была введена концепция «рутины» для объяснения «нормального и предсказуемого в... поведении» субъектов, а также «те относительно неизменные предрасположения и эвристические методы при выработке стратегии... к стоящим... проблемам»³. При этом авторы данной концепции оговариваются, что рутина в их понимании относится как к «постоянно повторяющейся деятельности всей организации, к индивидуальному умению, или к бессобытийному эффективному функционированию на уровне индивидуума или организации»⁴. Другими словами, рутина — это регулярные и стандартизированные действия индивидуумов в типичных ситуациях. Они позволяют снизить издержки поиска и переработки информации в условиях ограниченной рациональности индивидов в ходе социального взаимодействия.

Под ситуацией обычно понимается дискретный фрагмент процесса, ограниченный пространственно-временными рамками. Таким образом, социальная ситуация — это дискретный фрагмент социальных процессов, ограниченными пространственно-временными рамками, а политическая ситуация в свою очередь — дискретный фрагмент политического процесса. Политическая ситуация отражает состояние политической системы в конкретных пространственно-временных рамках. (...). В этом смысле политическая ситуация имеет как статистическую, так и процессуальную характеристики, представляя собой не просто «моментальное фото», схватывающее мгновение, а политический процесс в рамках определенного состояния системы⁵.

Статика рутин характеризуется когнитивными, процедурными

и мотивационными аспектами. Когнитивный аспект заключается в сохранении и передаче социальной памяти путем постоянного воспроизводства в деятельности, то есть посредством регулярности и повторяемости практик. Процедурный аспект рутины — это определенный порядок регулярно воспроизводимых действий. Мотивационный аспект рутины лежит в преодолении внутреннего конфликта интересов посредством достижения консенсуса. Динамика рутин обусловлена контролем над их соблюдением, репликацией и имитацией удачных форм, а также способностью к сокращению неудачных форм и инноваций. Контроль осуществляется как участниками социального взаимодействия (т. е. — самоконтроль), так и со стороны норм и других внешних институтов.

Рутины составляют внутреннее содержание института, тогда как внешнее составляют правила и нормы. Последние представляют собой общезначимые формулировки о том, как следует себя правильно вести. Они могут быть зафиксированы как письменно, так и в устной форме. Наша гипотеза состоит в том, что сила или слабость институтов, а также степень контроля нормативного долженствования для группы людей в их рамках во многом зависит от существующих рутин.

Рассмотрим данную теоретическую схему на примере процессов трансформации старых и становления новых институтов. В современной России мы наблюдаем три ведущих агента изменений институтов. Это государство, бизнес и «третий сектор» — сети некоммерческих и негосударственных организаций (НКО/НГО). Согласно нашей гипотезе, неудачи институциональных изменений

происходят из-за инерции существующих рутин. Другими словами, институты инертны и меняются по собственным законам вследствие изменения рутин. Рутин же меняются в зависимости от ситуации (в сторону эффективности), поэтому внешние воздействия на институты затруднены. Попытки политиков и бюрократов изданием законов и постановлениями изменить существующие институты наталкиваются на сопротивление существующих рутин. Это приводит к возникновению эффекта диссонанса между внешним и внутренним содержанием института.

Базовой единицей российского бизнеса стали интегрированные бизнес-группы (ИБГ). Их становление в 1991 – 1998 годах связано с тем, что участие в собственности само по себе не приносило и не приносит ощутимых выгод, а более важным является прямой управленческий контроль над активами и финансовыми потоками. В этих условиях ИБГ стремились к максимальной самодостаточности, включая все необходимые институциональные структуры – банки, страховые компании, исследовательские институты, пенсионные фонды и т. д. – в свои рамки. Стремление к самодостаточности приводит к возникновению замкнутых систем, стремящихся к минимизации рисков от взаимодействия с другими локальными экономическими порядками. Это, в свою очередь, ведет к консервации сложившихся рутин и их невосприимчивости «новым» институтам, внедряемым государством.

Однако по мере включения ИБГ в международные рынки им приходится адаптироваться к существующим там институтам и рутинам. Так, в 1999 – 2002 годах стремление к получению иностранных инвестиций вынудило НК «ЮКОС» по мере выхода на фондовый рынок США перейти к активной дивидендной политике, создать независимый от менеджмента компании интернациональный совет директоров, перейти на международные стандарты бухгалтерского учета и отчетности, раскрыть информацию о собственниках компании⁶. Все это ведет к существенному изменению рутинного функционирования данной компании. В дальнейшем адаптированные «новые» институты и рутины будут реплицированы другими акторами, которые изберут схожую экономическую политику. Таким образом, потенциал ИБГ по производству «новых» институтов посредством репликации или инновации видится нами довольно значительным. Следует оговориться, что данные институты не будут идентичны изначальным моделям.

Особенно явственно это проявилось при формировании «третьего сектора» – сетей негосударственных и некоммерческих организаций, которые рассматриваются зачастую как ведущий агент демократической модернизации российского общества. Это довольно мощные сети, состоящие по некоторым оценкам из 350 тысяч НГО/НКО, которые оказывают бесплатные услуги 20 млн. россиянам на сумму 12 млрд. рублей⁷. Дефрагментация данного социального порядка обусловлена тем, что основное финансирование

осуществляется зарубежными некоммерческими благотворительными фондами и организациями. Зарубежные инвестиции не ограничиваются только финансовыми аспектами. Важны также те «новые» институты и рутины, которые реплицируют и имитируют российские НГО/НКО в ходе своего взаимодействия с зарубежными «донорами». Это различные конкурсные процедуры, социальные технологии, применяемые на Западе. Однако структурно данный институт построен в виде вертикального взаимодействия, близкого к связям типа «патрон-клиент»⁸. Горизонтальные связи НГО/НКО на основе разделяемых общих целей слабы или зачастую отсутствуют. С другой стороны, слабость так называемого «межсекторного» взаимодействия стала притчей во языцех среди активистов сетей НГО/НКО. Таким образом, потенциал сетей НГО/НКО по производству «новых» институтов посредством репликации или инновации существенно ограничен в силу замкнутости на своих «донорах» и адресатах помощи.

На примере Пермской области мы можем отметить более удачный опыт репликации институтов и связанных с ними рутин. Это связано с введением института социального заказа и связанных с ними рутин — подготовка конкурсной документации, поэтапная реализация проекта, четкий контроль за расходованием средств — в начале 1990-х годов на уровне города, а затем — на областном уровне. Важным в эффективности репликации данных институтов и рутин стало взаимодействие трех типов акторов — ИБГ, власти и НКО/НГО. В этом плане пермский случай является важным для выявления факторов, которые способствуют удачной репликации институтов.

Таким образом, выявленная зависимость функционирования институтов от существующих рутин ставит вопрос о необходимости учитывать внутреннее содержание институтов при проведении институциональных реформ, проводимых в современной России, учитывая при этом структуру и характер интеграции институтов в социальных порядках. Проведенный анализ показывает, что современное российское государство, бизнес и «третий сектор» не справляются с интеграцией инноваций. Это выражается в диссонансе внешней иерархии институтов социальных порядков с рутинными, действующими внутри них.

¹ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. — М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

² Тевено Л. Рациональность или социальные нормы: преодоленное противоречие? // Экономическая социология [Электронный ресурс]: электронный журнал. Т. 2. — 2001. — № 1. — С. 88 — 122. — Режим доступа: www.ecsoc.msses.ru.

³ Нельсон Р. Р., Уинтер С. Дж. Эволюционная теория экономических изменений. — М.: Дело, 2002. — С. 36.

⁴ Ук. Соч. — С. 140.

⁵ Красильников Д. Г. Межсистемные политические ситуации в России в XX веке: проблемы теории и истории. — Пермь: Изд-во Перм. Ун-та, 2001. — С. 115.

⁶ Российская промышленность: институциональное развитие. Вып. 1. — М.: ГУ-ВШЭ, 2002. — С. 51.

⁷ Алексеева Л. М. «Третий сектор» и власть // ОНС 2002. — № 6. — С. 54

⁸ Sarah L. Selling Civil Society: Western Aid and the Nongovernmental Organization Sector in Russia // Comparative political studies. Volume 35, no. 2. — March 2002. — P. 142 — 143.

В. О. Шадрин
Пермь

Советская идеология и рок-культура: проблема отношений

Конфликт рок-культуры и власти относится к категории малоисследованных проблем в истории СССР. Несмотря на всплеск интереса к проблематике рок-культуры, имевший место в конце 1980-х — начале 1990-х годов, так и не было выработано единых методологических подходов к изучению рок-культуры в советском обществе. Кроме того, интерес к рок-культуре породил целый ряд социологических, искусствоведческих работ, но при этом не было уделено должного внимания осмыслению исторической роли рок-культуры как явления в рамках советской истории, ее значения и роли в этой истории.

Характерно, что большинство исследователей не ставили перед собой задачу рассматривать отношения рок-культуры и власти в советском обществе, предполагая как само собой разумеющееся давление власти на рок-культуру, без серьезного анализа причин и структуры взаимоотношений власти и рок-культуры в СССР. Помимо этого, так и не было выработано четкого ответа на вопрос о причинах неудачи власти в СССР в борьбе с рок-культурой.

Для ответа на этот вопрос необходимо обозначить, прежде всего, причины конфликта. Речь в данном случае идет о противоречиях между системой ценностей, характерной для советской идеологии, и системой ценностей, лежащих в основе рок-культуры. Основопологающие черты советской идеологии, такие как коллективизм, приоритет общественных интересов перед личными интересами, ведущая роль государства в общественной жизни, входили в явное противоречие с ценностями западной рок-культуры. К этим ценностям относятся крайний индивидуализм, гуманизм, приоритет свободы самовыражения в творчестве, плюрализм суждений и нигилизм. Эти специфические черты рок-культуры своими корнями уходят в западное мировоззрение, основанное на идеологии либерализма.

Таким образом, конфликт между рок-культурой и властью в СССР был предопределен. При этом власть, понимая антисистемную сущность рок-культуры, не вполне отдавала себе отчет, с каким явлением она столкнулась.

Прежде всего отсутствовало представление о рок-культуре как о системном социокультурном явлении. С точки зрения советской идеологии существовала не рок-культура, а отдельные ее компоненты. На уровне советской идеологии рок-музыка и связанные с ней иные формы искусства (молодежные субкультурные течения) рассматривались как самостоятельные явления. Если и признавалась существование взаимосвязи между ними, то ей не придавалось должного значения. Более того, не было понимания, что все эти явления

объединяет система мировоззрения, характерная для рок-культуры в целом. Это приводило к тому, что единой политики по отношению к рок-культуре в целом в СССР так и не сложилось.

В противоположность этой позиции отношение к рок-культуре строилось в рамках отношений к западной культуре в целом. Несмотря на то, что рок-культура на Западе выступала как контркультура, с одной стороны, и как часть массовой культуры с другой, советская идеология, оценивая западную культуру, игнорировала изменения, произошедшие в ней ко второй половине XX века. В отношении советской идеологии к западной культуре основополагающим оставался подход, сформулированный В. И. Лениным. Речь идет о признании существования в любой национальной культуре (что автоматически переносилось на всю западную культуру) двух начал: буржуазного, идущего от правящего класса, и демократического, идущего от угнетаемых классов. Таким образом, западная культура превращалась в глазах советских идеологов в арену классовых борьбы.

Применительно к рок-культуре данная идеологическая позиция означала, что в каждом ее компоненте, будь то рок-музыка или молодежные субкультурные течения, присутствуют оба начала. К примеру, рок-музыка может делиться на «хорошую», исходящую от низов, и «плохую», выступающую как средство манипуляции молодежью со стороны буржуазии. Цель буржуазии в данном случае заключается в отвлечении молодежи от насущных политических проблем, классовой борьбы.

Подобная позиция приводила к искусственному делению рок-культуры. Это, в свою очередь, исключало возможность адекватного восприятия рок-культуры, ее оценки, а значит, и выработки по отношению к ней единой системы политических мер.

Исходя из вышеизложенных аспектов отношений к рок-культуре как таковой стороны советской идеологии, отношение к формированию рок-культуры в СССР становилось еще более сложным. Само появление отечественной рок-культуры (хотя речь шла о ее компонентах), исходя из вышеизложенных идеологических позиций, могло произойти только в результате целенаправленного воздействия западной буржуазии. Распространение западной рок-музыки в СССР пресечь было практически невозможно, да и неоднозначная ее оценка со стороны советской идеологии исключала такую возможность.

Существование молодежного протеста в СССР выглядело нелогичным, а значит, появление молодежных субкультурных течений, связанных с рок-культурой, могло произойти лишь в результате распространения буржуазной идеологии. Появление, к примеру, отечественных хиппи рассматривалось однозначно как «низкопоклонство перед Западом». Однако поскольку четких критериев принадлежности к молодежным субкультурным течениям не существовало (невозможно определить грань между модой и

символической субкультурного течения), борьба с ними становилась весьма сложной.

Что касается рок-музыки, то непонимание связи ее с системой ценностей рок-культуры приводило к тому, что она рассматривалась сугубо как музыкальный жанр. И хотя сам термин «рок-музыка» был под запретом, в принципе ее исполнение не преследовалось, если она соответствовала требованиям, предъявляемым к советскому искусству в целом. Эти требования заключались в идейности и высоком художественном уровне. Ситуация в значительной степени осложнялась тем, что четкой, а главное практически применимой, формулировки этих требований не было.

В результате система противодействия рок-культуре была лишена цельности, системности. Вопросы о конкретных мерах и действиях в отношении рок-культуры решались не на уровне государственной политики, а на уровне каждого конкретного управленца. Как следствие: давление на рок-культуру не достигло своей цели. Советская рок-культура не только не была уничтожена, но и продолжала успешно развиваться, а ценности, лежащие в ее основе, активно воспринимались советской молодежью. Это — в свою очередь — способствовало утверждению в общественном сознании западных либеральных ценностей и кризису советской идеологии.

П. Ю. Кузнецова
Пермь

Советское государство как инструмент модернизации: функциональный кризис 1980-х годов

Модернизацию в широком смысле рассматривают как процесс, посредством которого традиционные аграрные общества трансформируются в современные, индустриальные, как социально-экономически-технологическую революцию, которая радикально меняет всю жизнь общества¹. Модернизация, являясь комплексным процессом, захватывает различные сферы общественной жизни — экономическую, социальную, политико-правовую, культурную. Данный переход приводит к появлению передовых индустриальных технологий, а также соответствующих им политических, культурных, социальных механизмов, позволяющих указанные технологии поддерживать, использовать и управлять ими².

Одним из главных достижений модернизации являлось не только появление новых технологий и изменения в средствах производства, но и коренное преобразование общества. Каждое крупное техническое достижение, по мнению Т. Сакайя, приводило к тому, что социум все более отвечал характеристикам, свойственным индустриальному обществу³. Индустриальная революция создала интегрированную социальную систему со своими особыми технологиями, со своими собственными социальными институтами и своими информационными каналами⁴.

Для общества, развивающегося по пути модернизации, было характерно становление иерархической социально-политической структуры, в которой важнейшую роль играла бюрократия, управляющая организациями на принципах рациональности, квалификации и эффективности. Безусловно, что бюрократия как социально-политический институт существовала и в государствах традиционного типа. Однако в условиях перехода от традиционного общества к индустриальному именно она взяла на себя роль интегратора между различными социально-экономическими и политическими структурами.

М. Веберу принадлежит блестящее обоснование того, что бюрократическое управление являлось неотъемлемым элементом модернизации. Он создал теорию бюрократической организации как высшего воплощения капиталистической рациональности. В данном случае бюрократия выступала как рационально организованная система управления, следующая четко разработанным правилам и предписаниям, которая в процессе своей рационализации проходит различные стадии, становясь все более дифференцированной, функционально специализированной и корпоративной⁵. Общим результатом этого процесса становится усиление технических

возможностей бюрократии, степени ее контроля над инструментами управления. В этом отношении, считал Вебер, капитализм является ускоряющим колесом бюрократизирования хозяйства, поэтому бюрократизация общества когда-нибудь одолеет капитализм⁶.

С точки зрения М. Вебера, в самом завершенном виде бюрократия выступила на Западе. Поэтому у ряда исследователей возникло мнение, что концепция М. Вебера приложима только к анализу капиталистической бюрократии. Однако, по мнению Д. Белла, для М. Вебера нет разницы, на какой основе организована экономическая система: капиталистической или социалистической. Если в последнем случае достигнут сопоставимый уровень технической эффективности, это означало бы невероятный рост значения профессиональных бюрократов⁷. Распространение технических знаний, повышение значения управляющего на производстве и бюрократа в правительстве означало для М. Вебера новую форму господства. Следовательно, отмечает Д. Белл, для М. Вебера капитализм и социализм не были противоположными системами, а двумя разновидностями единой системы — бюрократии⁸. Она же получает свое максимальное развитие на определенной стадии рационализации общества.

Таким образом, бюрократия предстает как необходимая форма организации общества, которая в силу своей рациональности может осуществлять эффективную связь между общественно-политическими институтами и экономической системой в условиях модернизации.

Бесспорно, что пути модернизационного развития западных стран и России существенно различались. В России инициатором и организатором перехода от традиционного общества к индустриальному являлось государство. Если на Западе модернизация осуществлялась естественно, как результат имманентного развития, то импульсы для российской модернизации исходили извне. По мнению В. А. Красильщикова, это являлось основанием форсированного прохождения того пути социально-экономического и политического развития, который западные страны преодолевали за более длительный период⁹.

Российская модернизация была прервана первой мировой войной. Большевикам, пришедшим в 1917 году к власти, пришлось решать проблему дальнейшей модернизации страны, проведения, в первую очередь, аграрной реформы и индустриализации. Поэтому советская модернизация реализовывалась в форме коллективизации сельского хозяйства и индустриализации промышленности. Следовательно, «коммунизм» представляется не следующим этапом истории, а одним из альтернативных способов модернизации, главной составляющей которой являлась индустриальная революция. К целям советской индустриальной революции можно отнести: внедрение и совершенствование новых технологий, достижение паритета с более развитыми странами по ряду ключевых параметров, в первую очередь,

военно-технологических, и моделирование новой социальной структуры общества, отвечающей требованиям строительства новой общественно-политической системы.

В действительности индустриальная революция в СССР повлекла за собой появление новых технологий и изменения в средствах производства, позволила вырваться стране в промышленно развитые державы мира и привела к коренному преобразованию общества, в котором сформировались индустриальные социальные институты.

Одним из них явилась советская бюрократия, которая, с одной стороны, отвечала многим характеристикам бюрократии «веберовского» типа, но с другой — обладала безусловным своеобразием. Как и на Западе, советская бюрократия была призвана осуществлять эффективную связь между общественно-политическими институтами и экономической системой. С точки зрения Э. Мандела, фундаментальная параллель между капиталистическим и советским бюрократическим управлением состояла в том, что оба своими особыми путями добивались сочетания технологических нововведений с механизмами обеспечения или усиления контроля за трудом на уровне производства¹⁰. Функционирование этих механизмов и осуществляла бюрократия.

Однако советская бюрократия обладала целым рядом особенностей, возникших вследствие доминирующей роли государства в процессе модернизации. Государство в лице своих руководителей под давлением внешних и внутренних обстоятельств выступало субъектом модернизации, давало импульс модернизационным процессам и одновременно формировало новый вид бюрократии в качестве инструмента модернизации. С точки зрения М. Джиласа, советская бюрократия — «новый класс», который сформировавшись в ходе революционной индустриализации и полностью распоряжаясь национальными ресурсами и материальными источниками, был способен собственный духовный потенциал и силы народа направить на осуществление задач модернизации страны¹¹.

На первых этапах советской модернизации этот класс действовал при помощи политических рычагов воздействия, но со второй половины XX века в силу усложнения управления обществом начала формироваться технократическая система государственного управления в целом. Это было связано с тем, что в социалистической системе в процессе индустриализации возникали новые принципы организации общества и производства. Одним из их являлся принцип специализации труда. Специализация сопровождалась ростом профессионализации во всех областях жизни общества. В каждой специализированной стране возникала своя ментальность и свои групповые принципы. Постепенно господствующее положение в обществе приобретают специалисты с технократической ориентированностью, которые утверждают свою власть на всех уровнях управления.

По мнению Д. Белла, в основе данного процесса находилось три главных изменения: модернизация промышленного предприятия; перемены в профессиональной структуре, вызванные расширением технического и профессионального слоя; трансформация политической системы вследствие распространения государственной бюрократии и повышения роли технократов¹². По мнению ряда исследователей, распространение власти технократии на принятие политических решений создает угрозу развитию общества. Характер принимаемых политических решений становится технократическим, что ограничивает возможность развития гуманитарной сферы.

На рассматриваемой индустриальной стадии развития общества социалистическая система представляет собой, прежде всего, мобилизованное общество. В нем все ресурсы страны сосредоточены на приоритетных направлениях и подчинены запланированным экономическим изменениям. Это не может не оказывать влияния на политическое развитие и на характер принимаемых политических решений¹³. Технократия, в свою очередь, сфокусирована, прежде всего, на эффективности — производства, программ, решений текущих вопросов в области администрирования и экономики. Ее тип мышления акцентирован на практических, технических, логических подходах к разрешению проблем модернизации страны. Следовательно, советские бюрократы стали осознавать себя прежде всего как менеджеры, главной задачей которых, по выражению Э.Тоффлера, была интеграция. Она, а не собственность на средства производства, помогла технократам получить власть¹⁴.

Без интеграторов, координирующих экономическую систему, управляющих производственным процессом, части общественной системы не могли взаимодействовать. В условиях отсутствия нормального рынка советское государство, а инструментально — бюрократия определяла, какая часть общественного продукта направляется на развитие производства и потребление, решала, каким путем должна развиваться экономика. Однако произвол бюрократического поведения ограничивается, с одной стороны, опасением появления диспропорций в экономике, а с другой — давлением со стороны мирового капиталистического рынка¹⁵.

Таким образом, бюрократия в условиях отсутствия развитых рыночных отношений и в ситуации форсированного индустриального развития являлась своего рода заместителем рынка, с помощью которого действовала вся общественная система. Кроме того, технократическая ориентированность отвечала необходимости модифицирования методов управления обществом, приспособления КПСС к изменяющимся условиям, в частности, к проблемам научно-технического прогресса.

Постепенно технократы завладели «средствами интеграции», а отсюда и браздами правления в сферах социальной, культурной, политической и экономической жизни. Создалась ситуация, когда индустриальные страны, будь то капиталистические или

социалистические, не могли существовать без мощной иерархии интеграторов. Эта иерархия имела пирамидальный характер — небольшая управляющая группа наверху и множество постоянно действующих функциональных отделов внизу. Используя схему Тоффлера, можно сказать, что сформировалась структура, состоявшая из субэлит, элит и суперэлит. К субэлитам относятся специализированные элиты различных ведомств. Они объединены в сводные элиты, членство в которых не зависит от специализации (КПСС) и которые являются связующим звеном между субэлитами и суперэлитами. Эта связь позволяла суперэлитам получать достоверную информацию и руководить субэлитами. Сама же суперэлита являлась главным интегратором, определяющим границы, в которых действовала индустриальная система¹⁶. В СССР к суперэлите относятся, прежде всего, ЦК КПСС, Совет Министров и Госплан. Именно эти структуры определяли все тенденции политического и социально-экономического развития в государстве.

Данная иерархичная структура технократии являлась основной формой организации, так как объективно отвечала проблемам модернизационного развития общества. Все лица, входящие в структуру интеграторов, действовали по строго установленным правилам, являясь частями одного механизма — государства. Частью государства и одной из составляющих иерархии интеграторов была КПСС. Высший круг партийного руководства, находясь на верху управленческой пирамиды, опираясь на партийный аппарат и через него передавая директивы партийным комитетам, которые таким же образом действовали по отношению к партийным организациям, обеспечивал мобилизацию ресурсов на выполнение народнохозяйственных планов и выполнял функцию мотивации экономического развития. Однако такая форма управления находилась в тесной зависимости от двух факторов: необходимости мощного потока достоверной информации с нижнего уровня наверх и относительно однородного характера требуемых решений. Вследствие исчезновения этих факторов иерархия становится неэффективной.

Не менее важным фактором для функционирования мощного отряда интеграторов является стремление государства к мобилизации всех ресурсов для форсированного индустриального развития. Однако при усложнении экономических механизмов взаимодействия и росте масштабов экономики структура интеграторов все более разветвляется, а соответственно растет объем информации и энергии, затрачиваемых для поддержания ее функционирования. Как следствие, процедура принятия решений опускается на нижний уровень в соответствии с тем, что система теряет способность реагировать на стремительно изменяющуюся среду.

В период расцвета советской административно-командной системы (1930 – 1940-е годы) права собственности полностью концентрировались в руках высшего партийного и хозяйственного

руководства. Но хозяйственная реформа Н. С. Хрущева 1957 года подорвала позиции центральной власти на местах, повысила экономическую роль регионов и привела к укреплению региональной элиты¹⁷. Экономическая реформа 1965 года, хотя и вернула народное хозяйство к отраслевому принципу управления, являлась попыткой эволюционного изменения системы прав собственности в промышленности. Она, дав предприятиям некоторую экономическую самостоятельность, возродила их рыночную природу, и постепенно основным экономическим агентом стали не министерства, а объединения и крупные предприятия. В конце 1960-х годов началось постепенное свертывание косыгинской реформы, и вновь на смену экономическим рычагам пришли командно-административные.

К концу 1970-х годов советская экономика погрузилась в серьезный кризис: громадные инвестиции в строительство промышленных предприятий, в амбициозные проекты вроде поворота стока северных рек на юг, в Среднюю Азию, не давали отдачи, нарастал «долгострой», в промышленности широко использовался ручной и неквалифицированный труд, что приводило к нехватке трудовых ресурсов, особенно в строительстве и в ряде отраслей промышленности. Менее заметными, но не менее опасными стали негативные тенденции в экономике страны, вызванные гонкой вооружений. Огромные ресурсы направлялись в «черную дыру» ВПК¹⁸.

При усилении кризисных явлений активно развивались неформальные экономические взаимодействия между предприятиями, возникшие в ходе косыгинских преобразований, которые осуществлялись как в целях получения личного дохода, так и в общественно оправданных целях. За их счет руководителям предприятий удавалось каким-то образом создать достаточно стабильную экономическую ситуацию для реализации государственных планов, с одной стороны, и усовершенствовать социальную политику предприятия, с другой.

Итогом стало формирование экономики согласований — административно-бюрократического рынка, который при отсутствии нормальных рыночных отношений создавал условия для продолжения модернизации СССР. Как отмечал В. Найшуль, административно-бюрократический рынок строился на обмене — торговле не только материальными ценностями, но и властью, положением в обществе и всем, что имело какую-либо ценность. В рамках этой системы взаимодействие осуществлялось как органами власти, так и отдельными лицами¹⁹. Формально система оставалась жесткой, административно-командной, подчиненной ЦК, Госплану и т.д. На деле же «сильные» директора, секретари обкомов КПСС имели неформальное и значительное автономное влияние²⁰. В кризисных условиях административно-бюрократический рынок являлся основным способом, регулирующим и самонастраивающим советскую экономическую систему.

Административно-бюрократический рынок, являясь наиболее эффективным способом продолжения модернизационных процессов и регулирования общественной жизни, привел к изменению функций бюрократии в обществе и государстве. Как отмечал А. Вишневский, модернизация советского времени ускорила формирование новых региональных элит, однако лишь в той мере, в какой это соответствовало ее инструментальным целям²¹. В 1960 – 1980-е годы произошло масштабное усиление роли региональной номенклатуры. Региональная бюрократия освободилась от тотальной диктатуры централизованного государственного управления, не желая более являться лишь инструментом модернизации. Из рук все того же государства она получила реальные рычаги управления регионом, что расширило объем ее властных полномочий. Это предопределило второе изменение.

Как отмечал М. Джилас, главным противоречием положения «нового класса» являлось то, что он не имел юридических прав на собственность, которой в полной мере распоряжался²². В результате функционирования административно-бюрократического рынка произошло усиление экономической мощи региональной элиты, которая фактически распоряжалась объектами государственной собственности. Однако бюрократии требовалось получение юридических прав на государственную собственность. В рамках этих противоречий перестройка являлась закономерным результатом борьбы частного и государственного начал предприятий. В ходе ее реализации произошел переход от совокупной государственной собственности (которой владела номенклатура как целое) к частнобюрократической²³. Одновременно перестройка представляет собой последнюю и безуспешную попытку продолжения советской модернизации на основе административно-бюрократического рынка.

Кризис данной экономической модели, возникший вследствие серьезных диспропорций в экономике из-за многолетней гонки вооружений и развития только приоритетных отраслей народного хозяйства, а также внутренней потребности самой бюрократии перейти от роли интеграторов к роли действительных собственников производства, привел к краху советского способа модернизации. Следовательно, в период ослабления советской системы, в ходе фактического перераспределения правомочий от Центра к региональной и отраслевой бюрократии, последняя поставила сама себе предел развития в рамках советской системы.

Структурная перестройка советской экономической системы путем внедрения административно-бюрократических рыночных механизмов натолкнулась на политические и экономические барьеры, что привело к необратимой трансформации бюрократии и крушению социалистической системы. В дальнейшем на основе прежней номенклатуры началось формирование российских политической и экономической элит, которые в полной мере соединили в своих руках власть и собственность.

Таким образом, главным основанием для функционального кризиса 1980-х годов являлось несоответствие между формами бюрократической деятельности и усложнившейся социально-экономической ситуацией в обществе и государстве. С усовершенствованием технологий, усложнением производственного процесса от бюрократии требовались более прогрессивные методы управления экономикой и обществом в целом. Но прежняя технократия, интегрированная в управленческие структуры, изжив свой потенциал, переняла бюрократические, «чиновнические» нормы и способы деятельности. Вероятно, что в усложнившемся обществе требовалось повышение роли государства, но не как диктатора, а в качестве генератора социально-экономического развития в условиях научно-технического прогресса. На этом пути стояли давние традиции административно-командной экономики и сама бюрократия, которая фактически освободилась от роли «инструмента» модернизации и стремилась перейти на качественно иные позиции. Разрастание бюрократических структур на уровне регионов, неспособность субъектов верховной власти эффективно управлять обществом привели к дезинтеграции экономики, а соответственно — краху советской модели модернизации и советской общественно-политической системы в целом.

¹ Красильщиков В. А. Вдогонку за прошедшим веком. Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. — М., 1998. — С. 17.

² Опыт Российских модернизаций XVIII — XX века. — М., 2000. — С. 5.

³ Сакайя Т. Стоимость, создаваемая знанием, или История будущего // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. — М., 1999. — С. 355.

⁴ Тоффлер Э. Третья волна. — М., 1999. — С. 78.

⁵ Смольков В. Г. Бюрократизм. // Социс. — 1999. — №2. — С. 40.

⁶ Вебер М. Аграрная история Древнего мира. — М., 2001. — С. 390.

⁷ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. — М., 1999. — С. 89.

⁸ Там же. — С. 90.

⁹ Красильщиков В. А. Вдогонку за прошедшим веком. Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. — М., 1998. — С. 17.

¹⁰ Мандел Э. Власть и деньги. Общая теория бюрократии. — М., 1992. — С. 39.

¹¹ Джилас М. Лицо тоталитаризма. — М., 1992. — С. 97.

¹² Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. — М., 1999. — С. 103.

¹³ Там же. — С. 478.

¹⁴ Тоффлер Э. Третья волна. — М., 1999. — С. 124.

¹⁵ Мандел Э. Власть и деньги. Общая теория бюрократии. — М., 1992. — С. 29.

¹⁶ Там же. — С. 125.

¹⁷ Нуреев Р. М., Рунов А. Б. Назад к частной собственности или вперед к частной собственности? // Общественные науки и современность. — 2002. — № 5. — С. 3.

¹⁸ Пихоя Р. Г. Советский Союз: История власти. 1945 — 1991. — М., 1998. — С. 369.

¹⁹ Найшуль В. Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину. — М., 1991. — С. 31.

²⁰ Гайдар Е. Государство и эволюция. — М., 1995. — С. 126.

²¹ Вишневский А. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. — М., 1998. — С. 298.

²² Джилас М. Лицо тоталитаризма. — М., 1992. — С. 223.

²³ Нуреев Р. М., Рунов А. Б. Назад к частной собственности или вперед к частной собственности? // Общественные науки и современность. — 2002. — № 5. — С. 4.

Н. В. Шушкова
Пермь

«Наше дело — дача» (интеллигент и политика в современной России)

Интеллигентский этос традиционно включает заботу о благе народа — весьма сложную нравственную конструкцию, включающую в себя, как минимум, несколько элементов. Первый из них — чувство дистанции по отношению к работникам физического труда как к иным людям, обладающим детскими чертами. Именно поэтому они нуждаются в опеке в решении повседневных проблем. Им полагается все объяснить и дать верный совет. Второй элемент касается отношений с властью, отчужденной и от народа, и от интеллигенции. Заботиться о народе это значит защищать его от бюрократии, или, в ином варианте, оказывать воздействие на бюрократию, заставляя ее быть более человечной, более гуманной в отношениях с простыми людьми. Иначе говоря, забота о людях входит составной частью в большой просвещенческий проект, существованием которого интеллигенция оправдывает свою общественную миссию.

В настоящий момент с большой долей уверенности можно предположить, что российская интеллигенция (само)устранена из активной экономической и политической жизни в современной России. Несомненно, остаются попытки морализаторства по поводу совершающихся перемен, но активное действие со стороны указанной группы отсутствует.

Проиллюстрируем данное утверждение на конкретном примере. Для этого возьмем в качестве рабочего определения интеллигенции следующее: интеллигенция — это социальная группа, комплектуемая по образовательным и профессиональным признакам, в обществе внеэкономического типа. Интеллигент — человек, имеющий высшее образование, занятый высококвалифицированным трудом в сфере образования, медицины, науки, производства. Такое определение не затрагивает социопсихологические проблемы самоидентификации, тем не менее, вполне пригодно для социологического изучения данного сюжета.

Исследование межнациональных отношений, проведенное летом 2000 года в Перми¹, показало, что у интеллигенции по-прежнему присутствует свое, особое видение социальной ситуации, сугубо критичное по своему содержанию. Однако в групповом сознании интеллигенции значительно слабее, нежели прежде, присутствуют проекты изменения ситуации, кроме возвращения к отдельным, изъятым из общего контекста, идеализированным формам прежней социальной жизни. Причем само это возвращение рассматривается как маловероятный подарок со стороны верховной власти — без какой-либо активности со стороны самой интеллигенции. («Что мы можем?»)

В частности, представители интеллигенции по сравнению со всеми другими группами, за исключением, пожалуй, молодежи, менее всего участвуют в выборах — как в качестве избирателей, так и в качестве «группы поддержки» кандидатов. Далее, они менее других склонны поддерживать политические партии, объединения, общественно-политические движения. Даже единичные акции политического протеста не представляются им достойными участия.

Указанный факт свидетельствует об определенном «отгораживании» среднего российского интеллигента от нового общественного устройства. Интеллигенция сегодня оказывается одной из традиционалистских общественных группировок. Ее социальные идеалы принадлежат прошлому. Она сохраняет притязания на прежний высокий социальный статус, не обеспеченные, однако, наличным социальным положением. Интеллигент все более замыкается в частной, приватной сфере — выражая именно здесь свою общественно-политическую позицию.

Участие в современной политике представляется интеллигенту делом недостойным, порочащим репутацию. Человеческие, культурные законы, воспроизводимые российской интеллигенцией, в политике ничего не значат, поэтому возникает стремление дистанцироваться от продажных политиков, противопоставить себя им. Резко осуждаются те, кто «наживы ради» сами участвуют в политике, либо поддерживают других.

Сфера современной политики чужда интеллигенту. С другой стороны, политики, и это особенно явственно проявляется во время предвыборных кампаний, также стремятся исключить из сферы своей работы избирателей-интеллигентов. Ставка делается прежде всего на «верных» пенсионеров. Интеллигент не опасен, он просто неудобен, ненадежен. В избирательных технологиях, в большинстве своем довольно примитивных, отсутствуют эффективные методы агитационной «вербовки» интеллигента.

Однако интеллигент готов легко обманываться, увидев в рекламных текстах ключевые слова: «духовность», «образование», «нравственность» или декларацию о заинтересованности в их мнении и подъеме заработной платы. В этом случае срабатывает традиционное желание интеллигента быть признанным народом (властью). Возникает образ политика, проявляющего внимание к детям — а, значит, и к образованию, науке, к социальной сфере — а, значит, и к бедам самих врачей, учителей, преподавателей. Критичность здесь заменяется «доверием», но основания выбора того или иного кандидата не имеют отношения к интеллигентной субкультуре. Более того, они не имеют отношения и к политической сфере — речь идет о наивном прагматизме, к тому же не доведенном до логического конца. Типичный интеллигент «болеет» за своего кандидата, не выходя к избирательному участку.

Таким образом, сегодняшняя городская интеллигенция не обладает политической силой, не является носителем действенных

общественно-политических альтернатив. Она оказывается в положении «дачника» — бывшего игрока, покинувшего площадку, замкнувшегося в частной жизни, недоброго, бессильного и стороннего наблюдателя за чужим действием.

¹ Социологическое исследование под руководством доктора исторических наук, профессора Лейбовича О. Л. (ПГТУ). Время полевых исследований — июль-август 2000 года в Перми. Выборка квотная по демографическим параметрам (пол, национальность). N = 946. Опрос методом стандартизированного интервью. Место опроса — дачные кооперативы жителей Перми.

О. В. Бабушкина
Пермь

Абстракционизм — проект духовного преобразования человечества

Поворот к абстрактному искусству В. Кандинский считал кризисным моментом в культуре человечества, в котором отпадает все второстепенное и остается существенное — «служение объективно-му». Абстракционисты в своих манифестах провозгласили беспредметное творчество началом духовной эпохи, придавая мессианское значение своим открытиям в живописи. С точки зрения Кандинского, художник — человек, несущий в себе силу «видения». Творец чувствителен к новому в духовном мире и способен выразить средствами искусства новое содержание, которое будет духовным хлебом наступающего пробуждения. Он писал: «...дух живописи находится в органической прямой связи с уже начавшейся эрой нового духовного царства...»¹. К. Малевич приравнивал супрематизм к крупнейшим открытиям современности и добивался идеологического влияния супрематизма, т. к. декларировал его не художественное, но мировоззренческое значение. Теория супрематизма вышла за пределы чистого искусства и претендовала на роль универсальной концепции жизнестроительства. Беспредметный период творчества Малевича связан с историей общества «заумников» или «обэриутов», в которое входили поэты, музыканты и художники, стремившиеся создать новый язык искусства, язык чистых форм в области не только изобразительного искусства. Как отмечает Ж.-Ф. Жаккар, «явление редукции речевого материала к чистым звукам сближало метод В. Хлебникова с методом Малевича по своему онтологическому характеру»².

Может ли этот проект духовного преобразования, затеянный русским авангардом, стать средством воспитания человека? Насколько этот проект актуален в наши дни?

Процесс встречи зрителя с абстрактной живописью предполагает по замыслу художника переход на новый уровень духовной коммуникации. Если понимать под духовностью способность человека трансцендировать к идеалам-эйдосам, в мир абсолютов, то приобщение к миру эйдосов, идеалов, абсолютов есть приобщение к полноте бытия. Искусство приобщает человека к полноте бытия, и в этом заключается его онтологическая функция. Но выражение объективного в картине, что равносильно хайдеггеровскому функционированию произведения искусства как работы истины, возможно лишь, по словам Кандинского, тогда, когда действует закон внутренней необходимости в отношениях художника и произведения искусства. Новое (абстрактное) искусство избавляется от внешнего предмета для того, чтобы в основу своего построения заложить закон внутренней необходимости («закон души»).

Понятие «закон души» у абстракционистов соотносимо с категорией трансцендентальной субъективности в интерпретации феноменологии Э. Гуссерля. В его понимании трансцендентальный идеализм есть последовательно выполненное самоистолкование трансцендентального субъекта в форме систематической эгологической науки. Таким образом, в основе как феноменологической установки, так и способа абстрактного творчества лежит прорыв в область трансцендентального бытия, которое оказывается непосредственно связанным с генезисом субъекта.

Солипсизм, который большинству исследователей кажется непреодолимым в феноменологии Гуссерля, проявляется как антикоммуникабельность в абстрактном искусстве или «художественный солипсизм», выраженный в своеобразной абсолютизации переживаний художника. Интерсубъективные отношения могут осуществляться лишь в виде наличия общего трансцендентального опыта у художника и зрителя. Таким образом, восприятие абстрактной живописи становится возможным лишь при наличии феноменологической установки зрителя, то есть его самоистолкования как трансцендентального субъекта. Самоистолкование должно осуществляться как прорыв к собственным сознательным априорным структурам. Переживание полноты бытия происходит в момент обретения феноменологического взгляда по Гуссерлю или переживания «души предмета» по Кандинскому. Вхождение в феноменологическую установку есть метод научения языку духа. Именно язык духа есть язык абстрактного произведения искусства.

Однако, как известно, проект Э. Гуссерля, глобальный по своему замыслу, оказался утопичным. По мнению П. Рикера, «трагизм проекта феноменологии» заключался в том, что центром его философии остается его *cogito*, которое является «аподиктически достоверной почвой суждений»³. У Гуссерля вопрос о бытии решается в рамках сознания, так как для него «Я» является прозрачным, очевидным и самотождественным, что оставляет его в рамках классической философии, где рации является медиумом бытия. Несмотря на то, что феноменология Гуссерля обвиняется в идеалистической наивности, в его философии воплощено и сформулировано новое качество сознания, новое жизнепонимание, возникающее в начале XX века, которое заложило основание для фундаментальной онтологии М. Хайдеггера, и представляет собой зарождение неклассической философской парадигмы. Так и абстрактная живопись — это проект, предполагающий возможность приобщения истине бытия посредством трансцендирования человека как высшей ступени его личностного развития.

Этот способ научить человечество языку духа, сравнимый с идеализмом Э. Гуссерля, стал фундаментом формирования нового эстетического сознания. Наряду с другими культурными формами в

современном состоянии абстрактное искусство способно быть средством духовной трансформации человека, однако при условии соблюдения «закона внутренней необходимости».

¹ Кандинский В. О духовном в искусстве. — М., 1992. — С. 108.

² Жаккар Ж.-Ф. Современная западная русистика. — СПб., 1995. — С. 45.

³ П. Рикер, Герменевтика. Этика. Политика. — М., 1995. — С. 80.

О. А. Смоляк
Пермь

Конфликтный проект поведения интеллигента в пространстве советской культуры

После свержения буржуазного строя широкие слои демократически настроенной интеллигенции активно втягиваются в социалистическое строительство. Под руководством партии рабочего класса развивается целенаправленный процесс приобщения старой интеллигенции к идеалам социализма, который придает интеллигенции сознание своей общественной полезности, открывает простор для беспрепятственного приложения ее сил ко всем областям общественного развития.

(БСЭ)

Процессы модернизации, осуществляемые в рамках социалистического проекта, отвечали требованиям строительства индустриального общества. Его становление обозначается в социально-философской рефлексии XX века такой проблемой как кризис идентичности, неизменно переживаемый человеком в процессе освоения все более усложняющихся технологических и социальных практик.

Советская интеллигенция на этапе развитого социализма вновь включается в поиск собственной идентичности. Это выражается в обращении к корням, интересу к истории социальной группы, определению ее специфики. В 70 – 90-х годах тема интеллигенции актуализируется в научном дискурсе: все больше исследователей проявляют интерес к этой теме, проводятся конференции, на страницах основных периодических изданий публикуются материалы «круглых столов». Иными словами, можно фиксировать ситуацию, когда социальная группа в силу близости к информационно-интеллектуальным ресурсам (или в связи со спецификой профессиональной деятельности) пытается самоопределиться через выстраивание оппозиции «свое – иное».

В процессе перехода к коммунизму значение интеллигенции будет постоянно возрастать. Интеллигенция как особая социальная группа сохранится «...впредь до достижения самой высокой ступени развития коммунистического общества...» (Ленин В. И., там же, т. 44, с. 351). Когда труд каждого человека приобретет творческий характер, когда небывало поднимется научно-технический и культурный уровень общества, интеллигенция «...перестанет быть особым социальным слоем...» (Программа КПСС, 1971, с. 63).

(БСЭ)

Актуализация проблемы Другого, представление ее в философском дискурсе производится на основе синтеза идей

социального взаимодействия (коммуникации, диалога), высказанных в рамках модернистской философии. Свое место в этом процессе занимает феноменологическая онтология Ж.-П. Сартра.

Концепция французского философа концентрируется вокруг проблемы понимания человеческого бытия как сознательной, свободной и преобразующей деятельности. В основе концепции лежит представление о вечном, несотворенном бытии: бытие просто есть. Способ бытия человека — быть увиденным другим, быть воспринятым. В то же время человек — существо ситуативное, подчиненное случайности. Существование человека в ситуации — существование здесь и теперь — оставляет за субъектом право выбора стратегии поведения. Осознанный выбор адекватной стратегии позволяет человеку реализовать его стремление быть наилучшим в данной ситуации. Но в каждый момент Другой — носитель опыта, недоступного мне. В ситуации взаимодействия я всегда нахожусь под взглядом Другого. Я испытываю неудобство от этого взгляда, принимаю его как нарушение прозрачности границ моей свободы. Тем самым я признаю, что «...являюсь таким, каким Другой меня видит...»¹. Он знает обо мне. Но что я знаю о нем?

Я являюсь рассматриваемым, а это значит, что я нахожусь в опасности и, под взглядом Другого, мне необходим проект возобновления своего бытия. Суть проекта — ассимиляция свободы Другого. Иными словами, субъект вопрошает к Другому, пытается знать, каким Другой его видит. Предполагается, что знание вселит уверенность в субъекта: он подчинил воле своего сознания свободу Другого, он может предсказать намерения Другого в отношении себя. В представлении Сартра объективность субъекта является собственно инструментом ассимиляции. Мы наблюдаем амбивалентный характер ассимиляции свободы Другого. С одной стороны, «...мой проект возобновления себя является существенно проектом поглощения Другого...» Но, с другой стороны, названный проект предполагает оставления в неприкосновенности природы Другого, его «инакости»; субъект продолжает утверждать существование Другого. Структура бытия-для-другого раскрывает субъекту «возможность стать в отношении себя на точку зрения Другого». В результате реализации проекта ассимиляции, допуская альтернативный взгляд, субъект дополняет представление о себе. Полученные знания конституируют границы свободы субъекта.

Обозначенная ситуация диктует постановку вопроса о выборе Другого. Проект поглощения исключает случайность. Речь идет о конкретном Другом, переживающем и чувствующем, о другом, «...как абсолютной реальности, с которой я хочу объединиться в его инаковости...»² Неоднозначность ситуации проявляется в одновременном стремлении к тождеству и протесту в реализации единства с Другим. Добиваясь тождества с Другим, субъект одновременно отрицает, что он есть Другой, поскольку проект ассимиляции есть проект отстаивания своей свободы: «...условием того, чтобы я проектировал

тождество со мной другого, как раз и является упорное отрицание мной, что я есть другой»³.

Человек, находясь под взглядом Другого, ощущает беспокойство, поскольку знает, что является объектом ценностного суждения. Он опасается, что со стороны Другого проект ассимиляции взгляда может перейти в проект телесной ассимиляции, в проект обладания и потребления. Быть орудием и средством Другого, не зная о его намерениях, — ситуация большой опасности. Поэтому человек всегда озабочен тем, каким он выйдет в представлении других людей. Отсюда желание выглядеть лучше, оправдать ожидание Другого. Так проект воздействия на свободу Другого включает и конформность к его ожиданиям.

В свою очередь, Другой также пытается освободиться от взгляда субъекта, отстоять границы своей свободы. Представленный проект возобновления бытия субъекта через ассимиляцию свободы Другого характеризует и поведения Другого в отношении субъекта.

Таким образом, мы обозначаем некую стратегию коммуникативного поведения в ситуации взаимодействия с Другим. Она фиксирует взаимное возобновление себя через поглощение другого и условно может быть названа стратегией конфликта.

Для социалистической интеллигенции характерны отсутствие социальной замкнутости, повседневная тесная связь с рабочими и крестьянами. Она активно участвует в общем созидательном труде, стоит на позициях социалистической идеологии. Между интеллигенцией и остальной частью народа в социалистических странах нет антагонистических противоречий.

(БСЭ)

Стратегия конфликта разворачивается в обозначенных границах реальности. Обязательно в одной плоскости, на одной территории, так как Другой выбран не случайно, он дорог субъекту самим фактом своего существования. Другой является носителем ценностного суждения о субъекте и тем самым дополняет представления субъекта о самом себе.

Конфликт возможен в ситуации тесного взаимодействия. Обе стороны находились в предварительной ситуации поиска другого, поэтому выбор основан на индивидуальных характеристиках, которые могут совпадать или, наоборот, являться оппозицией. Предварительная ситуация поиска характеризует конфликт как отношение, представляющее для субъекта особую ценность. Это отношение важно, его стремятся сохранить в силу конкретных функций: а именно, повторимся, для осознания себя и для определения границ своей свободы.

Когда мы говорим о конфликте, мы подразумеваем противоречия, возникающие внутри сознания субъекта. Эта стратегия фиксирует одновременно и желание быть для другого (признается интерес к другому), и обязанность быть для себя (для сохранения своей «инакости»).

Таким образом, стратегия конфликта — это система неопределенных и противоречивых отсылок, направленных на Другого и отражаемых в сознании (и субъекта, и другого) под идеальным знаком какой-либо ценности, будь то любовь, научная дискуссия или строительство социализма. Это стратегия соединения сознаний, где каждое сохраняет свою инакость, чтобы основать другое. Это противоречие не приводит к достижению консенсуса, а значит, исключена точка, законченность в подобной стратегии поведения.

Мы отмечаем, что в сознании интеллигента советской эпохи формируется система отсылок в адрес «партии рабочего класса», оформленная под знаком проповедуемой и разделяемой ценности — коммунистической идеологии. Отстаивая свое «иное», интеллигент презентует себя главным образом как производитель и транслятор знания. Обозначение границ собственной свободы выражается в объявлении знания сакральным. Следовательно, интеллигенция приписывает себе статус эксперта в планировании и совершении социального действия.

Социологические исследования показывают, что в условиях социализма главным мотивом труда интеллигенции является ориентация на творчество, на его общественную полезность, тогда как непосредственные материальные выгоды здесь, в отличие от капитализма, отступают на второй план.

(БСЭ)

Между тем, «класс-гегемон» (в нашей концепции выступающий в роли Другого) самовольно осуществляет реверсию коммуникативной структуры знания. Являясь основным потребителем, Другой сам определяет, что есть для него знание. Доверие к интеллигенту инвестируется в каждой ситуации (общественно-политической, социально-экономической, рутинно-повседневной) не безусловно, а только после того, как тот убедит в разумности подобного вложения. Модель представительства, модель «знание-за-другого-и-для-другого», выработанная советской интеллигенцией, рушится. Его, эксперта, бросают в ситуацию, когда интеллектуал должен доказывать профанам, что он не дурак!

Однако принять установку, что в жизненном мире владение практическими навыками важнее социальной рефлексии, означает: снять границы собственной свободы. Озабоченная проблемой поиска собственной идентичности, знакового обозначения своей личности, советская интеллигенция не заметила, что знание, объявленное ею сакральным, осталось невостребованным.

Таким образом, определение жизненного мира интеллигента в пространстве советской культуры проходит под знаком конфликта. В первую очередь — конфликта с самим собой. Взяв на себя роль эксперта от идеологии, он провозглашает поступательное следование социалистическому канону: содействие общественному развитию,

отсутствие социальной замкнутости и смерть собственной социальной группы. Но за этой декларацией кроется стремление сохранить собственное жизненное пространство, быть признанным. Провозглашенные идеи строительства коммунизма представлялись ей значимой ценностью, и ради сохранения потенции коммуникации поведение интеллигенции оставалось конформным к ожиданиям «класса-гегемона». Информационно-интеллектуальные ресурсы, которыми располагает интеллигенция, стали основным фактором манипуляции. Это багаж, на который была сделана ставка.

В силу собственной ситуации (но не образованности) интеллигенция стала единственной социальной группой, которая обратилась к поиску идентичности в стране, провозгласившей себя индустриальной.

¹ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. — М.: Республика, 2002. — С. 247.

² Там же. — С. 380.

³ Там же. — С. 381.

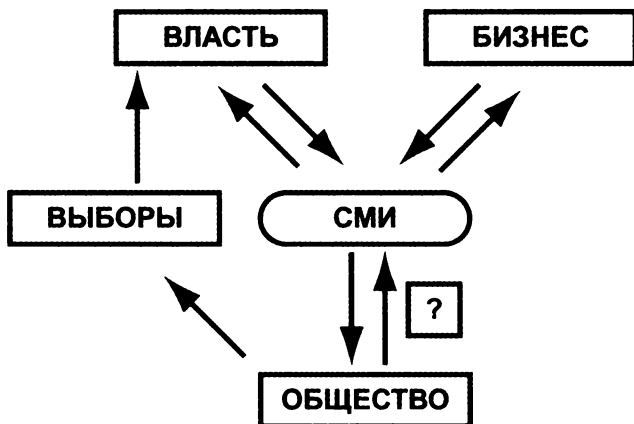
А. Г. Субботин
Пермь

СМИ в политическом процессе (региональный уровень)

Тезис о том, что средства массовой информации являются «четвертой властью» и своей деятельностью уравнивают традиционные ветви власти — судебную, законодательную и исполнительную — не лишен оснований. Действительно, в идеальном типе СМИ, благодаря своим функциям, таким как информирование, освещение событий, придают деятельности традиционных ветвей власти характер публичности и гласности, служат своеобразным балансиrom между ними.

Вместе с тем, существует мнение, что термин «СМИ — четвертая власть» придумали сами журналисты для того, чтобы придать больший авторитет масс-медиа, следовательно, подороже продавать свои рекламные площади, поскольку одной из основных функций СМИ является развлечение, информирование населения.

На наш взгляд, такой дихотомичный подход к определению места и роли СМИ является не достаточно корректным как с теоретической, как и с практической точек зрения. В этой связи мы предлагаем следующую схему места СМИ в обществе:

Отметим, что при советской власти треугольника «власть — бизнес — общество» на вершинах и СМИ в середине, не существовало, конструкция представляла собой вертикаль, во главе с коммунистической партией, затем власть, отождествленная с бизнесом, далее — СМИ, и, наконец, общество.

Если рассматривать взаимоотношения по линии «власть —

бизнес», то можно сказать следующее. Для этой линии акторов СМИ выступают в следующих качествах:

- переговорная площадка;
- инструмент формирования повестки дня;
- инструмент для частичного взаимного контроля друг за другом;
- инструмент взаимовлияния.

В качестве примеров можно привести темы, обсуждаемые СМИ по линии «власть — бизнес»: формирование инвестиционного климата в регионе, заявление властей о своей позиции в деле о банкротстве того или иного предприятия, обсуждение бизнесом необходимости поправок в тот или иной закон.

Если рассматривать взаимоотношения субъектов по грани «бизнес-общество», то в данном случае СМИ сами по себе являются бизнесом. Это своеобразный способ заработать на человеческих интересах, страхах, пороках. В этом случае СМИ являются:

- инструментом информирования населения;
- инструментом формирования имиджа;
- инструментом рекламы.

При взаимоотношениях по грани «власть-общество» СМИ можно охарактеризовать следующим образом:

- выполняют функцию информирования населения;
- способ поддержания в глазах населения легитимности власти;
- способ поддержания авторитета властей и формирования имиджа эффективного администрирования общественно-политическими и социально-экономическими аспектами жизнедеятельности общества;
- являются инструментом для технологий продления властных полномочий конкретных политиков.

К категории СМИ, специализирующихся на работе по вектору «власть — бизнес», «бизнес — власть», можно отнести следующие издания: «Новый компаньон», «Капитал-WEEKLY», «Пермский обозреватель», «Деловое Прикамье», «Коммерсант», «Ведомости», «Российская газета».

Среди особенностей данных изданий можно выделить следующие:

- незначительный тираж (читателей, принимающих решения и влияющих на процессы в Прикамье, не более 3000 человек);
- направленность на чиновников и менеджеров среднего и высшего звена;
- претензия на неангажированность;
- попытка объективного освещения процессов;
- «профессиональный», более сухой и сложный язык публикаций.

Однако, в данных изданиях нередко встречаются как официальные рекламные тексты (помеченные значком «на правах

рекламы»), так и «джинса», оплаченные редакциям материалы размещаются без соответствующего указания о заказном характере данных публикаций.

Как особенность регионального медиа-пространства, можно отметить тот факт, что среди учредителей данных СМИ нет крупных бизнес-структур. Следовательно, можно сделать вывод о том, что деловые издания в Прикамье официально являются независимыми.

К категории СМИ, работающих преимущественно по вектору «власть — общество», сложно однозначно отнести какое-либо из местных изданий. На наш взгляд, более всего к этой категории можно отнести газеты «Досье 02», «Вечерняя Пермь», «Местное время». Как особенность медиасреды города Перми можно отметить, что официально власти не являются единственными учредителями каких-либо СМИ. Городские власти имеют долю в газете «Вечерняя Пермь», ГУВД области является одним из учредителей газеты «Досье 02». Однако феноменом пермского медиарынка можно назвать газету «Местное время», которая, по неофициальным данным, полностью контролируется областной администрацией.

Особенностью данной категории изданий являются высокие тиражи, неизящность «джинсы», обилие рекламы, ангажированность.

К категории СМИ, являющихся скорее бизнесом, чем средствами информации, можно отнести следующие издания (вектор «бизнес — общество»): «Комсомольская правда в Перми», «Аргументы и факты Прикамье», «Пермские новости», «Пятница», «Московский комсомолец в Перми», «Жизнь».

Среди особенностей данных СМИ можно выделить следующие: высокие тиражи, «желтизна» в хорошем смысле этого слова (имеется в виду скандальная тематика основного массива публикаций: криминал, светская хроника и т.п.), обилие рекламы, простота языка текстов.

По линии «общество — власть» и «общество — бизнес», на наш взгляд, в Прикамье можно отметить работу лишь двух СМИ: «За человека» и проект «Не секретно» (ТОС «Городские горки»).

Особое место в пермской медиасреде занимает газета «Звезда», которую автор затрудняется четко отнести к какой-либо из вышеперечисленных категорий СМИ.

Таким образом, сегодня СМИ, на наш взгляд, являются в первую очередь инструментом в руках различных авторов и институтов. Эффективной данная система будет только тогда, когда гражданское общество начнет грамотно использовать СМИ как инструмент лоббирования, отстаивания своих интересов перед властями и бизнесом. (В советские времена граждане активно писали письма в газеты, в органы партии, сегодня, а автор убедился в этом на собственном журналистском опыте, поток писем от граждан в СМИ весьма незначительный. Рубрика «письмо в редакцию» используется лишь как редакционный прием, а в качестве ответов мнимых авторов писем приводятся данные из официальных пресс-

релизов). Только при эффективном использовании СМИ в своих интересах гражданское общество сможет контролировать деятельность власти и бизнеса как необходимого условия демократического развития общественно-политического режима в Прикамье. Конечно, в идеальном виде такого нет даже в странах с устойчивой демократической традицией и свободой СМИ. Тем не менее, отечественные власти и бизнес используют СМИ в качестве инструмента продвижения собственной политики весьма активно, а общество, к сожалению, пока не видит в СМИ мощнейшего инструмента для отстаивания своих интересов. Определенные шаги в этом направлении все-таки есть, что вселяет оптимизм в будущее отечественной демократии.

А. Д. Боронников
Пермь

Траектория жизненного пути советского обществоведа на исходе социализма

На страницах произведений В. Астафьева не раз и не два возникают персонажи, принадлежавшие к советской интеллигентной прослойке, в терминах А. Солженицына — «образованцы». В. Астафьев всматривался в этих людей, пытался понять, объяснить себе и читателю — кто они, зачем живут, что делают на этой земле... То, что можно прочесть в его поздних повествованиях, звучит приговором: пустые, жалкие, никчемные, тираны от слабости и неумения жить, выращивать хлеб и воспитывать детей. Верен приговор или нет, решать читателям. Мы же обратимся к этой же теме, используя методы теоретической социологии. Заметим сразу — язык этот для Астафьева совершенно чуждый: во всех гуманитарных концепциях он искал и находил «обманку», новый опиум для народа. Любая позиция отбрасывает свою тень. Нет необходимости для исследователя в этой тени оставаться.

Мы обратимся к исследовательской программе, некогда сформулированной И. Гоффманом: биографической концепции социальной карьеры. Речь идет о реконструкции жизненного пути индивида, траектории его социальной судьбы. Существенно то, что при рассмотрении череды событий и жизненных коллизий в контексте этой программы можно обнаружить и *временную перспективу*. Этот прием позволяет нам включить судьбу отдельного человека в контекст изменений во времени, которые *являются основополагающими и общими для членов известной социальной категории*.

Понятие карьеры, в трактовке Гоффмана, имеет две стороны. Внутренний аспект образуется глубоко личными конструктами образа собственного Я и ощущаемой идентичностью. Другая, внешняя сторона, формируется под воздействием официального положения, правового статуса и рождаемых этим статусом социальных моделей отношений, принятого модуса интеракций и стиля жизни. Гоффман полагал, что понятие карьеры позволяет исследователю описывать и личное, и публичное в жизнедеятельности человека, всю гамму отношений, складывающихся между Я и его значимым общественным окружением. Благодаря этому подходу, исследователь освобождается от необходимости избыточно полагаться в поиске данных на самопрезентацию индивида, тем самым открывая возможности к формированию институционального подхода к изучению Я. Основным предметом интереса здесь будут персональные аспекты карьеры — регулярная последовательность изменений, вызываемых в структуре воображения индивида, в рамочной матрице, при помощи которой он оценивает внешний мир, находит в нем свое место и определяет место другим.

Матрица является продуктом могущественных общественных сил, конструирующих единообразный социальный статус для множества лиц, не знакомых друг с другом, не связанных общей коммуникацией, лишенных общих воспоминаний. Иначе говоря, время, а в советскую эпоху — власть, штампует индивидов для своих нужд фабричным порядком холодно и бездушно. Можно предположить, что такой подход снимает всякую индивидуальную ответственность даже с первых учеников. Но это не так. Борьба за статус всегда сопряжена с личными намерениями индивида, выбирающего из всех возможных путей наиболее для него приемлемый, в том числе, и по нравственным соображениям.

Траектория жизненного пути может быть условно поделена на три стадии: ювенильную (15 – 20 лет), продуктивную (20 – 50 лет), стагнационную (после 50 лет).

Обратимся к персональной судьбе типичного провинциального советского обществоведа, некогда знатока партийного новояза и текущих идеологем, а ныне профессора-гуманитария, хранителя большой теоретической традиции.

Семнадцатилетний юноша, окончивший школу в середине пятидесятых годов, по каким-то неведомым причинам избежавший исполнения почетного долга в рядах вооруженных сил, хлебнувший лиха на социалистической фабрике, принимает решение сделать карьеру на идеологической стезе. Здесь действует своеобразный негативный отбор. Наиболее энергичные, наиболее способные, наиболее практичные сверстники выбирают инженерную карьеру. Для записных умников школьного масштаба эта карьера закрыта. Слишком велика конкуренция, контролируемы профессиональные достижения, вариативна будущая карьера. Молодой человек ориентируется на архетипический образ Вождя, власть которого опирается, прежде всего, на знание марксовых текстов и связанное с этим право быть вершителем судеб. Нашему персонажу очень хочется им стать. И он выбирает карьеру знатока и комментатора единственно верного учения, интуитивно находя в ней доступный способ самоидентификации с его основоположниками. Вступив на этот путь, молодой человек подчиняет себя известной мыслительной дисциплине в обмен за единение с живыми и мертвыми персонажами идеологического мира: с Митиным, Струминым, Константиновым, Федосеевым, Францевым, но также и со Сталиным, и с Лениным. В общем ряду он шел не один. Подобную карьеру выбирали десятки его однокашников, товарищей по комсомольскому бюро, по агитационным бригадам. Все они читали общие тексты, повторяли соответствующие формулы, образовавшие для них в конце концов рамки восприятия социального и интеллектуального мира. Им были свойственны также органические возрастные амбиции: стремление в ускоренном темпе занять высокие позиции в партийной и академической структуре, известное высокомерие по отношению к практикам вне зависимости от того, какие должности те занимали.

Жизненная ситуация шестидесятых-восьмидесятых годов скорректировала ожидания нашего персонажа. Наступила постидеологическая эпоха. Знатоки канонических текстов были востребованы кафедрами общественных наук: научных коммунизмов и атеизмов. В партийной иерархии эти люди исполняли роль подручных: преподавали в университете марксизма-ленинизма, выезжали в глубинку с бригадами обкома, заседали в партийных бюро факультетов. Власть чинила препоны для публикации их трудов. Вузовские коллеги честили бездельниками. Все, на что они могли претендовать, была должность доцента, обеспечивающая получение двух-трехкомнатной квартиры, относительно высокой зарплаты, регулярных командировок в Москву и сниженной учебной нагрузки. Прежние амбиции конвертировались в самопрезентацию в студенческих аудиториях, экзаменационный *террор*, в поиски новых самостоятельных аргументов в защиту партийной линии, что могло расцениваться как фрондерство в стенах кафедры. Уже немолодой человек вписался в систему, обрел бюрократический статус особого рода, защищенный научным званием и свободным режимом рабочего времени.

Его продуктивность имела значение только внутри описанного выше символического контекста. Он воспроизводил редуцированные образцы господствующей идеологии, придавая им в лучшем случае личностную окраску. Его социальная репутация определялась не его личными достижениями, но статусами институтов, в которые он был включен: университетского, идеологического, партийного, семейного.

Новый жизненный цикл нашего персонажа совпал с крушением прежнего социального мира. Подверглись разрушению основные институты, обеспечивавшие ему статусные позиции. Более того, существенно изменилась практика социальных взаимоотношений. На смену наделения правами и привилегиями от высшей власти пришел рыночный обмен: эквивалентный, надличностный, прозрачный. Снижение статуса образовательного института привело к отмиранию защитных механизмов его участников. В то же время облегчилась процедура восхождения к некогда почетным и практически недосягаемым должностям и званиям. Идейный защитник социализма становится профессором в постсоциалистическую эпоху, не обновив ни научного багажа, ни преподавательского тезауруса. Теперь его главная задача — сохранить в неприкосновенности новообретенные статусные отличия, организовать их постоянный возобновляемый обмен на денежные и символьные преференции, не допустить научной конкуренции, восстановить клиентские отношения с властью, воспроизводить естественно присущую ему социальную среду, хотя бы в масштабах кафедры и факультета.

Вернемся к И. Гоффману, полагавшему, что естественным для человека является обретение собственного, органичного способа

самопрезентации. Так вот, естественным для нашего обществоведа было представление самого себя через служение букве государственной идеологии, через производство ложного сознания во властной иерархической связке. И приходится согласиться с мнением В. Астафьева о никчемности и подлости жизненного пути советских обществоведов.

В. П. Мохов
Пермь

Социальная ответственность российской элиты

Проблема ответственности элиты в последнее время стала редкой темой публикаций. Она подменена новым набором социальных мифов, главная цель которых — фактическое смещение центра тяжести в дискуссиях: от вопроса исторической и социальной ответственности российской элиты к рассуждениям об автоматизме рынка, о демократии как самонастраивающемся механизме и др. Опасность этих рассуждений заключается в формировании иллюзии о том, что принципиальные вопросы жизни можно решить с помощью стихийных механизмов демократического волеизъявления.

В России завершается цикл циркуляции элит. Контуры новой элиты определились, каналы вертикальной мобильности, которые действовали в первой половине и середине 1990-х годов довольно интенсивно, в настоящее время суживаются. Возникает новая система фильтров и цензов, с помощью которых новая элита пытается ограничить приток новобранцев в свои ряды и защитить свое место в социально-политической иерархии. Системы рекрутирования все больше напоминают систему гильдий, которая возникает взамен антипредпренерской системы.

В результате в России сложился элитный слой, который будет находиться у власти и дальше. Можно говорить об определенной стабильности структуры данного слоя. Внутренние изменения в нем возможны, но основа слоя уже есть. Изменить его облик может только социальная революция. Политические революции возможны, но они будут менять у власти группировки элитного слоя, но не его качественную определенность. Аналогичная ситуация уже была в истории России в XX веке в первые послереволюционные годы. Тогда революционная элита неоднократно меняла свой персональный состав, но способ деятельности, место в структуре властных отношений, тип рекрутирования оставались прежними на протяжении многих десятилетий.

Властвующие элиты выполняют в обществе ряд важнейших функций, что предопределяет возможность, достаточность и неизбежность их существования и функционирования. Выполнение элитных функций свидетельствует о социальной ответственности элиты. В самом общем виде социальную ответственность элиты можно определить как ее субъективную готовность вести общество на протяжении жизни нескольких поколений. Элита должна быть социальным и властным лидером.

Наличие социальной ответственности свидетельствует о том, что внутри элиты достигнут внутренний консенсус по поводу основных ориентиров общественного развития и своего места внутри него. Социальная ответственность проявляет себя, в первую очередь, в

постановке перед обществом стратегических целей; с точки зрения культурной — в формировании образцов социального поведения, стандартов духовной жизни, кодов деятельности социума; с точки зрения социальной — в формировании матрицы социальной мотивации, проявляющейся в деятельности и воспроизводящейся на протяжении многих поколений; с точки зрения идеологической — в создании утопического идеала, ради достижения которого производится мобилизация ресурсов общества; с точки зрения политической — в формировании политического режима, с помощью которого согласуются социальные интересы элиты и масс.

Смысл социальной ответственности элиты заключается в том, чтобы сохранить целостность общества, гарантировать его идентичность, обеспечить развитие общества, а стало быть, и свое собственное существование. Элита, не способная выполнить эти условия, обречена на поражение и уход с исторической сцены. При этом поражение элиты как социального актора не означает распад общества, оно лишь приводит к власти новую элиту. Сохранение целостности и идентичности общества являются базовыми для существования национальной элиты, поскольку в ином случае речь должна идти либо о расколотой элите, либо уже не национальной.

Может ли современная российская элита быть социально ответственной, т.е. выполнить функции, присущие ей по месту в системе властных и социальных отношений? Готова ли она сама к выполнению своих функций, насколько она их осознает? По всей видимости, в настоящий момент нужно дать отрицательный ответ на эти вопросы. Это связано с обстоятельствами, которые можно разделить на три группы.

Первая группа связана с историческим характером формирования современной элиты. Существует определенная предопределенность поведения современной российской элиты. Можно полагать, что современный исторический период образует единое целое с периодом 1960-х годов, главной особенностью которого является постепенное разгосударствление собственности. Административно-бюрократический рынок 1970 — 1980-х годов был связующим звеном между советской командной системой и современной рыночной ситуацией.

Разгосударствление, приватизация как процессы общественной жизни по определению не могут создать устойчивости, не могут предложить модель позитивного развития, т. к. это есть разрушение связей, существовавших на протяжении десятилетий. В ходе приватизации невозможно создать позитивный образец экономической деятельности, социального поведения, культурных кодов. Это задачи временные, разрушительные, они не являются стимулом для создания долговременных социальных стратегий. Позитивный потенциал преобразований в отношениях собственности проявит себя лишь спустя некоторое время.

Вторая группа обстоятельств связана с характеристикой элиты,

которая существует в настоящее время. Перефразируя слова Р. Пайпса о русской буржуазии рубежа XIX — XX веков, можно сказать: «В России есть элита, которой нет». Элита не обладает многими качествами, с помощью которых она могла бы реализовать свои функции. В частности, вести речь о наличии группового сознания, согласованности действий, сплоченности можно лишь в большом приближении. У населения сложился образ современной власти, который не соответствует статусу элиты в обществе и препятствует формулировке и реализации позитивных социальных стратегий.

Третья группа факторов связана с быстрым втягиванием России в отношения глобализации в качестве источника сырьевых ресурсов. Как известно, глобализация имеет своим следствием регионализацию общества, которая разрушает национальную идентичность, угрожает суверенитету государства над своими территориями. В этом кроется потенциальная угроза национальной элите. Отраслевые интересы, интересы отдельных групп национальной элиты, втянутой в отношения глобализации, угрожают общеэлитным интересам, служат источником противоречий и мешают выработке единого общенационального стандарта поведения элиты.

Таким образом, в настоящий момент ни внешние, ни внутренние обстоятельства не способствуют выработке и реализации социальной ответственности российской элиты.

Переход к новому состоянию и формированию социальной ответственности элиты зависит от трех «если»:

- если российская элита захочет быть социально ответственной, поскольку ее компрадорский характер пока не вызывает сомнений, национальные производители слишком слабы перед реалиями мирового рынка;

- если российская элита сумеет быть социально ответственной, поскольку для этого необходимо наличие общей воли и готовность поделиться частью национального пирога с массами;

- если российская элита успеет стать социально ответственной, поскольку она оказалась во временной ловушке: процессы втягивания части российской элиты в процессы глобализации идут быстрее, чем внутренняя консолидация элиты и формирование ее социальной ответственности.

В. Асфаров
Фотография, на которой некто.
(рассказ)

2 В гитарную игру зная, во времена эти
и замечательные нашу маленькую ина
инициативу в ^{Сибирь} ~~Европу~~ ^{пути} ~~пути~~ ^{дом}
взбуждающего оно ванила и ванила
самого.

2 Из города, на дороге между фотограф
и не было так далеко, а в дороге - 7
радирует. И фотографировал не с
и вдали, не деревенский человек и
издали был убежденным, и все,

**Музейные
и архивные
коллекции
как источники
изучения истории
российской
интеллигенции**

Т. Н. Карлюк

Пермь

Роль местной интеллигенции в культурной жизни заводского поселка Мотовилиха (2-я пол. XIX — нач. XX вв.)

Культурно-просветительная деятельность интеллигенции — одна из весомых и органичных частей жизни русского общества — пока еще мало исследована. До недавнего времени упор делался на изучение деятельности интеллигенции по политическому образованию и просвещению рабочих.

В данном исследовании рассматривается один из аспектов темы: роль заводской, и, в основном, технической интеллигенции в культурной жизни поселка Мотовилиха (2-ой пол. XIX — нач. XX вв.).

Отдельных публикаций по этой теме нет. Имеются лишь брошюры обзорного характера, содержащие сведения о направлениях, формах и центрах культурно-просветительной работы в дореволюционной России¹. К тому же сведения о Мотовилихе, кроме очень краткой справки о заводе, не вошли ни в одну из городских летописей, в том числе и в известную книгу В. С. Верхованцева «Город Пермь, его прошлое и настоящее» (1913). Возможно, это во многом объясняется тем, что Мотовилиха до революции 1917 года существовала как самостоятельный пригород Перми. Информация обобщающего характера о культурной жизни поселка Мотовилиха приводится в работе С. И. Сметанина², а также в книге Б. П. Кириллова³.

Основным источником данного исследования стали материалы периодической печати 2-ой пол. XIX — нач. XX вв. и данные официальной статистики, в частности, такие: газеты «Пермские губернские ведомости», «Пермский край», «Журнал заседаний Пермского уездного Комитета попечительства о народной трезвости», «Отчет о деятельности Комитета Мотовилихинского общества борьбы с пьянством с 1 января 1899 по январь 1900 г.» (Пермь, 1900), отчет обследования «Бесплатные народные библиотеки в Пермской губернии» (1903), «Народнопевческое дело в Пермской губернии. Отчет руководителя народных хоров Пермского попечительства о народной трезвости за 1913 год» (Пермь, 1915).

Во 2-ой половине XIX века Мотовилиха — большое заводское поселение. Пермские пушечные заводы являются самым крупным из всех горнозаводских предприятий Пермской губернии. «Самый завод с его зданиями, разбросанными по громадной площади, и прилегающее к заводу село Мотовилиха с 12-тысячным населением представляют почти что город»⁴, — замечает известный писатель Н. Д. Телешов в своих очерках «За Урал. Из скитаний по Западной Сибири». При этом, как отмечали современники, завод скуп на общественное благоустройство: улицы не замощены (за исключением

главной, Большой), не освещены, отсутствует санитарное наблюдение над «содержанием площадей, дворов, улиц, помойных ям, отхожих мест»⁵. Высок процент смертности населения из-за отсутствия охраны труда⁶.

Атмосфера жизни на Пермских пушечных заводах не способствовала росту духовных и культурных интересов рабочих: в Мотовилихе «нет ни дешевой и здоровой столовой для народа, ни общедоступной библиотеки для него, а школ всего одна женская и две мужских — и это в заводе, где население более чем 10 тысяч душ?!»⁷ Время от времени мастера устраивают «лотореи», соединенные всегда с пьянством и карточной игрой, «выманивающие у рабочих последние гроши»⁸.

Ведущая роль в культурной жизни поселка не случайно принадлежала технической интеллигенции, стремившейся оживить общественную жизнь Мотовилихи, пробудить интерес к культуре и просвещению у основной массы населения. Высокий по тому времени уровень образования, широкий кругозор (многие служащие обучались, а затем по делам службы бывали в Москве, Петербурге и других городах), знакомство с культурными ценностями больших городов делали их носителями довольно высокой культуры. Согласно данным обследования в 1901 — 1903 годах в круг чтения служащих Мотовилихи, помимо переводных романов А. Дюма, Ф. Купера, В. Скотта, входили сочинения В. А. Жуковского, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского и других русских писателей и поэтов⁹.

Именно с инициативой местной интеллигенции и реформами 1860-х годов связано оживление общественной и культурной жизни поселка во 2-й половине XIX века: открываются первые библиотеки, действует заводской театр, Общество трезвости, Клуб служащих, строится Народный дом.

Вопрос о распространении народных библиотек возник в прямой связи с вопросами распространения грамотности среди народа. Значительна роль заводской интеллигенции в деле образования и просвещения местного населения. Так, Н. В. Воронцов, будучи горным начальником Пушечных заводов в начале 1870-х годов, ввел для рабочих надбавку к ежедневной зарплате в размере 10 копеек: знавший арифметику получал 20 копеек сверх зарплаты, если же он умел еще чертить и рисовать, то доплата увеличивалась до 30 копеек¹⁰. Много внимания делу образования рабочих уделял и Н. Г. Славянов, сменивший Воронцова на посту горного начальника: организовал для рабочих кружок по изучению электротехники, способствовал созданию прогимназии и детского приюта¹¹. В 1890-х годах по инициативе заводской интеллигенции были открыты курсы графической грамотности для рабочих; начало работу Мотовилихинское отделение Императорского русского технического общества, цель которого «дать возможность рабочим пополнить свои знания».

Мест в школах для всех желающих по-прежнему не хватало. В целях распространения грамотности интеллигенция пыталась создавать бесплатные библиотеки. Заслуга появления их в Мотовилихе принадлежит Обществу трезвости. Образование этого общества оказало большое влияние на последующую общественную и культурную жизнь поселка. С этого времени организация культурных мероприятий приобретает систематический характер, что способствовало более активному приобщению населения к ценностям культуры, к просвещенным развлечениям.

Первая мысль об учреждении в Мотовилихе названного общества возникла среди заводских мастеровых под влиянием речей владыки Петра (епископа Пермского и Соликамского), указавшего на беспросветное пьянство местного населения. Идея о создании общества трезвости получила поддержку со стороны заводской администрации: благодаря деятельности горного начальника Н. Г. Славянова, разработавшего пакет документов, довольно быстро был утвержден правительством Устав будущего общества. 4 декабря 1894 года в здании механического цеха Пермских Пушечных заводов среди массы рабочих состоялось открытие Мотовилихинского общества борьбы с пьянством. Для заведования его делами был избран Комитет, председателем которого стал горный инженер П. П. Савин. Комитет больше чем наполовину состоял из представителей местной интеллигенции. В его состав вошли чиновники В. С. Трухачев, И. Т. Иванов, А. Е. Рябухин, А. И. Герц, горные инженеры К. А. Шафалович, И. Н. Темников, подполковник морской артиллерии П. И. Бочаров. Почетным членом был избран горный начальник Н. Г. Славянов.

Открытие в начале 1896 года двух дешевых чайных с читальнями и библиотеками, устройство чтений со световыми картинами Волшебного фонаря, народные гуляния в Театральном саду — таковы были первые шаги вновь созданного общества¹².

В этом же году возникла идея об устройстве в Мотовилихе Народного дома, который совместил бы в себе библиотеку-читальню, чайную и столовую, зал для разумных и полезных развлечений. Следует отметить, что в конце XIX века по всей России появляются первые народные дома, которые представляли собой культурно-просветительные учреждения, где использовались разные виды и формы работы (при этом большое значение придавалось общедоступному театру и библиотеке)¹³. В 1897 году утвердили смету — 40 тысяч рублей. Строительство шло долго, поскольку эта сумма оказалась недостаточной для такого грандиозного строительства.

Пока строился Народный дом, в октябре 1901 года был учрежден заводской клуб служащих Пермских Пушечных заводов. Одна из «задач, оговоренная в уставе, — развитие общественности в среде посетителей, выработка умения держать себя прилично». В клубе есть столовая, бильярдная, гостиная, читальня, пианино. Члены клуба занимаются организацией танцевально-семейных

вечеров, устройством (в зимние месяцы) ледяных гор и катка на заводском пруду.

В здании заводского театра устраиваются спектакли с благотворительной целью. Еще в начале 1860-х годов в Мотовилихе местной интеллигенцией (инженеры, служащие, врачи) был образован кружок любителей сценического искусства, первые упоминания о спектаклях относятся к 1874 году¹⁴. На сцене заводского театра, в каменном здании, оставшемся от медеплавильного завода, идут спектакли по пьесам Островского, Гнедича, Салова, Рутковского, князя Сумбатова, исполняются водевили Григорьева и Чехова, устраиваются музыкально-литературные вечера. Первоначально и участники спектаклей, и зрители (за редким исключением) принадлежали к определенному кругу местного образованного общества. Постепенно количество лиц, посещающих заводской театр, увеличивается. Публика становится более разнообразной по социальному составу¹⁵.

Летом 1911 года завершилось строительство Мотовилихинского Народного дома. Общество трезвости устраивает в нем спектакли, танцевальные и костюмированные вечера, лекции, бесплатные уроки певческой грамотности для взрослых. В дни юбилейных торжеств по случаю 300-летия Дома Романовых на сцене Народного дома с успехом прошла опера «Жизнь за царя», поставленная А. Д. Горюхиным¹⁶. Дают концерты хор известного в Перми П. Е. Тепанова, Пермский оркестр балалаечников, члены Пермского отделения Императорского русского музыкального общества. В Народном доме был струнный оркестр, которым руководил служащий Мотовилихинского завода В. Г. Колмогоров (он же писал музыку для оркестра — «Песни трезвости» и др.). Часто сбор от представлений шел на благотворительные цели: в пользу детского приюта, «недостаточных учащихся» начальных школ, оркестра библиотечного общества, в 1914 году — в пользу раненых. За незначительное время Мотовилихинский Народный дом становится подлинным культурным центром для местного населения.

Итак, в культурно-просветительной работе местной интеллигенции можно выделить несколько направлений: распространение знаний из различных отраслей науки путем их популяризации, приобщение населения к духовным богатствам отечественной и мировой культуры, содействие системе народного просвещения и внешкольного образования. Несомненно положительное влияние культурно-просветительной деятельности интеллигенции Мотовилихи на быт и нравы всего населения, рост культуры поселка. При этом не стоит забывать, что немаловажную роль в расцвете культурной жизни Мотовилихи на рубеже веков сыграло то, что местной интеллигенции было на что опереться. В Перми, крупном промышленном городе, в конце XIX — начале XX века уже существовали прочные культурные традиции. К этому времени здесь уже действовали такие культурно-просветительные организации, появившиеся по инициативе

интеллигенции, как Научно-промышленный музей, общество «Народный дом», продолжалась просветительная деятельность музыканта А. Д. Городцова.

¹ Например, см: Фрид Л. С. Культурно-просветительная работа в России в дооктябрьский период (1905 — 1917). — М., 1960; Он же. Культурно-просветительная работа в России в годы революции, 1905 — 1907 гг. — М., 1965.

² Сметанин С. И. История Мотовилихинского завода. — Пермь, 1964.

³ Кириллов Б. П. Рассказы о Мотовилихе. — Пермь: «Пушка», 1998.

⁴ Телешов Н. Д. За Урал. Из скитаний по Западной Сибири. — М., 1897.

⁵ Пермский край. — 1902. — № 533. — С. 2; Озеров И. Х. Горные заводы Урала. — М., 1910. — С. 135.

⁶ Л. Бертенсон. Санитарно-врачебное дело на горных заводах и промыслах Урала. — Типография А. Траншель, 1892. — С. 9.

⁷ Пермские губернские ведомости. — 1894. — № 117. — С. 2.

⁸ Пермский край. — 1901. — № 7. — С. 2.

⁹ Бесплатные библиотеки в Пермской губернии. — Пермь, 1903. — С. 46.

¹⁰ Чернов. Д. К. Взгляд на положение железных заводов на Урале. — СПб., 1881. — С. 25.

¹¹ Славянов. Н. Н. Воспоминания об отце // Электричество. — М., 1954. — № 6. — С. 85.

¹² Журнал заседания Пермского уездного Комитета о народной трезвости. 1896 г. — ГАПО, Ф. 67. Оп. 1. Д. 1. Л. 20-21; Отчет о деятельности Комитета Мотовилихинского Общества борьбы с пьянством с 1 января 1899 г. по январь 1900 г. — Пермь, 1900.

¹³ Голубев П. А. Народные дома-дворцы // Русское богатство. — М., 1901. — № 12. — С. 18.

¹⁴ Пермские губернские ведомости. — 1874. — № 5 — С. 2.

¹⁵ Пермский край. — 1902. — № 533. — С. 2; № 542. — С. 2.

¹⁶ Народно-певческое дело в Пермской губернии. Отчет руководителя народных хоров Пермского попечительства о народной трезвости за 1913 г. — Пермь, 1915. — С. 18.

А. В. Доминяк
Пермь

Последний поклон: воспоминания о В. П. Астафьеве

О Викторе Астафьеве я узнал в далекие 70-е годы. Он тогда работал в Вологде, незадолго перед тем уехав из Перми. Я же оказался в Перми по приглашению директора художественной галереи А. В. Оборина и в 1967 году стал работать в отделе декоративно-прикладного искусства. Точно не помню, когда состоялось знакомство, переросшее в дружбу, с пермскими художниками Алексеем и Верой Мотовиловыми. Но хорошо знаю, что Алексей тогда работал над иллюстрированием книги В. П. Астафьева «Последний поклон». Алеша и Вера рассказывали, как и почему Виктор Петрович, начавший творчество писателя в Перми, оказался в Вологде. Насколько я помню, причиной его отъезда были явные «нелады» с местной властью и некоторыми «ведущими» писателями, чьи имена как-то не хочется вспоминать. Кажется, повесть Астафьева впервые была опубликована в Перми, в том городе, в котором начиналась его писательская «карьеря». Об этом обстоятельней и подробней мне рассказывал журналист и мой друг Борис Андреевич Назаровский; художники Мотовиловы больше говорили о своих встречах с Виктором Петровичем на даче в деревне Воробьи. Эти встречи почти постоянно затрагивали творческие коллизии, которыми, как мне представляется, постоянно была заполнена Пермь. Кстати, это я испытал и на себе, но это другой разговор.

Пожалуй, именно В. П. Астафьев заметил одаренность художника Алексея Григорьевича Мотовилова, о чем четко сказал в каталоге-буклете, посвященном его памяти, над которым работал и я. Так я стал нечаянным соавтором прославленного писателя, с которым, к сожалению, ни разу не встретился. Единственным контактом было мое письмо Виктору Петровичу, отправленное в Вологду. Причина возникновения этого письма была весьма заурядная. В один из приездов в Пермь, при встрече с овдовевшей Верой Мотовиловой (Алексей Григорьевич Мотовилов скончался в 1970 году, в возрасте сорока лет) В. П. Астафьев, явно подогретый сплетнями, которыми «снабдил» его один из пермских художников, нелестно, раздраженно и резко отозвался о «некой творческой интеллигенции», к которой причислил и меня. Пришлось объяснять ситуацию в письме, ответа на которое я так и не получил.

Вскоре я узнал, что В. П. Астафьев вернулся в Сибирь, в родные мои места. Сам я уроженец села Назарова, там прошли мое детство, отрочество, юность и отчасти зрелые годы. К обидному недоразумению отношу так и не состоявшееся общение с прославленным земляком В. П. Астафьевым. Неоднократно

посещая Красноярск, зная точный адрес его городской квартиры, я не осмелился даже на телефонный разговор. Теперь единственное, что остается, — «умов холодных наблюденья и сердца горестных замет».

Некоторые подробности о творческом становлении Виктора Петровича мне поведал Борис Никандрович Назаровский. (Узнав, что я родом из Назарово, Борис Никандрович шутил, делая особый нажим на ударения: «Я — Назаровский, а Вы — назаровский»).

Наверно, многим известны «страницы» биографии В. П. Астафьева, но мне хочется еще раз напомнить о них. Работая сцепщиком железнодорожных грузовых вагонов, участник Великой Отечественной войны, как-то читая газетную статью о штурмах, победах и победителей в кровавой бойне, Виктор Петрович не только пришел в негодование, но написал рассказ о лично пережитых и истинных «полях сражений». Насколько помню, тогда же, или чуть позже, он сел писать свой первый роман. Его помощницей стала жена, с которой он встретился на дорогах войны. Помню со слов Б. Н. Назаровского, что начинающий автор был замечен известным журналистом и писателем Савватием Михайловичем Гинцем. Пожалуй отсюда началось настоящее литературное признание В. П. Астафьева.

В свое время, оценивая земляков, великий русский художник Василий Иванович Суриков сказал: «Краснояры — сердцем яры». Такими были и, наверное, остались мои земляки. Таким был Виктор Петрович Астафьев, ярый сердцем и светлый душой писатель-гражданин, чье творчество постоянно напоминает, что «Где-то гремит война». Я сознательно оставляю в слове «где-то» заглавную букву не только потому, что так названа одна из книг В. П. Астафьева, но и потому, что ведь и сегодня, сейчас идет затяжная битва за нашу духовную, социальную, политическую, нравственную и творческую свободу. С горечью приходится вспоминать, что некоторые «иваны, не помнящие родства» пытаются пошатнуть безупречную репутацию писателя. Виктор Петрович жил и скончался в деревне Овсянка. теперь это название известно всему миру.

Да и Виктор Петрович всегда оставался верным тем духовным принципам, которые унаследовал от своих лучших земляков. Я не знаю, как определяется то, что мы называем творческим дарованием. Но нет сомнений, что колыбелью дарований В. П. Астафьева была та среда, та атмосфера, о которой он рассказал в повести «Последний поклон», посвятив ее своей бабушке, потомственной сибирячке. Она была для него «и отцом, и матерью — всем, что есть на этом свете дорогого». Наши «отцы и матери» сегодня — это те, кто отстаивал и отстаивает отечественную историю и культуру. Старшие собратья и соотечественники. Среди них — Виктор Петрович Астафьев. Я счастлив, что судьба свела меня с ним. Пусть случайно, пусть эпизодически, но я стал соавтором Виктора Петровича Астафьева в воспоминаниях о нашем общем друге

А. Г. Мотовилове. Перечитывая слова Виктора Петровича: «Вот когда закончу эту книгу, попрошу, чтобы ее оформил Алеша, непременно Алеша», перелистывая каталог-буклет, вы непременно встретите всех тех, кто так или иначе сотрудничал в нем с В. П. Астафьевым. Это дает мне право, и я чувствую обязанность отдать ему свой последний поклон.

Н. Л. Нохрина
Пермь

**«А впереди целая вечность?»
(неопубликованные письма Агнии Кузнецовой
в собрании Пермского областного краеведческого музея)**

В середине 1990-х годов в Пермский областной краеведческий музей поступил архив О. К. Селянкина, писателя, участника Великой Отечественной войны. Значительную часть этого архива составляет переписка Олега Константиновича с однополчанами, друзьями, писателями, читателями. Мое внимание привлекли письма А. А. Кузнецовой, адресованные О. К. Селянкину.

А. А. Кузнецова (1911 — 1996) — писатель, автор книг «Ночевала тучка золотая», «А душу твою люблю...», «Долли», «Под бурями судьбы жестокой...» и др. Благодаря Агнии Александровне вся страна узнала о селе Ильинском, что находится в Пермской области. Родом из этого села был прадед Агнии Кузнецовой Петр Яковлевич Кузнецов, крепостной Строгановых. На основе его дневников была написана книга «Под бурями судьбы жестокой...»

Знакомство Агнии Кузнецовой с Олегом Селянкиным состоялось в июне 1978 года, когда в Прикамье проходили Дни советской литературы. Агния Александровна была в составе писательской делегации. А затем на протяжении 15 лет Агния Александровна и Олег Константинович писали друг другу письма. «В Вас я с первых встреч в Перми почувствовала человека мне близкого, и Вы навсегда заняли положенное Вам место в моем сердце», — писала Агния Кузнецова в 1987 году¹.

В коллекции музея 26 писем А. А. Кузнецовой, датированных 1978 — 1993 годами.

Письма ранние, в основном, о творчестве, работе над книгами. «Закончила новую повесть о Н. Н. Пушкиной «А душу твою люблю...» Два отрывка были напечатаны в «Огоньке», а вся она выйдет в февральском номере «Октября»². «Волнуюсь. Пожалуй так, как никогда еще не волновалась»³. «После публикации повести в «Октябре»... как это ни странно, основные и наиболее уважаемые мною пушкинисты меня поддержали. Я рада не за себя, рада за Наталью Николаевну, которой отравили всю жизнь клеветой, да и не только ей, но и детям Пушкина»⁴.

Агния Александровна была очень благодарна Перми и пермякам за прекрасно изданную в нашем городе ее книгу «Под бурями судьбы жестокой...»

Олег Константинович посылал Агнии Александровне рукописи своих новых книг. Она была очень внимательным и требовательным читателем, и критиком, при этом всегда оставаясь доброжелательной и тактичной. «Мне не по душе эпитафия романа («Быть половодью» — Н. Н.). Очень уж он в лоб. Название романа мне тоже

не очень нравится, но это уже чисто личное восприятие, которое, естественно, не надо принимать в расчет»⁵.

А после выхода книги «На пути к победе» она написала: «Поздравляю Вас с выходом книги... Вы знаете те страшные годы не по книгам и рассказам. Вы их выстрадали»⁶. «Друг мой, не сомневайтесь в силе своего литературного мастерства»⁷.

Олег Константинович отправлял Агнии Александровне не только свои книги, но и книги начинающих пермских авторов. Любопытен отзыв Агнии Александровны о первой книге Леонида Юзефовича (ныне известного российского писателя): «Что касается книжки Л. Юзефовича «Обручение с вольностью», я ее прочла. Для первой книги это очень неплохо. Автор владеет историческим материалом, берет темы острые для нашего времени. Как художник, правда, мне он еще не очень ясен. И я боюсь, что по одной исторической книге комиссия может его отвести (речь идет о вступлении Л. Юзефовича в Союз писателей — Н. Н.). Стоит ли доставлять молодому автору такие переживания? Нет ли смысла подождать следующей книги?»⁸

Несмотря на свой далеко не юный возраст (ей за 70), Агния Александровна полна оптимизма: «В душе нет-нет да и блеснет мысль: «А все-таки жизнь хороша! И столько вокруг прекрасных людей, настоящих, только надо не потерять их...»⁹ И еще: «Хорошо, правда ведь, что существуют почта и телефон, а впереди целая вечность?»¹⁰

Пройдет совсем немного времени, и все резко изменится — настроение, состояние души. В стране началась перестройка.

В письмах А. А. Кузнецовой конца 1980 — середины 1990-х годов — драма, которую переживала российская интеллигенция в эти годы. В них мучительный поиск выхода из создавшегося положения, определение своего места в этом новом мире.

90-е годы XX века нередко называют десятилетием социально-политических жестокостей. Особенно трудно пришлось в этот период людям немолодым. В одночасье рухнул привычный и обжитый ими мир.

Очень сложной была в это десятилетие обстановка в литературной жизни страны. С конца 1980-х годов начинается процесс пересмотра основных ценностей русской литературы XX века.

Каждый новый месяц, приносивший очередные номера «толстых журналов», опрокидывал прежние литературные концепции, сформированные в 1930 — 1980-е годы. Со всех флангов шло наступление на соцреализм. Виктор Ерофеев публикует в «Литературной газете» свою знаменитую статью «Поминки по советской литературе». Выступления в прессе очень эмоциональны, постоянно звучат взаимные упреки литераторов, нередко личного характера.

Журнальная война, не затихая, перешла в организационную сферу и завершилась распадом Союза писателей (1992) и изолированным существованием двух новых Союзов.

Агния Кузнецова пишет в эти дни: «Я как в тайге заблудилась и не знаю, куда я иду, куда все идут и что происходит»¹¹. «В Союзе

непонятно, что творится. Есть он или нет — неясно. То же и в отношении Литфонда, издательства «Советский писатель», Домов творчества и всего, что когда-то имело отношение к писателям»¹². «Московские писатели живут сложно. Все, за исключением тех, кто умеет приспосабливаться в любой обстановке, фактически безработные. В магазинах, кроме хлеба и молока (если успеешь вовремя захватить), ничего нет. Люди озверели. Больше всего страдаю за молодежь. Не знаю, как у Вас, здесь страшный извращенный разврат. Да и как ему не быть, когда без него не обходится ни один спектакль в театре, ни одна передача на телевидении. В него ударились «Юность» и «Комсомольская правда», да и другие, даже не юношеские издания. Порою я просто перестаю понимать, что происходит. Наяву ли все это? Или мне снится страшный сон? Простите меня, дорогой Олег Константинович, это крик души»¹³.

У Агнии Александровны, как и у многих людей старшего поколения, были иллюзии относительно того, что жизнь может вернуться в старое русло. Для этого достаточно стукнуть по столу. «Боюсь, что правительство наше, если и очнется от колдовского сна и гневно хватит кулаком по столу, дескать, «будя сквернословить!» — будет слишком поздно. Все, с кем ни поговорю, думают то же самое. Все ждут чего-то... Закончила новую повесть «Арина Радионовна», в интереснейших материалах помог мне пушкинский «домовой» Гейченко... Предложила рукопись в «Октябрь», который выдвигал меня на Государственную премию, ... но получила отказ. Их больше заинтересовал Синявский своей «Прогулкой с Пушкиным». В «Юность» я уже сама не пошла. Не в моде старые писатели. Грустно. Будем надеяться, что все-таки стукнут, что снова можно будет жить и работать»¹⁴.

В это очень сложное время двое уже немолодых людей стремились поддержать друг друга. «Вы убеждали меня всегда оставаться русской женщиной — сильной, волевой», — писала Агния Кузнецова Олегу Константиновичу¹⁵. «Спасибо, что не забываете старых друзей. Это ведь тоже сейчас не в моде»¹⁶. А последние строки последнего письма Агнии Кузнецовой, датированного 21.03.1993 года, о будущем: «Дай бог, чтобы внукам досталось что-то разумное, светлое, интересное»¹⁷.

¹ ПОКМ 19369 / 41

² Там же, / 32

³ Там же, / 34

⁴ Там же, / 35

⁵ Там же, / 38

⁶ Там же, / 39

⁷ Там же, / 33

⁸ Там же, / 30

⁹ Там же, / 29

¹⁰ Там же, / 43

¹¹ Там же, / 49

¹² Там же, / 53

¹³ Там же, / 48

¹⁴ Там же, / 46

¹⁵ Там же, / 28

¹⁶ Там же, / 47

¹⁷ Там же, / 53

Е. Е. Боброва
Пермь

**«Хочется попасть
в гущу политической работы...»
(по страницам дневника студента 1920-х годов)**

В 1922 году постановлением Главпрофобра в Пермском университете был открыт педагогический факультет, объединивший физико-математический факультет, общественно-педагогическое отделение ФОПа и институт народного образования¹. Факультет стал одним из самых крупных в университете: на нем обучалось более 900 студентов, а его преподавательский коллектив составляли педагоги (в том числе 19 профессоров), многие из которых в дальнейшем стали учеными с мировым именем. По воспоминаниям современницы, особую «демократическую струю» на факультет вносили студенты, прошедшие рабфак².

Среди тех студентов, кто, несмотря на юный возраст, уже имел трудовой (причем педагогический) стаж, был и Вячеслав Пискарев. Он родился в 1904 году в Очере в семье мещанина, окончил Верх-Очерское начальное народное училище и школу II ступени, после чего, проработав год учителем в сельской местности, в 1922 году пополнил ряды пермского студенчества. Вступив в самостоятельную трудовую жизнь, Вячеслав в 1921 году начал вести дневник. Сохранилось четыре тонкие тетради с пожелтевшими и потрепанными листами, местами трудно читаемые из-за выцветших чернил, которые вдова В. Пискарева Ганна Васильевна Макаревич вместе с материалами своего личного архива передала (1983) на хранение в Пермский областной краеведческий музей. Дневник датируется июлем 1921 — январем 1924 года и содержит наблюдения юноши и его размышления о поисках своего места в строительстве «новой жизни».

Ответ на вопрос, что побудило молодого человека начать документировать свою жизнь, можно отчасти найти, заглянув на страницы дневника 1921 года, где Вячеслав Пискарев пишет (здесь и далее сохранена орфография и пунктуация автора): «...я думаю, почему я не писал его [дневник] в 19 — 20 году? Как приятно его бы прочесть. Очень жаль... Недостатки этого дневника: мало описаны душевные переживания. Желая более обратиться на свой внутренний мир. ...когда будет мне грустно и тебя возьму и вновь все прочту и вспомню прожитые дни»³.

Первые записи в дневнике свидетельствуют о том, что Пискарев полон надежд и решимости получить дальнейшее образование, продолжить учебу потому, что «сильно тянет к общественной жизни и политическим занятиям», однако «материальные отношения заставляют идти в учителя»⁴. Он замечает, что «проклятая материальная сторона взяла верх над чистыми духовными стремлениями», и «придется на целый год оставить политическое развитие». Говоря

современным языком, Вячеслав Пискарев был весьма политизирован, причем принимал как единственно верные официальные оценки тех или иных событий и явлений. Например, он говорит, что «далеко ушла вперед русская деревня за время революции», хотя и отмечает: «...с болью на сердце приходится видеть какой закоренелый собственник русский крестьянин, для которого нет ничего дороже себя»⁵. Молодой человек тяжело переживает тот факт, что «голод дал себя знать на всех проблемках человеческой жизни», и это в такой «первой свободной стране» как «Россия, где все доступно и возможно, если захочешь». С трудностями жизни в деревне начинающего педагога примиряло сознание того, что «раньше нарочно шли в народ, чтоб быть ближе и учить..., а русский крестьянин и теперь еще темен и нуждается в помощи».

Мечта В. Пискарева о поступлении в университет, чтобы «учиться, учиться до профессора» и «все знать и понимать», стала явью, и новоиспеченный студент общественно-экономического отделения педагогического факультета Пермского университета продолжает фиксировать интересные события своей, теперь уже студенческой, жизни. 30 апреля 1923 года он, в частности, пишет: «И у нас в общегиттии идет приготовление к празднику «весны и свободы»... Да я люблю такие широкие праздники, на которые готовится ни семья, ни группа, а трудовая семья всего мира»⁶. Он с подъемом рассказывает и о молодежном карнавале в Перми, и о прогулках по набережной вечерней Камы, не забывая, впрочем, и о политике. Следом за поэтическим повествованием о том, как «ясное голубое небо своим сводом прикрыло Каму, но она прошла под свод и скрылась далеко, далеко» можно прочесть следующее: «Буря возмущения, негодования пронеслась по Перми по всей России. Убит представитель, убит дипломат от социалистической респуб[лики] (Речь идет о В. Воровском). ...Враги не могут примирится с существов[анием] социал[истической] республики, которая растет, ширится и сменяет старые формы»⁷. Искренние, порой наивные рассказы о буднях студенческой жизни перемежаются со строками, по стилю больше подходящими для идеологически выверенных передовиц газеты «Правда».

Школьником В. Пискарев прочел произведения Н. Гарина «Детство Темы», «Гимназисты», «Студенты», главный герой которых вызвал у него большую симпатию. Став студентом, Вячеслав вновь вспомнил о «Темке — баловне судьбы» и заметил, что когда-то завидовал ему, а «теперь совсем нет, потому что тип студента нынче другой»⁸. Судя по дневниковым записям Пискарева, пермские студенты образца 1923 года учились, преодолевая пробелы среднего образования, так как «жили в период реорганизации школы, ...были свидетелями коренных изменений в прогнившей жизни...» Кроме того, сам Вячеслав был очень увлечен комсомольской работой: «Я долгое время думал миновать союзную работу и взяться за партийную, но теперь я мыслю иначе... Комсомольцы уже воспитываемые в

других условиях, чем партийцы, и потому они минуют некоторые грязные черты буржуазного общества. Наконец они как менее уставшие являются более чуткими, отзывчивыми. Работа среди молодежи более интересна, правда она требует известного умения, подходов»⁹. В сентябре 1923 года Пискарев с группой молодежи побывал в Москве, где «куется новая жизнь», и пришел к выводу, что хотел бы остаться там работать.

Начиная вести дневник, Вячеслав Пискарев записал: «Работы для себя лично исполнять не хочется. Хочется попасть в гущу политической работы, хотя бы в губернский город и быть маленьким участником той грандиозной работы, которая сейчас продлевается в России»¹⁰. Можно сказать, его желание активно участвовать в политической жизни и проявить себя в качестве общественного деятеля осуществилось. Пискарев вступил в 1926 году в ВКП(б), окончил в 1928-м университет, получив квалификацию педагога по обществоведению, а 31 августа 1937 года, будучи доцентом пединститута и заведующим отделом школ и науки Пермского ГК ВКП(б), был арестован по обвинению в принадлежности к антисоветской диверсионно-вредительской организации, якобы проводившей вредительскую работу в аппарате горкома, и осужден по ст. 58-7.5.11. УК РСФСР на высшую меру наказания. К моменту ареста семья Вячеслава Васильевича Пискунова состояла из беременной жены и двух малолетних детей. Молох сталинизма — эта страшная, ненасытная сила, требовавшая человеческих жертв, — уничтожил «маленького участника грандиозной работы», который в юности так радовался, что живет в «первой свободной стране».

¹ Пермский государственный университет имени А. М. Горького. Исторический очерк. 1916 — 1966. — Пермь, 1966. — С. 35.

² Генкель М. А. «Я благодарна своим учителям» // Пермский университет в воспоминаниях современников. Вып. 1. — Изд. Томского университета. Пермское отделение, 1991. — С. 6.

³ ПОКМ. Фонд Макаревич Г. В. (1157). № НВ 3737/75.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. № НВ 3737/76

⁷ Там же.

⁸ Там же

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. № НВ 3737/75

Н. А. Васильева

Пермь

**«Коли не глух, услышишь тоску и печаль
русского человека...»
(о новых поступлениях писем в фонд Астафьевых)**

В семейном фонде Виктора Петровича и Марии Семеновны Астафьевых, хранящемся в Государственном архиве Пермской области, на учете состоит 780 единиц хранения за 1928 – 1992 годы¹. Почти треть из них выделены в категорию особо ценных.

В фонде представлены все виды документов, характеризующие жизнь и творчество этих талантливых людей. Это авторские рукописи художественных произведений, публицистических статей, очерков, сценариев фильмов, пьес и рецензии на них, отзывы на произведения начинающих авторов и известных писателей. Общественную деятельность и личную жизнь семьи Астафьевых отражают автобиографии и характеристики, анкеты и интервью. О значимости Виктора Петровича и Марии Семеновны Астафьевых свидетельствуют многочисленные буклеты, статьи о них и их творчестве, поздравления к юбилеям, по поводу награждений и присвоения званий от президента России и до простого почитателя таланта. Огромный интерес представляют фотографии семьи Астафьевых, снимки в кругу друзей, во время встреч с читателями, редких минут отдыха.

В 2001 – 2002 годах в архив поступило полторы тысячи новых документов, почти шесть тысяч листов за 1952 – 2002 годы, которые в настоящее время находятся в процессе научно-технической обработки – проходят стадию разбора. Среди этого, приятного для нас изобилия, выделяется огромное количество писем, телеграмм, поздравительных открыток – от собратьев по перу – писателей В. Курбатова, С. Залыгина, Н. Вагнера, Н. Домовитова, Л. Кузьмина, от друзей – известных художников, скульпторов, артистов, от представителей власти, политиков, религиозных деятелей.

Значительная часть писем от «простых русских людей», как сами себя называют большинство корреспондентов. Для Астафьевых эта почта самая дорогая, хотя требующая больших затрат души. В. П. Астафьев в одной из своих статей пишет: «В последние годы из почты, мне присылаемой, я близко к сердцу принимаю письма-повествования о своей жизни наших простых людей. У них и рассказы просты, безыскусны, и жизни у всех похожие, драматичные, часто трагичные, а ни стоны, ни жалобы, лишь в самой тональности письма, коли не глух, услышишь тоску и печаль русского человека, тоску по настоящей жизни, печаль о напрасно прожитых днях».

В своих письмах незнакомые люди рассказывают о своей жизни, проблемах, о том, что в произведениях Марии Семеновны и Виктора Петровича находят подтверждение своим переживаниям.

Темы, затронутые в письмах, разные — раскулачивание, политические репрессии, Великая Отечественная война, бездушие и несправедливость чиновников, переживание о судьбе страны и своих близких после политических, экономических и социальных реформ конца XX века.

Виктор Петрович и Мария Семеновна не остаются равнодушными читателями присланной им корреспонденции. На каждом из писем пометки Виктора Петровича, а чаще всего Марии Семеновны: «от читателей», «от писателей», «прочитано», «в статью», «использовать для выступления», «ответить» и т.д. По тону письма чувствуется, что люди доверяют Астафьевым: «Как читатель, давно преклоняюсь перед Вашим даром и умением выражать «глас народа». По Вашим книгам всегда будут судить о России, о россиянах, их нелегкой судьбе, какой нет ни у одного народа мира...», потому и пишут читатели в своих письмах о произведениях Астафьевых: «...Читала как про себя...»

Как остаться равнодушными после строк одного из многих ровесников Астафьевых! На семи тетрадных страницах он описывает убогим почерком свою жизнь, подобную жизни многих из этого поколения, которым довелось пережить раскулачивание, ссылку, войну, да еще перестройку. В конце письма он подводит итог: «Вся жизнь — история страны». Другой автор пишет: «Знаем, что наше поколение жизнь прожило. Не так, как хотело, а как довелось».

Часто люди обращаются к Астафьевым как к последней инстанции. Вот строки одного из многих подобных писем: «В 1930 году моих родителей, нас, троих ребятишек и деда выбросили из родного дома (и так полдеревни). Погрузили на сани и погнали в ссылку» и далее: «Хочу реабилитации моей семьи. Разыскиваю по архивам хоть что-то о раскулачивании. В справках — не значатся, не числятся, не сохранилось». Как это знакомо архивистам!

Особенно много пишут о войне. Часто затрагивают тему сохранения семьи, уважения к женщине. Откликаются на статью Виктора Петровича о своей жене и беспокоятся о женщинах России, которые вынесли бремя лихих годин нашей истории: «...Русская женщина, как тебе не воздать должно!»

Многие авторы писем озабочены современным состоянием культуры, высказывают боль за молодых писателей: «...горестно вместе с Вами думать и знать о тягостном, беспросветном положении честных, даровитых, верных правде писателей, ютящихся вдали от Москвы, в российской глубинке...» Много писем от учителей, переживающих за духовность, нравственность нашей молодежи.

В некоторых письмах после анализа политической ситуации в современном обществе высказываются мысли о неверии в будущее. Вот как пишет один автор: «Короче, боль и тоска. Не дотянем до возрождения ...» Но все-таки большинство авторов писем мыслит как писатель-оптимист из Красноярска: «И все же, хоть нелегко живется, но легче сейчас дышать и думать. Верю во все хорошее,

доброе, оно наступит в России, может раньше, чем предсказывают экономисты и социологи. Неизмеримая сила хранится в непобедимой России».

Перед архивистами стоит сложнейшая задача описать, систематизировать это богатейшее наследие Астафьевых.

Подводя итоги, отметим, что богатейшее письменное наследие Астафьевых еще ждет своего исследователя, а архивисты постараются сохранить его на долгие годы.

¹ ГАПО. Ф. р-1659. Оп. 1.

М. Г. Нечаев
Пермь

«Рукописи не горят...» (о жизни и наследии М. Г. Торновского)

Динамика российской истории XX века такова, что позволяет говорить о нем, как о переломном. На рубеже веков заново были открыты многие неизвестные имена российской интеллектуальной элиты. Михаила Георгиевича Торновского вполне можно отнести к таким именам.

О его рукописи «От господина Великого Новгорода до Великого океана» начали говорить и писать в пермской прессе еще в 1994 году¹. Рукопись и архивно-следственное дело в отношении М. Г. Торновского хранятся в Государственном общественно-политическом архиве Пермской области².

Михаил Георгиевич родился в 1882 году в Покровске Саратовской губернии³ в семье крестьянина. В 1904 году окончил Иркутское военное училище и начал служить младшим офицером. Участвовал в русско-японской войне в составе первой маньчжурской армии. За боевые отличия был награжден Орденом Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом. С 1906 по 1909 годы — начальник учебной полковой команды (подготовка унтер-офицеров). В 1910 году окончил Главную гимнастическую фехтовальную школу в Санкт-Петербурге. С 1910 по 1914 годы — начальник дивизионной школы по подготовке инструкторов гимнастики, фехтования и спорта. В 1914-м окончил курсы преподавателей военных училищ и в этом же году стал преподавателем Иркутского училища. Начал читать лекции по тактике и топографии, а также вел занятия по физической подготовке юнкеров и фехтованию. Кроме того, преподавал в гражданских учебных заведениях Иркутска: реальном (первом), промышленном училищах и в учительском институте. Из наградного листа⁴ известно, что М. Г. Торновский в годы первой мировой войны в чине капитана занимал должность командира 1-й роты юнкеров. 17 октября 1916 года «по личному желанию» в составе 242 пехотного Луковского полка отправился в действующую армию и командовал 3-м батальоном вплоть до революции. За отличия в боях на Румынском фронте с 10 по 22 декабря 1916 года у деревни Моара-Луи-Трандофик, Лункавице и Векерении и местечке Мачин награжден Орденом Святой Анны 2-й степени с мечами (ранее тем же орденом, но только 3-й степени его наградили в 1910 году). Летом 1917-го получил чин подполковника и после ранения был направлен в Иркутское военное училище, где принял 1-ю роту юнкеров⁵.

Во время подготовки вооруженного выступления большевиков в Иркутске в начале ноября 1917 года М. Г. Торновский предложил арестовать руководство партии большевиков. Однако за подобного

рода предложение по требованию комиссара Временного правительства Кругликова его отстранили от командования ротой и арестовали. После вооруженного выступления его освободили из-под ареста и он выехал в Маньчжурию в город Харбин, где вступил в «Комитет защиты Родины и Учредительного собрания», организованный генеральным консулом Временного правительства Поповым и генерал-лейтенантом Д. Л. Хорватом. Комитет был создан для «изыскания средств, оружия и формирования белогвардейских отрядов для борьбы с Советской властью»⁶. М. Г. Торновский занимался вопросами снабжения военных формирований оружием и денежными средствами. Комитет сформировал несколько отрядов численностью 1000 человек. После взятия Иркутска белыми М. Г. Торновский в августе 1918 года вновь приехал в свое родное военное училище, где принял командование первой ротой⁷. В октябре 1918-го М. Г. Торновский выехал в Стерлитамак по приглашению начальника штаба Южной армии генерала И. В. Тонких. Там ему поручили на базе существующих двух рот сформировать первый егерский полк специального назначения⁸.

Егерский полк нес охрану штаба армии и считался стратегическим резервом. Кроме того, через этот полк проходили все вновь прибывшие в Южную армию офицеры. Здесь проверялись их знания в области военных наук, а также «политическая благонадежность». Только после такой проверки они проходили аттестацию и назначались по полкам армии⁹. Под командованием М. Г. Торновского полк принимал участия в боях против частей Красной армии в районе Актюбинска, Иргиза и Кокчетава. Он был произведен в чин полковника и командовал полком вплоть до ноября 1919 года. Затем был командирован в ставку Колчака. До ставки он так и не добрался, а уехал к своей семье в Монголию, в Ургу¹⁰.

В феврале 1920 года Монголия была занята войсками генерала Унгерна — начальника дивизии Семеновской армии. Он объявил мобилизацию российских военнослужащих, проживающих в Монголии. В июне 1920 года М. Г. Торновского назначили начальником штаба отряда генерала Резухина, с которым он принимал участие в боях с китайской армией и был тяжело ранен. В июле 1920 года генерал Унгерн предпринял поход в Забайкалье — «поход на Русь». М. Г. Торновский назначается походным интендантом, а также организатором агитационной кампании среди казачества, но несмотря на «тыловой» характер своей деятельности, не избежал участия в боях с Красной армией¹¹.

В октябре 1920 года в дивизии произошел «бунт против генералов». Унгерн бежал из дивизии, а генерала Резухина убили. М. Г. Торновский принял командование отрядом Резухина и повел его в Маньчжурию, где по его инициативе бойцы отряда были разоружены и получили китайское местожительство. После сдачи оружия в Хайларе Михаил Григорьевич от китайского генерала Джан-Кун получил специальную грамоту, которая давала право проживания

в Маньчжурии в любом ее пункте¹². На этом его военная карьера завершилась, и начался новый этап в жизни. По географическому местопребыванию этот этап можно разделить на харбинский (1920 – 1932) и шанхайский (1932 – 1947).

В Харбине Михаил Григорьевич занимался легковым извозом и одновременно был представителем «Русской духовной миссии». Духовная миссия занималась распространением русских учебников для средних школ. Михаил Григорьевич был представителем духовной миссии на общественных началах с 1921 по 1927 годы. Затем он стал заведующим типографией Софийского прихода. Год работал управляющим издательства «Просвещение», которое принадлежало «Союзу учителей» КВЖД. В 1925 году он перешел на работу в издательство Фоменко, где издавались книги и брошюры для учебных заведений, детская литература и календари, заведующим книжным и писчебумажным магазином. С 1925 по 1928 годы проработал управляющим издательства газеты «Гун-бао» (выходила на русском и китайских языках), после увольнения перешел в издательство «Восток», также управляющим. В Харбине М. Г. Торновский вел активную общественную деятельность: читал доклады и лекции, устраиваемые «Обществом ревнителей военных знаний», написал несколько десятков статей. Кроме того, состоял практически во всех эмигрантских организациях: «Эмигрантский комитет» (с 1922); «Русский общевоинский Союз» (с 1923); «Офицерское собрание» (с 1931); «Общество ревнителей военных знаний» (с 1928)¹³.

В начале 30-х годов Михаил Григорьевич из «вечного управляющего» издательств превращается в строителя. Он начинает работать в качестве доверенного лица инженера Рахманова, который по подряду строил один из участков железной дороги. После окончания строительства М. Г. Торновский выехал вместе с семьей из Харбина в Шанхай, где он открыл угольный склад, затем работал на заводе выработки фруктовых и минеральных вод, став в конечном итоге владельцем этого завода. Однако эта производственная деятельность оказалось недолговечной — любовь к «печатному слову» одержала новую победу. В 1936 году Михаил Григорьевич стал управляющим газеты «Новый путь». В Шанхае он также продолжал активно участвовать в белоэмигрантской общественной жизни. Вступил в члены «Национально-Трудового Союза нового поколения», стал председателем «Русского общественного собрания», которое ставило перед собой культурно-просветительские цели, создал землячество — «Союз иркутян». В 1937 году в Шанхае было организовано «Бюро российских эмигрантов» или БРЭМ, объединившее все белоэмигрантские организации (эта организация в Китае была создана раньше — в 1934)¹⁴.

В 1941 году Михаил Григорьевич вышел из всех белоэмигрантских организаций, о чем сделал публичное заявление, которое было помещено в ряде эмигрантских и иностранных газет. Причиной

выхода из этих организаций явилось то, что он не был согласен с их решением оказать всемерную поддержку Германии в борьбе против Советского Союза¹⁵.

С 1939 вплоть до 1942 года сотрудничал с американским телеграфным агентством «Пресс-Уаллерс». После закрытия агентства японцами работал на французском винокуренном заводе, а затем в охранном агентстве. И вновь газета — стал заведующим «Русской копилки». С приходом в Шанхай американских войск служил в их штабе охранником. В 1945 году М. Г. Торновский принял советское гражданство, а в 1947-м ему разрешили въезд в СССР. Советский консул убедил его в том, что за его прошлую антисоветскую деятельность он нести ответственность не будет¹⁶. В декабре 1947 года М. Г. Торновский перебрался в город Молотов, где работал на строительстве «Камгэса» бухгалтером и архивариусом вплоть до 1949 года.

6 июля 1949 года 67-летнего Михаила Григорьевича приговорили к работам в исправительно-трудовом лагере в Мордовии сроком на 25 лет. На заседании Центральной комиссии по пересмотру дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, содержащихся в лагерях, колониях и тюрьмах МВД СССР и находящихся в ссылке на поселении, 30 мая 1955 года отменили постановление от 6 июля 1949-го и М. Г. Торновского освободили из-под стражи¹⁷.

М. Г. Торновский на протяжении более чем 20 лет писал огромный труд: «От Господина Великого Новгорода до Великого океана: историко-социально-экономические записки». Основу этой работы составляет машинописный текст, имеющий множество вставок. Вместе они составляют около 700 листов.

Рукописная книга состоит из введения, двух частей и приложения. Цель книги четко сформулирована во введении: «На этих страницах конспективно (подчеркнуто М. Г. Торновским) изложено шаг за шагом движение русских людей на северо-восток и рассказано о главных героях, создавших Россию в Азии. Записки в исторической своей части дают полную картину, как и кем создавалась Азиатская Россия...»¹⁸

Если говорить о методологической составляющей данной работы, то необходимо отметить, что автор явно придерживается патриотических позиций — история как «героический эпос русских людей». Его патриотизм заключается в том, что исторические события рассматриваются с точки зрения государственных интересов. Россия воспринимается как «Великая империя», а Советский Союз как продолжатель «имперской политики». Хотя М. Г. Торновский нигде не пишет о своих симпатиях к «евразийству», но совершенно очевидно из текста, что он стоит на их мировоззренческих позициях¹⁹.

Еще одна особенность делает данную работу совершенно уникальным произведением — это ее жанр. Автор определяет его как историко-социально-экономические записки. Но можно вполне

четко сказать, что это не просто отдельно взятые записки на вольные темы, а книга, ставшая серьезным и глубоким исследованием важнейших страниц в отечественной истории, и охватывающая период с расселения славян до 1941 года. Причем, позволю предположить — это одна из первых работ в отечественной историографии, написанных в уникальном жанре историко-геополитического анализа.

В первой части, которую автор назвал исторической, рассматриваются периоды русской колонизации восточных земель. Колонизация, по мнению М. Г. Торновского, начинается с Господина Великого Новгорода. Затем идет долгий и интересный рассказ о роли родов Строгановых и Демидовых, а также атамана Ермака Тимофеевича в освоении Урала и Сибири. И дальше автор подробно описывает «закрепление русских» по речным бассейнам Сибири. Панорама превращения Азии в Евразию разворачивается достаточно широкая, вплоть до Северной Америки и даже Канарских островов. Это наиболее интересные и малоизвестные для широкого круга читателей страницы.

Пристальное внимание автор уделил военным аспектам темы (вооружение, тактика, стратегия и т.д.), а также сложным международным отношениям России с Великобританией, Германией, Францией, США, Японией, Китаем, Монголией и т.д.

Во второй части дается социально-экономический обзор Азиатской России без земель Средней Азии. Эта часть работы не менее интересна, чем первая, и представляет из себя вполне самостоятельное и законченное исследование. В приложении представлены воспоминания и статистика в табличных вариантах.

Данная рукопись имеет неоспоримые достоинства и ее необходимо подготовить к печати. М. Г. Торновский писал ее вплоть до ареста и, видимо, искренне верил, что когда-нибудь труд его жизни увидит свет. Очень жаль, что этот труд, хранившийся в архиве свыше 56 лет, до сих пор остается в единственном рукописном варианте.

¹ Клевцов В. От господина Великого Новгорода до Великого океана // Звезда. — 1994. — 18 мая.

² ГОПАПО. Ф. 641. Оп. 1. Д. 9027.

³ Покровск, расположенный на левом берегу Волги напротив Саратова, в советскую эпоху был переименован в город Энгельс.

⁴ ГОПАПО. Ф. 641. Оп. 1. Д. 9027. Л. 107.

⁵ ГОПАПО. Ф. 641. Оп. 1. Д. 9027. Л. 21.

⁶ ГОПАПО. Ф. 641. Оп. 1. Д. 9027. Л. 23.

⁷ ГОПАПО. Ф. 641. Оп. 1. Д. 9027. Л. 26.

⁸ ГОПАПО. Ф. 641. Оп. 1. Д. 9027. Л. 16, 29.

⁹ ГОПАПО. Ф. 641. Оп. 1. Д. 9027. Л. 30.

¹⁰ В настоящее время Улан-Батор

¹¹ ГОПАПО. Ф. 641. Оп. 1. Д. 9027. Л. 16, 36.

¹² ГОПАПО. Ф. 641. Оп. 1. Д. 9027. Л. 41.

¹³ ГОПАПО. Ф. 641. Оп. 1. Д. 9027. Л. 41 — 42, 44, 49 — 50.

¹⁴ ГОПАПО. Ф. 641. Оп. 1. Д. 9027. Л. 74, 77 — 78.

¹⁵ ГОПАПО. Ф. 641. Оп. 1. Д. 9027. Л. 40, 87, 109.

¹⁶ ГОПАПО. Ф. 641. Оп. 1. Д. 9027. Л. 151.

¹⁷ ГОПАПО. Ф. 641. Оп. 1. Д. 9027. Л. 20, 40, 87 109, 141, 148.

¹⁸ ГОПАПО. Ф. 641. Оп. 1. Д. 9027. Приложение. Л. 4.

¹⁹ Подробней об евразийстве см.: Мир России. — Евразия: Антология / Сост.: Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. — М., 1995.

В. Г. Светлаков

Пермь

В. П. Астафьев: штрихи к творчеству и портрету (обзор переписки писателя и С. М. Гинца)

Может быть, только с возрастом приходит ко многим понимание, насколько интересны и важны письма, переписка людей, в которых, как в зеркале, отразились время, события, личностные отношения, решение каких-то конкретных проблем. Письма, даже написанные «под настроение», «по случаю», «на скорую руку», отражают многообразный мир людей, их тревоги, заботы, переживания. Не случайно считается: письма — форточка души человека.

Как магнитом, притягивает к себе переписка политиков, ученых, писателей, словом, творческих личностей. В их переписке нет проходных, случайных тем: они пишут о том, что больше всего занимает их ум, волнует душу.

Все эти рассуждения построены на основе переписки писателя Виктора Петровича Астафьева с редактором Пермского книжного издательства Савватием Михайловичем Гинцем, редактировавшим его книги («Сибиряк», «Дикий лук», «Рассказ о любви» и другие). Их переписка невелика по объему: это три письма С. М. Гинца В. П. Астафьеву, написанные в 1970 – 1971 годах, и 12 писем и открыток В. П. Астафьева С. М. Гинцу, написанные в 1960 – 1970 годах, но сколько в них проблем и тем, связанных, главным образом, с историей создания и издания новых книг писателя. Переписка расширяет представления, углубляет наши знания о творческой лаборатории известного писателя, о его деловых и душевных качествах.

Так, первого декабря 1960 года Гинц получил письмо Астафьева, в котором он уведомляет адресата: «Высылаю рукопись и договоры¹. Как будто все нормально. Сцену припадка контуженных не смог снять. Слишком много на нее ложится смысловой нагрузки и, кроме того, она влечет за собой большие изменения в тексте... Без нее рассказ сразу становится облегченным и суживается тема. Пусть остается. Натуралистичности особой я в ней тоже не вижу. Она сурова, даже жестока, а это вещи, конечно же, неприятные, но что сделаешь. Кабы все состояло из приятностей, было бы и жить легко»².

Месяц спустя встревоженный Астафьев пишет Гинцу из Латвии, где он находился на курорте, по поводу неприятностей, связанных с изданием его книги «Звездопад» в издательстве «Молодая гвардия» и двух его рассказов, объединенных авторским заголовком «Рассказ о любви» в Пермском книжном издательстве. Рукопись, предложенную писателем, издательство решило вопреки воле автора выпустить в свет под названием «Звездопад».

В этой ситуации, по словам В. П. Астафьева, в издательстве «Молодая гвардия» «...меня взяли за шиворот: «Пошто так?» Я тук-

мык, а крыть мне нечем. Говорю, мол, ничего подобного и т. д. и т. п. Сами понимаете, что сборник на 18 листов, итог десятилетнего труда, не должен гибнуть из-за книжонки в 2 листа, издаваемой в Перми»³.

В связи с этой щекотливой обстановкой Астафьев обращается к Гинцу с просьбой написать письмо в «Молодую гвардию», предлагая его набросок: «Писатель Астафьев издает в Перми такие-то и такие-то вещи, из коих следует, что это не то, что подозревается». В конце письма Астафьев признается: «Я не знаю даже, как это лучше сделать, но московская книга не должна погибнуть. Она важна не только для меня, но и для всей нашей организации. Может быть, я и заблуждаюсь в отношении последнего, но это дела не меняет»⁴.

Вероятно, эта история так потрясла Виктора Петровича, что через полтора месяца он снова возвращается к этой теме в письме к Гинцу: «Дикий лук» я доработал, и вроде бы он стал лучше, но есть «но». От меня потребовали современные вещи в сборник и «Лук» я включил туда. Согласиться на издание «Лука» после того, что было со «Звездопадом», мне просто боязно. Лишь недавно утряслись все требования и наконец-то все улеглось, и рукопись сборника отдала художнику, а мне выслали аванс. Теперь дело за редактором и сдачей в набор. Сдача по графику в марте. Но и здесь есть «но». Дело в том, что по плану мой сборник 16 листов, а нынешний фактический объем 18. С бумагой в «Молодой гвардии», как везде, туго. Боюсь, что меня заставят втиснуться в плановый объем и кое-что вытащить из сборника»⁵.

В этом случае Астафьев обещал Пермскому книжному издательству отдать свой «Дикий лук» «в уже исправленном и, кажется, вполне пригодном для редактуры виде». В случае, если «с «Луком» не выйдет, я возможно пришлю» другой рассказ. «Называется он «Еловая шишка», посвящен теме защиты природы, действие происходит на Урале, в чудовских лесах. Если это Вас хоть немного успокаивает, я доволен. А то найдутся такие длинные языки и скажут: «Вот уже и обходит Астафьев родное издательство». Скажут ведь, знаю»⁶.

Далее Астафьев интересуется переизданием его книги «Тают снега», просит «попутно» ответить, «сдвинулось ли с места и пошло ли дальше разговоров дело с квартирой для меня. А то время бежит, скоро и курсам конец»⁷.

15 марта 1961 года Гинц получает письмецо Астафьева. Тот сообщает: «Прочел верстку. Не могу похвастаться, что внимательно, все недосуг, закрутила треклятая столица, но мне кажется, там все нормально в тексте»⁸.

28 мая 1961 года Астафьев посылает записочку Гинцу, уведомляя о заключении договора с издательством, но просит договор не пересылать ему, поскольку «через полмесяца я поеду домой»⁹.

В деле хранится письмо В. П. Астафьева, относящиеся к этому периоду (к сожалению, писатель часто не датировал свои письма и

открытки, в этих случаях вручают конверты с почтовым штемпелем). Он сообщает Гинцу: «Посылаю рассказы, а аннотацию принесу сам, потом... Последнюю страницу из «Останутся воспоминания» переписал оттого, что она сильно истрепалась. В «Диком луке» снял сцену и расстроился, очень мне ее жаль. Ну пусть подавятся проклятые литы! Боюсь, что эта уступка повлечет за собой другие претензии со стороны литы»¹⁰.

В переписке имеется несколько поздравительных открыток Астафьева к Новому году, Дню Восьмого марта, первомайским праздникам, и каждый раз он находил новые слова, поздравляя коллегу по литературному цеху: здесь и доброжелательность, здесь и юмор, здесь и отношение Астафьева к происходящему в жизни страны.

Например, 6 ноября 1961 года Астафьев, поздравляя Гинца с праздником Великого Октября, желает «хорошего здоровья, отличных рукописей, как в серию, так и вообще в редакторский портфель». 24 декабря 1962 года Астафьев, поздравляя Гинца с наступающим Новым годом, желает: «Новых книг Вам, новых авторов и, главное, большого здоровья! Пусть не покидает Вас рабочее настроение никогда и доброта, с которой Вы относитесь к искусству и к нам, грешным!» 25 апреля 1969 года в новом поздравлении, адресованном Гинцу, Астафьев пишет: «С праздником Весны! Всем Вам весенних радостей, доброго здоровья, веселого застолья и хороших книг, как весной, так летом, осенью и зимою. Да сдохнет от весеннего солнца тот, кто эти книги губит и душит, да оживет, как трава, тот, кто их пестует»¹¹.

Безусловно представляют интерес и ценность для нас также письмо и открытки С. М. Гинца, направленные Астафьеву. Они расширяют наши представления об Астафьеве как писателе и человеке.

Так, 4 января 1971 года Гинц благодарит Астафьева «за новогодние приветы» и не скрывает: «очень, очень хочу свидеться, когда Вы вновь будете в Перми (не так много людей, с которыми интересно говорить). 8 сентября 1971 года Гинц в письме дает высокую оценку книге Астафьева «Пастух и пастушка»: «Читал и не мог остановиться, даром что слушал тебя, когда ты, Виктор Петрович, читал... Давно не было у нас таких вещей, как твоя. Впечатление удивительное». И обращается к писателю с просьбой: «Я, мы (имея ввиду жену) никогда не выпрашивали книги у авторов. А тут мы оба с большой просьбой: ежели есть возможность, пошли, Виктор Петрович, нам номер «Современника» с повестью. И прости за кланченье»¹².

23 октября 1970 года Гинц поздравляет супругов Астафьевых, Виктора Петровича и Марию Семеновну (Корякину), с серебряной свадьбой. Это событие, пишет он: «достойное солидного празднования и достаточного количества хорошего коньяка». Далее в письме Гинца есть примечательные слова: наша писательская организация, «в коей я не состою, но которая мне не безразлична, осиротела с Вашим

отъездом. Часто думается: эх, надо бы Астафьева! Он хоть и загибал порой, но ведь все это из-за желания добра, он хоть и чрезмерно резок бывал порой, но ведь это все в интересах организации, да нет, не организации, а творчества». И высказывает пожелание: «Не забывайте Пермь, тем более, что мы, так сказать, коренные пермяки, все равно считаем Вас своим. Не забывайте Пермь, бывайте в ней, не забывайте нас»¹³.

В. П. Астафьев последовал этому призыву: все последующие годы, проживая в Красноярске, он не прерывал связи с Прикамьем, навещая места, ставшими для него близкими и родными, переписываясь с пермяками. Пермское книжное издательство не раз давало путевку в жизнь его новым произведениям. Еще при жизни Виктор Петрович передал в Государственный архив Пермской области часть своего личного фонда. После его смерти Мария Семеновна Астафьева-Корякина дополнила личный фонд мужа. Есть надежда на пополнение этого фонда в дальнейшем. Словом, В. П. Астафьев прописался навечно на пермской земле.

Письма В. П. Астафьева, другие его документы имеются и в других фондах, хранящихся в ГАПО, в частности, в фонде Пермского книжного издательства, в личном фонде А. М. Граевского. Наверняка, они есть и в других архивах области, в музеях. Наверное, по таким крупным личностям, как В. П. Астафьев, независимо от противоречивого отношения к нему в обществе, необходимо создавать единую базу данных.

¹ Возможно, речь идет о рукописи «Рассказ о любви» и договорах об издании рассказов «Дикий лук» и «Рассказ о любви», увидевших свет в 1961 г.

² ГАПО Ф. р.1588. Оп. 1. Д. 237. Л. 2.

³ Там же. Л. 3 об., 4.

⁴ Там же. Л. 4, 4 об.

⁵ Там же. Л. 6.

⁶ Там же. Л. 6 об.

⁷ В 1960 г. В.П.Астафьев учился на литературных курсах в Москве.

⁸ ГАПО. Ф. р.1588. Оп. 1. Д. 237. Л. 8.

⁹ Там же. Л. 9.

¹⁰ Там же. Л. 13.

¹¹ Там же. Л. 11, 12, 16.

¹² ГАПО. Ф. р.1588. Оп. 1. Д. 197. Л. 8. На письме есть приписка Наны Кирилловны, жены Гинца: «Потрясена правдой, образами, языком. Трагическая книга, изумительная вещь и такая светлая любовь. Спасибо большое».

¹³ Там же. Л. 10.

В. П. Пономаренко
Соликамск

Культурная жизнь Соликамска в 30 – 40-е годы XX столетия

В городе существовало несколько культурных центров — клубы Горняков и им. Дзержинского, Дом культуры, музей, парк культуры с летним кинотеатром, танцплощадкой, эстрадой, летними читальными беседками и библиотекой. При клубах и Дворце действовали различные кружки.

Во Дворце культуры была общественная библиотека с хорошим читальным залом, и жители окрестных деревень, даже в зимние морозы, по вечерам и выходным дням приходили читать новые газеты. Посещали различные кружки. Хоровым кружком руководила Елизавета Николаевна Панаева; драматический возглавлял Сергей Гремячкин. Был еще планерный кружок от ОСАВХОИМА. Художники Карпов и Царев руководили изостудией, обосновавшейся в клубе Горняков. Воспитанниками изостудии организовывались выставки.

Работал духовой оркестр, руководимый Михаилом Петровичем Казаковым и кружок баянистов под руководством Константина Полубурова.

Строительство и ударная работа калийного комбината привлекли много разных художников в Соликамск. Например, московский художник В. С. Бибилов (1903 – 1973) создал серию гравюр на дереве «Соликамский калий», В. В. Почитайлов — в 1932 году картину «Общий вид Соликамского калийстроя», в 1933 году в Соликамск приехал Г. М. Шегаль (1889 – 1956). Ромахов — оставил большую работу «Гостиный двор в Девятую пятницу» (1940).

Развитие культуры в городе во многом было связано с именами людей, попавших сюда по воле неблагоприятной к ним судьбы.

В 1936 году Алексей Иванович Парфенов был направлен в город начальником радиоузла, который находился во Дворце культуры поселка Калинец. За очень короткий срок под руководством Алексея Ивановича был радиофицирован весь поселок и близлежащие деревни, совхозы и колхозы. Его жена, Мария Степановна, была активной участницей хоровой капеллы, которую возглавляла одна из самых ярких личностей того времени — Елизавета Николаевна Панаева, певица киевской оперы. Она обладала замечательным голосом и эффектной внешностью. Ей пришлось отправиться в добровольную ссылку в Соликамск, так как она была женой человека, близко стоящего к правительству, но в начале 30-х годов репрессированного.

Елизавета Николаевна организовала хоровую капеллу и за короткий срок сумела подготовить классический репертуар из 150 номеров хорового и 100 номеров сольного пения. Уже к 1936 году ею были поставлены оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин» и

«Пиковая дама». Кроме того, Панаева вела занятия с хором вокалистов.

Ежемесячно в клубе Горняков в поселке Калинец, в старой части города, а также в поселке бумажников давались концерты и спектакли. Оформлял их художник С. М. Огарков, бывший референт князя Михаила Романова, сосланный на постоянное место жительства в Соликамск. Человек широко образованный, он страстно отдавался работе хоровой капеллы, был другом и советником Панаевой. Репетиции проводились в клубе Горняков, а Дворец культуры строился. Всего в капелле занимались 40 человек: учителя, инженеры, служащие, домохозяйки и т. д. В их числе были Георгий Мельников, Людмила и Ирина Волковы, Муза Махиева, Зинаида Патрушева, Любовь Чучнева, Иван Усенко, Иван Полубояров, Сергей Шессер и многие другие. Главным покровителем хоровой капеллы был управляющий трестом «Союзкалий», директор калийно-магниевого комбината Владимир Ефимович Цифринович, масштабно мыслящий руководитель.

В 1936 году над головой Елизаветы Николаевны начали сгущаться тучи, и она была вынуждена уехать. Уезжая, просила сохранить коллектив, но в 1937 году он постепенно распался.

Наряду с капеллой существовал драматический кружок, душой которого был режиссер Сергей Леонтьевич Гремячкин. В 1937 году в Соликамск прибыли супруги — актриса Елизавета Тимофеевна Возная и Г. А. Ивановский, бывший администратор театра в Херсоне. Руководители кружка осуществили постановку таких пьес как «Овод» Л. Войнич, «На дне» М. Горького, «Гроза», «Не все коту масленица», «Без вины виноватые» А. Островского и другие. Спектакли пользовались огромным успехом. Вскоре было принято решение присвоить коллективу звание рабочего театра, признать его профессиональным коллективом. В таком состоянии он просуществовал с 1938 по 1941 годы, когда многие артисты ушли на фронт. В самом начале войны погиб режиссер С. Л. Гремячкин. В 1941 году прибыл эвакуированный из Ленинграда актер Воробейчик Лев Дмитриевич и сразу же возглавил осиротевший драматический театр.

Активно действовал в те годы и музей, основанный в 1929 году. Сотрудники организовывали выставки по истории калийной промышленности, занимались сбором материала по истории края. Начаты в 1935 году работы по реорганизации музея и приспособлению переданных ему зданий (Богоявленская церковь, дом Воеводы), к сожалению, не были завершены — помешала война. В 1938 году в Соликамск приехал Московский квартет им. М. И. Глинки в таком составе: руководитель Калужский Михаил Абрамович (виолончель), Хосин Самуил Борисович (первая скрипка), Шольц (вторая скрипка), Багров (альт), Альтерманц Элла Григорьевна (пианино). Квартет находился в городе 7 месяцев, а затем вернулся в Москву. По инициативе квартета были открыты музыкальные классы при

Дворце культуры, которыми впоследствии руководила Ливанова Евгения Андреевна.

В городе побывали и гастрوليрующие артисты — негритянская певица Арле Тиц, джаз СССР, китайские иллюзионисты и другие.

Несмотря на трудности, связанные с Великой Отечественной войной, культурная жизнь в городе не остановилась. Правда, многие здания культуры были переданы на хозяйственные нужды, и основная нагрузка легла на клуб Горняков. Был возобновлен драмкружок, которым руководил Л. Д. Воробейчик — ему удалось поставить пьесы «Синий платочек», «Лес», «Медведь».

В городе было много эвакуированных, среди которых и деятели культуры. В их числе профессор Свердловской консерватории Трувер Карлович Шейблер с супругой Марией Сергеевной; музейные работники, сопровождавшие ценности музеев Москвы, Ленинграда, Загорска, Краснодара. 16 августа 1942 года в Соликамске было организовано отделение по эвакуации художественных ценностей и их охране в тылу. Из Москвы была отправлена партия экспонатов по железной дороге, затем баржами по Каме. Так, в город доставили много экспонатов русского, советского и зарубежного искусства из Государственного театрального музея им. А. А. Бахрушина; научно-исследовательского музея архитектуры им. А. В. Щусева; Государственного Музея керамики и «Усадьбы Кусково»; Загорского музея-заповедника; Государственного Музея Изобразительного искусства им. А. С. Пушкина; Государственного Русского музея; Музея-мастерской скульптора А. С. Голубкиной; выставки произведений М. Ю. Лермонтова и собрания произведений дирекции выставок и панорам; в октябре 1942 года прибыли ценности Краснодарского художественного музея им. Л. Луначарского. Кроме того, летом 1942 года ожидалось поступление экспонатов Сталинградского художественного музея, но они погибли в пути.

Под хранилище был выбран известный архитектурный памятник XVII века — Троицкий собор — обширное каменное, но не отапливаемое здание находилось в ведении музея. Летом в соборе было вполне терпимо, но зимой, когда морозы доходили до 45 градусов, больше 40 минут в нем находиться было нельзя даже в валенках.

В Соликамск вместе с экспонатами прибыли научные сотрудники музеев. Они, несмотря на трудности военного времени, организовали в хранилище строгий порядок, дежурства, обходы. Иван Захарович Птицын — директор Загорского музея — привез экспонаты древнерусской иконописи и прикладного искусства XIV — XVII веков. Возглавил хранилище Борис Николаевич Эмме.

В составе Соликамского объединенного хранилища работали: О. А. Панкова-Постникова, зам. директора по научной части музея керамики; П. Я. Козан, зав.отделом Русского музея; директор музея архитектуры Михаил Павлович Цапенко сопровождал ценности до Соликамска, а затем выехал в город Чимкент, к месту эвакуации Академии архитектуры.

Здесь также работали М. Н. Каменская, К. Г. Костенко, А. К. Осипова, М. П. Богоявленский (директор и старший научный сотрудник Краснодарского музея) и другие.

Коллектив Соликамского хранилища сразу принял активное участие в общественной жизни города. С апреля 1942 года директором музея стал Дмитрий Иванович Удимов, по образованию историк-археолог, именно он установил тесные связи местного и эвакуационного отделения музеев.

Большой интерес вызвала в Соликамске организованная летом 1942 года выставка произведений советских художников-графиков на темы из истории ВКП(б). На ней было показано 140 произведений 84 художников. Среди представленных авторов были: А. П. Бубнов, П. В. Васильев, Б. И. Пророков, М. С. Сарьян, Д. И. Шмаринов и другие.

Была проведена большая работа по разбору фондов музея Борисом Николаевичем Эмме и Дмитрием Ивановичем Удимовым. Было осмотрено большое количество церковной одежды, тканей, серебряных и медных монет, сосудов, образцов чеканки, вышивки, кружев. Выделено 134 предмета музейного значения, часть которых Эмме научно описал. В 1943 – 1944 годах с его участием были изучены предметы деревянной резьбы и печные изразцы, а также изразцы на Богоявленской церкви, Троицком соборе, доме Воеводы. Б. Н. Эмме в содружестве с художником М. П. Богоявленским в 1944 году подготовил альбом с рисунками изразцов и текстом научного описания. В 1943 году с помощью Дмитриева Н. Н. — зав. отделом древней живописи Русского музея — было осмотрено 400 древних икон, из которых 68 выделены как уникальные. Зав. отделом скульптуры Русского музея Преснов руководил осмотром деревянной скульптуры. Было выделено 45 предметов музейного значения.

На протяжении всего военного времени не прекращалось пополнение фондов музея. Было приобретено большое количество изразцов. М. П. Богоявленский — старший научный сотрудник Краснодарского музея и художник — по заказу Соликамского музея написал 15 картин и рисунков по истории города и калийного комбината.

Творческое сотрудничество Михаила Петровича Богоявленского с Соликамским музеем не прошло бесследно. Спустя 30 лет оно было увековечено открытием в 1975 году художественного отдела на основе его коллекции, состоящей из 1350 работ, переданной в дар женой художника Александрой Ивановной Богоявленской.

В 1943 году научный сотрудник Русского музея О. А. Панкова-Постникова написала историко-художественный очерк «Соликамские памятники древней архитектуры», консультантом по исторической части очерка был Д. И. Удимов. Сам Дмитрий Иванович вел серьезную работу по изучению истории Соликамска и прилегающих районов.

Культурно-просветительская работа из-за отсутствия экспозиции в годы войны проводилась за пределами музея. Большое

количество лекций было прочитано в госпиталях. Основной темой было краеведение, а также лекции на патриотические темы: о А. Суворове, М. Кутузове, войне 1812 года и т. д.).

В школе №1 организовывались выставки: в 1942 году — «И. В. Сталин», в 1943-м — «От солеварен до комбината».

Одной из главных задач, стоящих перед музеем в военное время, была охрана памятников истории города. В 1942 году по инициативе Удимова работала комиссия по осмотру памятников архитектуры и определению их состояния. В состав комиссии входил архитектор Госстройконтроля З. И. Крылова и ответственные хранители специального груза О. А. Панкова-Постникова, Б. Д. Козан, Б. Н. Эмме. Обследовали Крестовоздвиженский и Троицкий соборы, Богоявленскую церковь. 8 января 1943 года комиссия в составе начальника изосектора по Молотовской области А. Иогансона, а также Д. И. Удимова и З. И. Крыловой добились, чтобы девять памятников архитектуры были взяты на государственную охрану.

Таким образом, научная, выставочная и лекционная работа играла огромную роль в культурной жизни Соликамска военных лет, сближала коллектив музейных работников с общественностью города.

В октябре 1944 года был получен приказ о реэвакуации всех музейных ценностей, что хранились в Соликамске. Для руководства этой работой прибыл заместитель председателя комитета по делам искусства при Совете народных комиссаров РСФСР А. Г. Глина. Сотрудник Русского музея Лев Петрович Харко, археолог, прекрасный знаток античной нумизматики и блестящий рисовальщик, вывозил из Соликамска музейные экспонаты, а главный хранитель Николай Федорович Лапин отвечал за их сохранность.

Большой благодарности заслужил коллектив Соликамского музея военных лет за хранение бесценных экспонатов эвакуированных музеев.

Значительное влияние на культурную жизнь города оказали и выступления многих театральных коллективов, находящихся в эвакуации на Урале. Уже в октябре 1941 года давал представление в городе Пермский оперный театр. Соликамские зрители увидели крупнейшие довоенные работы — «Евгений Онегин» П. И. Чайковского, «Дубровский» Э. Направника, «Травиата» и «Риголетто» Д. Верди. Пермская филармония организовала бригады для обслуживания населенных пунктов области. В их программе традиционными были симфонические концерты, творческие вечера солистов театра оперы и балета им. Кирова, в то время находящегося в эвакуации в Перми. Проводились концерты в госпиталях и больничных палатах.

В течение двух с половиной лет лет в Березниках размещался Ленинградский театр юного зрителя. Летом 1943 года труппа театра плавала по Каме и Вишере на специально оборудованной барже-пароходе с небольшим зрительным залом (заезжала в Соликамск).

Театр показывал пьесы А. Островского «Бедность — не порок»,

А. Афиногенова «Машенька», сказку «Кот в сапогах» Л. Макарова и С. Димины, а также несколько водевилей.

Всего за годы войны на Западном Урале творческие работники провели 5706 концертов и выступлений. По инициативе Соликамских кружковцев проводились концерты, доходы от которых шли на помощь фронту. Всего жители города внесли в фонд обороны более 22 миллионов рублей. Велика здесь доля и работников культуры.

До сих пор остается неизученной деятельность репрессированных, отбывавших свое заключение в Соликамске. Научные сотрудники музея по крупицам собирают материал об этих людях.

В 1940 году был арестован и прибыл в исправительно-трудовой лагерь художник-карикатурист Константин Павлович Ротов и пробыл здесь до 1948 года. В 20-х годах он работал в журнале «Крокодил» и постоянно в нем печатался, был сотрудником многих газет и журналов. Из воспоминаний знавших его людей известно, что Ротов возглавлял художественную мастерскую Усольяга, находившуюся в Соликамске. С Ротовым в лагере подружился художник А. С. Белосусов, в 1989 году журнал «Крокодил» опубликовал его пейзаж, написанный в 1944 году в Соликамске. В этом же лагере с Ротовым в художественной мастерской какое-то время находился молодой М. Танич, очень известный сейчас поэт-песенник. Чего только ни делали в мастерской: наглядную агитацию для лагеря, писали копии с известных картин и продавали их в Перми и Соликамске. Было налажено производство детских игрушек. Поступали заказы и весьма серьезные, например, оформление Пермской областной сельскохозяйственной выставки. Начальство относилось к К. Ротову уважительно, и несколько раз его даже вывозили из зоны на этюды. В Соликамском музее хранятся несколько его работ.

В лагере находился архитектор Ф. М. Тольцинер. Какое-то время пребывал в пересыльной тюрьме писатель В. Шаламов, написавший пронзительно-трагические рассказы о лагерной жизни.

Жеромская Нина Михайловна — актриса Ленинградского театра драмы — была репрессирована и в Соликамске жила с 1941-го года по 1959-й. Ею были поставлены несколько спектаклей на сцене клуба Горняков.

Профессор Ленинградской консерватории музыковед Вульфийус Павел Александрович отсидел несколько лет в лагере п. Мошево, затем устроился во Дворец культуры художественным руководителем, организовал детский хор и занимался вокалом.

Хочется как можно больше узнать о творческой интеллигенции, жившей в 30 — 40-х годах в нашем городе. Рассказы о них во многом могли бы завершить картину культурной жизни Соликамска тех лет.

Таким образом, 1930 — 1940-е годы, суровые и трагичные, не остановили культурную жизнь Соликамска, так как она имела прочные корни, уходившие в глубь веков, и на ее развитие неоценимое влияние оказала деятельность многих творческих личностей, живших и работавших в нашем городе.

И. К. Плотникова
Соликамск

Судьбы технической интеллигенции в период тоталитаризма Степан Павлович Соляков (1911 – 1978)

Когда речь заходит об интеллигенции, то чаще имеют ввиду представителей гуманитарных профессий, а ведь в XX веке в России именно инженеры составляли ее значительную часть. Конечно, не все выпускники технических вузов подпадают под это определение в нашем общепринятом российском представлении. Но человек, о котором здесь идет речь, был настоящим интеллигентом. Степан Павлович Соляков, выдающийся инженер, ученый, металлург-исследователь, создатель своего направления в металлургии никогда не был репрессирован, сослан, ущемлен в правах. Возможно даже, в чьих-то глазах он был баловнем судьбы, хотя в его жизни были ситуации, возникавшие из-за его непростого импульсивного характера, которые могли повлечь за собой большие неприятности...

Он стал инициатором и основателем первого в цветной металлургии опытного цеха, ставшего экспериментальной базой для испытания новой технологии и оборудования всей титаново-магниевого промышленности. Стахановец, фронтовик, первый в Пермской области Заслуженный изобретатель РСФСР, его по праву можно назвать героем своего времени. Такая личность могла сформироваться и состояться именно в России, в XX веке. «Это герой для романа Солженицына» — примерно так сказала о нем его ученица и коллега Т. А. Якимец.

В одном его заявлении (это место зачеркнуто) написано: «Я знаю, о таких людях книги пишут, чтобы на примере их жизни и борьбы воспитывать новое поколение инженеров — творцов новой техники».

Имя Степана Павловича Солякова неразрывно связано с Соликамским магниевым заводом. После окончания Свердловского Индустриального института он попадает в Соликамск в момент монтажа основных цехов завода. Затем с группой молодых инженеров и рабочих отправляется на стажировку на Ленинградский опытный магниевый завод. После пуска завода 14 марта 1936 года Соляков становится сменным инженером главного цеха завода — цеха электролиза магния.

Магниевый завод в Соликамске — детище первых пятилеток. Наличие крупнейших месторождений калий-магниевых солей повлекло строительство калийного комбината в 1927 году, а в 1932 году принимается решение о строительстве магниевого завода. Магний — крылатый металл — необходим молодой советской республике, его также собираются использовать в мостостроении, машиностроении и других отраслях. «Магний нам нужен, как

воздух!», — сказал Сталин директору калийного комбината Владимиру Ефимовичу Цифриновичу. Строился завод, как и все предприятия того времени, ударными темпами, энтузиазмом молодых строителей, а также силами заключенных и спецпереселенцев.

К концу 1937 года завод достигает проектных мощностей в тысячу тонн магния. Но смонтированное технологическое оборудование оказывается несовершенным. Уже в 1937 году Степан Павлович Соляков вместе с группой работников УНИХИМА (Уральский научно-исследовательский институт химии) предложил новую конструкцию электролизной ванны. Производительность электролизера возросла вдвое, эта конструкция сохранилась на заводе до 1968 года. В Соликамском краеведческом музее есть фотография Солякова в момент монтажа этой ванны. На обороте им написано: «...Эта ванна была для меня в эти дни все». Как всерьез написала одна студентка, со вздохом: «Степochка так любит свою ванну, как редкие любят девушку». И это действительно было так. Его работа была для него подлинным творчеством, единственным, чему он отдавал себя целиком. До начала войны у него возникает масса изобретений и рационализаторских предложений, его идеи почти сразу реализуются в производстве. Уже тогда он был, как позже говорили его коллеги, «фонтаном идей».

Нужно отметить, что уровень ряда инженеров на СМЗ действительно был высок, они были молоды, талантливы, полны энтузиазма. Ведущий специалист треста «Союзкалий» Я. М. Хейфец писал: «Работает на заводе, в основном, молодежь: самому «старому» инженеру 35 лет, остальным от 26 до 33».

1937 год прошел ураганом как по всей стране, так и по тресту «Союзкалий» и входящему в него магниевому заводу. Были арестованы его руководители во главе с директором В. Е. Цифриновичем, ряд ведущих специалистов. Но Солякова этот ураган не задел, хотя его характер и поступки, впрочем совсем не демонстративные — просто он так жил, не раз могли дать повод. В архиве СМЗ в его личном деле хранятся интересные документы. Выписка из приказа от 2.09.1937: «...Соляков не предъявил пропуск (на проходной). Пропуск оказался в негодном состоянии, Соляков пререкался с охраной, ругался». Он просто хотел попасть на завод, а в негодном состоянии мог оказаться и его новый костюм, прожженный при испытании очередной ванны. Также имеются распоряжения, где ему ставят «на вид» за непредоставление технических отчетов. Он, конечно, понимал необходимость порядка в документации, просто рука не успевала за мыслью.

В личном деле хранится характеристика 1939 года на Солякова С. П. для поступления в аспирантуру, но этого не случилось: он получил ожоги на работе и полгода провел в больнице.

Начало войны Соликамский магниевый завод встретил самостоятельным предприятием, он был выделен из состава калийного комбината. Завод выпускал металл, из которого делали

авиационные моторы и бомбы, но по каким-то причинам у него не было «брони». 350 кадровых рабочих ушли на фронт, на их места встали женщины и подростки. Позднее, когда СМЗ становится единственным поставщиком крылатого металла в стране, он получает бронь, квалифицированные кадры должны работать на победу в тылу. Но Степан Павлович Соляков уже на фронте.

С 1941 по 1945 он был начальником химсанроты в частях Волховского фронта, закончил войну в звании инженер-капитан. В послевоенных анкетах в графе «награды», кроме боевых медалей «За отвагу» и «За Победу над Германией», мы читаем: за изобретение и разработку нового способа дегазации и за разработку средств химзащиты награжден часами и портсигаром.

В воспоминаниях заместителя директора завода по кадрам (в годы войны) И. Ф. Малышева есть примечательный эпизод. Директор Ф. Г. Фальский, до назначения на эту должность работавший в Свердловском Индустриальном институте, вызвал его и спросил об инженере Солякове, которого он знал как эрудированного студента. Узнав, что он на фронте, дал задание написать в военкомат письмо о возвращении его на завод. Подтверждает этот факт документ в архиве из Главного управления алюминиевой промышленности Наркомата цветных металлов. Директору СМЗ Фальскому предлагали возбудить ходатайство о возвращении инженера Солякова в промышленность. Ответа не последовало.

Во время войны Соляков был исключен из партии. Часто такое событие влекло за собой дальнейшие репрессии. Но для него это был просто факт в биографии. В анкетах он указывал, что причиной послужило чтение немецких листовок, высказывания о революции в Латвии и о колхозниках-спекулянтах. Но по воспоминаниям Т. А. Якимец, работавшей с ним долгие годы, произошло это из-за того, что в 1944 году, находясь на постое в одной избе, он был против того, чтобы корову хозяев зарубили на мясо. Ему приказали положить партбилет на стол, что он и сделал. Этот поступок полностью в духе Степана Павловича. О неприятностях с начальством из-за несдержанного характера в этот период он пишет родным. На той же открытке есть такая фраза: «Имею желание по окончании войны стать доктором-профессором или главным инженером крупного завода».

После войны Степан Павлович год проработал в Ленинграде старшим инженером конструкторского отдела Гипроалюминия. Но в 1946 году он возвращается на Соликамский магниевый завод, главное дело его жизни. В автобиографии 1947 года он пишет: «...в настоящее время все силы и время отдаю на решение крупных проблем магниевой промышленности, для чего по моей инициативе в мае 1946 года был организован опытный цех, и я был назначен начальником». Невозможно переоценить значимость этого события в цветной металлургии, цех стал действительным полигоном для

технологий и оборудования, которые в дальнейшем внедрялись на титано-магниевых комбинатах в Березниках, Запорожье, Усть-Каменногорске. В последнее время эти разработки находят применение и за рубежом: в Израиле, Китае.

Степан Павлович Соляков до конца жизни оставался все тем же генератором идей. И он щедро делился ими. Его коллеги говорят, что масса диссертаций была сделана на его идеях. Но сам Соляков так и не имел ученой степени. Среди его учеников были директора и главные инженеры, лауреат Государственной премии, кандидаты технических наук и даже заместитель министра цветной металлургии. Сам же Степан Павлович до конца жизни работал в опытном цехе научным руководителем. Образцовым администратором он быть не мог в силу своей прямой и свободолюбивой натуры. У него был даже свой режим работы, он мог уйти в середине дня на несколько часов, прийти вечером и работать до ночи, без выходных и праздников. Он не очень-то вписывался в заданные рамки, но на него махнули рукой. В 50-е годы в его характеристике был упрек в негативном отношении к общественной работе. Он отвечал, что не может участвовать в массово-политической работе, как с подчиненными, так и с самим собой, потому что у него не остается на это времени. Дать такой ответ в те годы — поистине смелый поступок. В 1961 году ему ставили в вину финансовые нарушения, но Степан Павлович ничего не нарушал, он просто пытался ускорить решение проблемы. В общем, напрямую система его ни разу не задела, очевидно осозная его безусловную значимость. Его изобретения и рацпредложения материально поощрялись, к его 50-летию в 1961 году он был награжден орденом «Знак почета», ему было присвоено звание Заслуженного изобретателя РСФСР. Дирекция и партком ходатайствовали о назначении ему персональной пенсии. Но все же многие его коллеги считают, что его вклад в науку не был оценен в полном объеме. Разработанный им принцип хлорирования и конструкция хлоратора явно были достойны Государственной премии.

В одном поздравительном письме к юбилею есть такая характеристика: «Вас интересует не только все новое в области науки и техники, но и постановки московских театров, Вы очень любите и природу — море, Каму, лес». Кроме того, он очень любил поэзию, особенно Есенина. Другими словами, Степан Павлович Соляков состоялся и реализовался полностью. Он сумел прожить свою жизнь абсолютно свободным человеком, практически всегда говорил и делал только то, что хотел. И это на режимном предприятии, в те времена, которые мы теперь называем тоталитарными... Ему некогда было бояться. Неоднократно его жизнь могла пойти по-иному, но спасало то, что главным в его жизни было дело, которому он посвятил всю свою жизнь. Это дело можно по праву назвать гражданским и научным подвигом.

М. И. Ветчакова
Чердынь

Ровесник века: штрихи к портрету краеведа И. А. Лунегов (1900 – 1994)

Илья Алексеевич Лунегов — первый человек в Чердынском районе, удостоенный высокого звания «Заслуженный работник культуры РСФСР». Ровесник двадцатого века, комсомолец, коммунист, участник становления Советской власти и ветеран Великой Отечественной войны, писарь, избач, краевед, исследователь, популяризатор и активный пропагандист краеведческих знаний, участник и организатор многочисленных походов по родному краю, экскурсий по историческим местам города. Его имя стоит в ряду известных краеведов Прикамья. Он прожил долгую, сложную жизнь. Его по праву можно назвать ровесником века. Личность незаурядная, неординарная, обладавшая множеством самых различных качеств. П. П. Бажов назвал его энтузиастом и «фольклористом нашей советской формации»¹. Лунегов вел огромнейшую переписку с людьми самых разных профессий и интересов: учеными, писателями, сотрудниками музеев, участниками революционных событий, школьниками-краеведами. Он завел специальную тетрадь, в которую записывал все дарственные издания с автографами и пожеланиями (их более двухсот). В том числе, и такая запись: «Лунегову И. А. — терпеливому хранителю русской культуры, энтузиасту! Кажется, жива еще наша многострадальная земля — с поклоном В. Астафьев»². Преобладающее большинство отзывов о Илье Алексеевиче как нельзя лучше выражено в строках стихотворения чердынской поэтессы Светланы Володиной:

Его считают дилетантом,
Но витязь — сказочный Урал —
Ему объятья раскрывал
Покровы с древних тайн срывал
Перед Лунеговским талантом.³

Лунегова в Чердыни звали Ильей Музейным, он более сорока лет возглавлял краеведческий музей. Благодаря его кипучей деятельности музей стал широко известен за пределами Чердынского района и Пермской области. Он проявил себя умелым охотником и таксидермистом, изготовленные им чучела зверей и птиц украшают залы музея и сегодня. Лунегов добился разрешения на право проведения раскопок и, получив «Открытый лист» от института археологии СССР, открыл ранее неизвестный науке Редикорский могильник, о чем упоминается в Большой Советской Энциклопедии⁴. Уникальные находки — иранские сасанидские блюда красуются в залах Эрмитажа. Ему удалось собрать архивы дореволюционных учреждений Чердыни⁵. Он активно формировал фонды материалами по гражданской войне и становлению Советской власти. Когда в 30-е

годы закрывали церкви и часовни, И. А. Лунегов собирал церковные предметы, которые можно было сохранить, только доставив их в музей. В общении с людьми был прост, его речь изобилвала поговорками и присказками.

Илья Алексеевич родился в августе 1900 года в семье крестьянина-бедняка деревни Лызовой Вильгортской волости. Рано лишившись отца, он изведal и труд подпаска, и нужду, и голод, когда приходилось просить «Христа ради» на пропитание, а в 17 лет вынужден был устроиться на работу помощником писаря в волостное управление, чтоб получать «свою копейку». Вскоре по настоянию родственников его женили, так началась его самостоятельная жизнь. Из воспоминаний: «Под влиянием центральной газеты «Беднота», уездной — «Известия Чердынско-Печерского края» я стал политически просвещаться и понимать смысл и значение Октябрьской социалистической революции. Я понял, кому же как не нам, крестьянской бедноте, защищать октябрьские завоевания...»⁶. В 1918 году он вступил в партию. Из воспоминаний: «Хочется еще отметить о важном событии в моей жизни — это вступление в члены большевистской партии, запись в которую проходила 20 октября 1918 года. Вступили мы вдвоем — с сослуживцем Александром Васильевичем Гребневым, моим другом и товарищем... Мы считали, что нам, беднякам, терять нечего, кроме кулацкой обузы, да унижения»⁷. В 1919 году, когда власть в уезде захватили белые, он — молодой партиз — чудом избежал расстрела. Попав в белогвардейскую армию, изведal тяготы солдатской муштры: «Если б белогвардейцы узнали, что я коммунист, отправили б меня «Каму квасить» — спустили бы в прорубь, как обычно поступали с коммунистами»⁸.

Краеведческой деятельностью Илья Алексеевич заинтересовался в далекие 20-е годы, когда работал избачом избы-читальни в Вильгorte, там он организовал краеведческий кружок, а в октябре 1928 года райкомом ВКП(б) был направлен на работу в музей Чердыни. В первое время неопытному деревенскому парню приходилось очень нелегко. Из воспоминаний: «...я совершенно не знал специфику музейной работы. Многие вопросы ставили меня в тупик. Не знал значения многих слов, их смысл, употребляемых в научном обиходе... Постепенно втягивался в курс музейной работы, увлекаясь ее содержанием»⁹. Поскольку Лунегов был коммунистом, райком партии постоянно давал ему партийные поручения: то организовать колхоз, то весеннюю посевную, то хлебоуборку, а в зимнее время возглавить борьбу за выполнение плана лесозаготовок. Он быстро реагировал на замечания, вносил изменения в свою работу. Уральское бюро краеведения, ознакомившись со статьями очередного выпуска брошюры «Чердынский край», дружески советовало не углубляться в изучение далекого прошлого, а, отвечая «насушным запросам советской современности», собирать и изучать производительные силы, условия труда, делать записи, литературно и научно их обрабатывать и публиковать эти материалы¹⁰. И тут же Лунегов пишет в план работы «Общества по изучению Чердынского края»: «Совместно

с музеем выпустить издание «Чердынский край» № 4 со статьями, отвечающими запросам строительства и практического использования в нашем крае по переделке хозяйства»¹¹. Несмотря на его стремление беспрекословно выполнять все партийные поручения, кандидатуру Лунегова в декабре 1933 года обсуждали на собрании первичной партийной организации, и ячейковая комиссия по чистке партии постановила: «Лунегова И. А. за сокрытие от партии своего социального происхождения, являясь сыном торговца, потерю классовой бдительности, протаскивание детей кулаков в советские учебные заведения — Ковыляева и Бронникову, за укрытие кулака Голохвастова от обложения с/х налогом из рядов ВКП(б) исключить»¹². После исключения Лунегов пишет: «После этой чистки создали тяжелые мытарства и переживания. С квартиры погнали, хлебный паек сократили, лишили огородной земли и ряд других издевательств»¹³. А следом за ним пострадали его родственники. Всем известна система наказания того времени. Остается удивляться, как его не выгнали с работы? Бывший коллега, а на тот момент студент сельхозинститута А. А. Ковыляев, дает в письме Лунегову такую характеристику: «знаю тебя как лучшего друга, как товарища-большевика, доброго товарища, с которым можно поговорить обо всем, на все темы: пытливый ум, интерес ко всему, любовь к человеку, большевистский анализ фактов и явлений, беззаветная преданность труду, полнейший энергии, живости человек — человек без гордости, не какая-нибудь Сталинская «вельможа». Вот какой образ встает живо сейчас передо мной в лице тебя, дорогой друг. Подлинно можно сказать, что есть чему у тебя поучиться»¹⁴.

Через два года Лунегову удалось добиться восстановления в члены партии, а годы спустя, к 60-летию Великой Октябрьской революции, он обратился в Комиссию партконтроля при ЦК КПСС о восстановлении партстажа с августа 1919 года. Вскоре получил новый партбилет и был переведен как ветеран коммунистической партии на персональную пенсию союзного значения¹⁵. В условиях того времени мог выжить только тот человек, который разделял и выражал интересы партии большевиков.

Кроме партийной принадлежности надо было быть выходцем из крестьян-бедняков либо принадлежать к классу рабочих, но и этого было мало. Если тебя считали проверенным партией, то надо было доказывать свою преданность делу партии всей своей жизнью. Можно с полным правом сказать: Илья Алексеевич — подлинный герой советского времени, советской эпохи, она его воспитала и вырастила. В его судьбе, как в зеркале, отразились все противоречия, которыми изобилвала история СССР.

¹ Полторацкий В. Чердынская история // Известия. — 1969. — 25 января.

² Васильева В. Дело всей его жизни // Северная звезда. — 1989. — 26 января.

³ Володина С. Ю. Чердынь — тайна вечная. — Березники, 2000. — С. 82.

⁴ Большая Советская Энциклопедия. — М., 1955. 2-е изд. — Т. 36. — С. 240.

⁵ Чердынский краеведческий музей (ЧКМ) № 4649/104.

⁶ Нассонов Р.С. Провинциальные картинки // Северная звезда. — 1993. — 13 апреля.

⁷ ЧКМ № 4649/104.

⁸ ЧКМ № 4649/104.

⁹ ЧКМ, д. № 45 Лунегов И. А. — заслуженный работник культуры РСФСР.

¹⁰ ЧКМ № 4649/104.

¹¹ ЧКМ № 4428/22.

¹² ЧКМ № 4649/104.

¹³ ЧКМ № 4649/104.

¹⁴ ЧКМ № 4649/104.

¹⁵ ЧКМ № 4649/104.

О. А. Ранева
Кунгур

«Радость бытия и счастье в жизни» в поздних трудах Е. Д. Золотова

Проблема счастья отдельного человека и всего человечества в целом, популярная во второй половине XIX века, актуальна и в наши дни. К ней обращались и обращаются философы, литераторы, психологи. Свои рецепты «счастья» в настоящее время предлагают многочисленные газеты и журналы, которые зачастую низводят эту философскую категорию до бытового уровня, приравнивая счастье только лишь к материальному благополучию.

Вопрос о возможности обретения счастья всегда особенно остро стоит в переломные эпохи. Во второй половине 1920-х годов к этой проблеме обратился и Евгений Дмитриевич Золотов.

Е. Д. Золотов (1852 – 1928 ?) — священнослужитель, краевед, фольклорист. Он родился в селе Стефаново (Ленск) Осинского уезда Пермской губернии. Закончил Пермское духовное училище и один курс Пермской духовной семинарии. Служил псаломщиком и дьяконом в храмах Пермской епархии. С 1891 года был членом Пермской ученой архивной комиссии. В 1919 году вместе с частями Белой Армии отступил в Зауралье. До 1926 года жил в селе Песковское Шадринского уезда. Затем переехал в Пермь.

В Перми в 1928 году Евгением Дмитриевичем и были написаны труды, рассматривающие проблему счастья в жизни отдельного человека. Они в настоящее время хранятся в Государственном архиве Пермской области в фонде Богословских. Это статьи: «Радость бытия и счастье в жизни. Наблюдения и выводы 76-летнего старика»¹; «Красота в природе вообще и красота женщины в частности, и воспитательное их значение»²; «Что такое хулиганство с психиатрической точки зрения»³. В них перед читателем открывается философский мир удивительно доброго и равнодушного человека, много испытавшего и прочувствовавшего в своей долгой жизни.

В начале XXI века по-прежнему актуально звучат слова Е. Д. Золотова: «Все народы и государства ждут и готовятся к чему-то страшному, междоусобицают и враждуют. Все и каждый в отдельности недовольны своей жизнью»⁴. Тем не менее, Евгений Дмитриевич считал, что: «Человек, как разумное существо, создан на радость бытия и счастье — с неотъемлемым правом на жизнь и все необходимое для существования, с обязательным трудом для каждого, при помощи взаимных услуг и в полном единении со всеми. Кроме того, человек создан свободным быть во всех своих поступках и делах, но с обязательным нравственным законом в самоограничении и воздержании себя от дурных привычек и в уступках своих интересов в пользу ближнего...»⁵. Таким образом, вслед за писателями-гуманистами Л. Н. Толстым и Г. И. Успенским Евгений Дмитриевич

выделял три основных фактора, ведущих к подлинному счастью: осознание своего человеческого достоинства, любовь и «непреодолимое стремление к труду».

Величайшее благо — труд, приносящий радость, — в поздних статьях Евгения Дмитриевича описывается не как мечта, а как реальность, действительно существующая в обыденной жизни. Автор в рукописи 1926 года писал о себе: «...каждодневно работал 12 – 14 часов в сутки и благодаря этому смог дать детям приличное образование»⁶. Службу в церкви Е. Д. Золотов совмещал с переплетанием книг. Выйдя на пенсию, стал заниматься не только краеведческими изысканиями, но и сельским хозяйством, изготовлял всевозможные упаковки. И, по всей видимости, осознавал себя счастливым человеком.

В третьей главе статьи «Радость бытия и счастье в жизни» Евгений Дмитриевич повествует о людях, перенесших страдания и горести, но не утративших веру в возможность счастья. Счастлив человек, когда рад тому, что имеет — цитирует автор народную мудрость. Е. Д. Золотов рассказывает о двух женщинах, потерявших зрение, но радующихся каждому прожитому в трудах и заботах дню, о приходском священнике, отправившемся в дальнее странствие, о воспитаннице Смольного института, которая под влиянием Л. Н. Толстого «бросила свою беспечную жизнь и перешла на землю». Для всех них мерилom жизненного предназначения стал труд.

Своеобразным философским подведением итогов звучит фраза Евгения Дмитриевича: «Прожив почти всю жизнь среди крестьянства, я старался проникнуть в его миропонимание, и мне казалось, что среди него во всей массе инстинктивно держится свое крепкое, непоколебимое, возвышенное, такое, что главнее всего в жизни».

¹ ГАПО. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1269.

² ГАПО. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1271.

³ ГАПО. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1270.

⁴ ГАПО. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1269. Л. 1.

⁵ ГАПО. Ф. р-973. Оп. 1. Д. 1271. Л. 2 — 3.

⁶ Государственный архив города Шадринска. Научная библиотека. №. 887. Л. 190.

Участники чтений

Абашева Марина Петровна (руководитель литературной секции) — доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета Пермского государственного педагогического университета

Аннинский Лев Александрович — литературный критик (Москва)

Бабушкина Олеся Витальевна — аспирант кафедры культурологии Пермского государственного технического университета

Баранова Ольга Сергеевна — сотрудник Пермской областной универсальной научной библиотеки им. А. М. Горького

Бобкова Юлия Германовна — аспирант кафедры общего языкознания Пермского государственного педагогического университета

Боброва Елена Евгеньевна — заведующая сектором документально-письменных источников Пермского областного краеведческого музея

Бойко Сергей Сергеевич — магистр политехнических наук, аспирант Российской Академии государственной службы (Москва)

Боронников Александр Дмитриевич — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и политологии Пермского государственного технического университета

Бурдин Виктор Иванович — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX века Пермского государственного педагогического университета

Бушмаков Андрей Валентинович — заместитель начальника отдела информации, публикации и научного использования документов Государственного архива Пермской области

Быстрых Татьяна Ивановна (руководитель библиотечной секции) — заведующая отделом краеведения Пермской областной универсальной научной библиотеки им. А. М. Горького

Васильева Нина Александровна — начальник отдела личных фондов и кинодокументов Государственного архива Пермской области

Ветчакова Мария Ивановна — заведующая Чердынским музеем истории веры

Доминяк Александр Владимирович — заведующий филиалом Дома-музея Н. Г. Славянова

Змеев Михаил Владимирович — кандидат социологических наук, доцент Глазовского педагогического университета

Зубков Владимир Анатольевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX века Пермского государственного педагогического университета

Кабацков Андрей Николаевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии Пермского государственного технического университета

Карлюк Татьяна Николаевна — старший научный сотрудник Дома-музея Н. Г. Славянова

Кимерлинг Анна Семеновна — кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии Пермского государственного технического университета

Князева Нина Афанасьевна — кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой педагогики начального обучения и воспитания Пермского государственного педагогического университета

Кузнецова Полина Юрьевна — старший преподаватель кафедры истории Пермского государственного технического университета

Лейбович Олег Леонидович (руководитель исторической секции) — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии Пермского государственного технического университета

Лукьянова Лариса Анатольевна — старший преподаватель кафедры отечественной истории Пермского государственного педагогического университета

Лысенко Олег Владиславович — кандидат социологических наук, доцент кафедры культурологии Пермского государственного технического университета

Масалкина Людмила Викторовна — заведующая Пермской библиотекой № 25 им. М. А. Осоргина

Мосягина Татьяна Александровна — заведующая библиотекой поселка Павловский Очерского района Пермской области

Мохов Виктор Павлович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Пермского государственного технического университета, директор Центра элитологических исследований

Найденова Наталья Михайловна — главный библиотекарь Пермской Центральной городской библиотеки им. А. С. Пушкина

Нечаев Михаил Геннадьевич (руководитель музейно-архивной секции) — кандидат исторических наук, доцент, директор Государственного общественно-политического архива Пермской области

Нижегородова Зинаида Борисовна — заведующая сектором Краснокамской Центральной городской библиотеки

Новикова Нина Николаевна — заведующая отделом обслуживания Чусовской Центральной городской библиотеки им. А. С. Пушкина

Нохрина Наталья Леонидовна — заведующая литературным отделом Пермского областного краеведческого музея

Оболонкова Марина Александровна — доцент, заведующая кафедрой всеобщей истории Пермского государственного педагогического университета

Обухов Леонид Аркадьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей истории России историко-политологического факультета Пермского государственного университета

Плотникова Ирина Константиновна — научный сотрудник Соликамского краеведческого музея

Подюков Иван Алексеевич — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания Пермского государственного педагогического университета

Пономаренко Валентина Петровна — заведующая художественным отделом Соликамского краеведческого музея

Ранева Ольга Анатольевна — заведующая филиалом Кунгурского краеведческого музея

Рождественская Елена Леонидовна — литературовед (Пермь)

Светлаков Вадим Григорьевич — ведущий специалист отдела информации, публикации и научного использования документов Государственного архива Пермской области

Смоляк Ольга Алексеевна — аспирант кафедры культурологии Пермского государственного технического университета

Степанова Татьяна Михайловна — сотрудник библиотеки поселка Павловский Очерского района Пермской области

Субботин Антон Герасимович — аспирант кафедры политических наук Пермского государственного университета

Фадеева Любовь Александровна (руководитель общественно-политической секции) — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой политических наук Пермского государственного университета

Чашухин Александр Валерьевич — аспирант кафедры культурологии Пермского государственного технического университета

Шабалин Владислав Валерьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии Пермского государственного технического университета

Шадрин Василий Олегович — ассистент кафедры истории Пермского государственного технического университета

Шевырин Сергей Андреевич — научный сотрудник Мемориального центра «Пермь-36»

Шелепенькин Николай Григорьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры общей отечественной истории Пермского государственного университета

Шихвинцева Наталья Викторовна — заведующая научной библиотекой Кунгурского краеведческого музея

Шушкова Наталья Викторовна — аспирант кафедры культурологии Пермского государственного технического университета

Юхневич Кирилл Викторович — студент историко-политологического факультета Пермского государственного университета

Содержание

Литературная секция

АСТАФЬЕВ И СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Л. А. Аннинский	
На краю отечества	6
В. А. Зубков	
Последняя проза Виктора Астафьева	18
И. А. Подюков	
«Что-то древнее в нас...»	20
В. И. Бурдин	
Художественная деталь в повести В. Астафьева	
«Последний поклон»	24
Ю. Г. Бобкова	
Символика воды в текстах ранних произведений	
В. П. Астафьева	27
Е. Л. Рождественская	
В. П. Астафьев: начало творческого пути	33

Библиотечная секция

БИБЛИОТЕКИ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

О. С. Баранова	
Интеллигенция и библиотека: пути взаимодействия	36
Н. А. Князева	
Письма старого словесника (размышления учителя	
В. В. Молодцова о литературе)	44

Н. М. Найденова

- Традиции и поиск в духовном пространстве
Дома Смышляева 48

Н. Н. Новикова

- «Пишем вечные письма Астафьеву»
(заметки библиотекаря) 52

Н. В. Шихвинцева

- Астафьев в Кунгуре 55

Т. А. Мосягина

- Единое культурное пространство — поселку 58

Т. М. Степанова

- Новая библиотека XXI века 60

Л. В. Масалкина

- Рождение осоргинской библиотеки в Перми 62

З. Б. Нижегородова

- Издательская деятельность Центральной городской
библиотеки Краснокамска 65

Историческая секция

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
В КРИТИЧЕСКИЕ МОМЕНТЫ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ**

М. В. Змеев

- «В больницу шли... умирать»: к характеристике
проблемного поля врачебной практики
на рубеже XIX — XX вв. 70

А. В. Бушмаков

- Интеллигенция в рясе? 74

К. В. Юхневич

- Правые интеллектуалы: между политикой
и профессионализмом 77

В. В. Шабалин	
Пермские студенты-троцкисты в левой оппозиции	79
Н. Г. Шелепенькин	
Русский философ с «философского парохода» (И. А. Ильин)	83
С. А. Шевырин	
«Щи и Маркс» (Советская действительность 1930-х годов в письмах учащейся молодежи города Перми)	86
А. С. Кимерлинг	
Долг литератора в дискурсе поздней сталинской эпохи	89
О. Л. Лейбович	
К вопросу об упразднении научной автономии в идеологических кампаниях 1940-х годов	92
Л. А. Обухов	
«Дело» профессоров Ключевой и Роскина» и научная интеллигенция Перми	96
А. Н. Кабацков	
Мифологические практики советской интеллигенции	103
А. В. Чашухин	
Преподавательские кадры Пермской области в условиях изменения образовательной системы конца 1950-х начала 1960-х годов	106
О. В. Лысенко	
Кухонные игры: к проблеме формирования дискурса интеллигенции советских времен	108
А. Д. Боронников	
Виктор Астафьев и гражданское общество	112

Л. А. Лукьянова

Дон Аминадо:

«Мы — не эмиграция, а Россия,
выехавшая за границу» 115**М. А. Оболонкова**

Политическое и комическое

в субкультуре интеллектуалов 118

Общественно-политическая секция**СУБЪЕКТЫ И УЧАСТНИКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ****Л. А. Фадеева**

Интеллигенция: объект или субъект политики в

современной России? 122

С. С. Бойко

Роль координации политических акторов

в эффективной репликации институтов 128

В. О. Шадрин

Советская идеология и рок-культура:

проблема отношений 133

П. Ю. Кузнецова

Советское государство

как инструмент модернизации:

функциональный кризис 1980-х годов 136

Н. В. Шушкова

«Наше дело — дача»

(интеллигент и политика в современной России) 145

О. В. Бабушкина

Абстракционизм — проект духовного

преобразования человечества 148

О. А. Смоляк

Конфликтный проект поведения интеллигента
в пространстве советской культуры 151

А. Г. Субботин

СМИ в политическом процессе
(региональный уровень) 156

А. Д. Боронников

Траектория жизненного пути советского обществоведа
на исходе социализма 160

В. П. Мохов

Социальная ответственность российской элиты 164

Музейно-архивная секция

**МУЗЕЙНЫЕ И АРХИВНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ
КАК ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ
ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ**

Т. Н. Карлюк

Роль местной интеллигенции в культурной жизни
заводского поселка Мотовилиха
(2-я пол. XIX — нач. XX вв.) 168

А. В. Доминяк

Последний поклон:
воспоминания о В. П. Астафьеве 173

Н. Л. Нохрина

«А впереди целая вечность?» (неопубликованные письма
Агнии Кузнецовой в собрании Пермского областного
краеведческого музея) 176

Е. Е. Боброва

«Хочется попасть в гущу политической работы...»
(по страницам дневника студента 1920-х годов) 179

Н. А. Васильева

- «Коли не глух, услышишь тоску и печаль
русского человека...»
(о новых поступлениях писем
в фонд Астафьевых) 182

М. Г. Нечаев

- «Рукописи не горят...»
(о жизни и наследии М. Г. Торновского) 185

В. Г. Светлаков

- В. П. Астафьев: штрихи к творчеству и портрету
(обзор переписки писателя и С. М. Гинца) 191

В. П. Пономаренко

- Культурная жизнь Соликамска
в 30 – 40-е годы XX столетия 195

И. К. Плотникова

- Судьбы технической интеллигенции
в период тоталитаризма
Степан Павлович Соляков (1911 – 1978) 201

М. И. Ветчакова

- Ровесник века: штрихи к портрету краеведа
И. А. Лунегов (1900 – 1994) 205

О. А. Ранева

- «Радость бытия и счастье в жизни»
в поздних трудах Е. Д. Золотова 209

- Участники чтений** 211

Научно-популярное издание

АСТАФЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Выпуск второй (17 – 18 мая 2003)

Руководитель проекта

В. Шмыров

Научный консультант

А. Астафьев

Составитель

Т. Соколова

Литературный редактор

И. Максарова

Дизайн

А. Филиппов

Компьютерная верстка

Н. Агафонов

Фотографии

В. Бороздин

Издатель

И. Максарова

Подписано в печать 09.11.2004 Формат 84х108 $\frac{1}{32}$

Усл. п. л. 11,76 + вкл. Тираж 1000 экз.

Бумага для ВХИ. Заказ № 3827

**Издательско-полиграфический комплекс «Звезда»
614990, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34**

A91 **Астафьевские чтения:** Выпуск второй (17 – 18 мая 2003 года). —
Пермь: Мемориальный центр истории политических репрессий
«Пермь-36», 2004. — 224 с.: вкл.

УДК 821.0

ББК 83.3 (2Рос-Рус)6-8

Дорогие друзья!
Отзывы об этой книге
просим присылать по адресу:
614000, а/я 125. Мемориальный центр истории
политических репрессий «Пермь-36».
E-mail: museum@permnet.ru, shmirov@psu.ru

